

18+

Елена Черткова

Тайна Тонгамар

Цикл "Обмен мирами" Книга первая.

Обмен мирами

Елена Черткова

**Тайна Тонгамар. Цикл «Обмен
мирами». Книга первая**

«Издательские решения»

Черткова Е.

Тайна Тонгамар. Цикл «Обмен мирами». Книга первая /
Е. Черткова — «Издательские решения», — (Обмен мирами)

ISBN 978-5-44-964550-0

Детективный роман в стиле фэнтези с элементами психоделики и стим-панка, приправленный острым юмором и ненавязчивой философией. Вселенная Адаламена сочетает в себе аристократическую старину Европы и особенный колорит Востока. Сюжет развивается не линейно, повествование совершает прыжки то в прошлое, то в будущее, то в параллельные события и миры. А в финале делает неожиданный поворот и расставляет все по своим местам, оставляя при этом пространство для размышлений и вопросов к себе самому.

ISBN 978-5-44-964550-0

© Черткова Е.
© Издательские решения

Содержание

Обмен мирами	9
Гостеприимство северных пустынь	16
История Адаламена	22
Западня	28
Возвращение в Дамирлат	39
Исповедь для принца Рамбулат	46
День возвращения в небесный дворец	54
Грид	60
Встреча с демоном	68
История Беллы	77
Белая	83
Секреты ордена Ксар	90
История Рины	104
На поиски легенды	109
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Тайна Тонгамар

Цикл «Обмен мирами». Книга первая

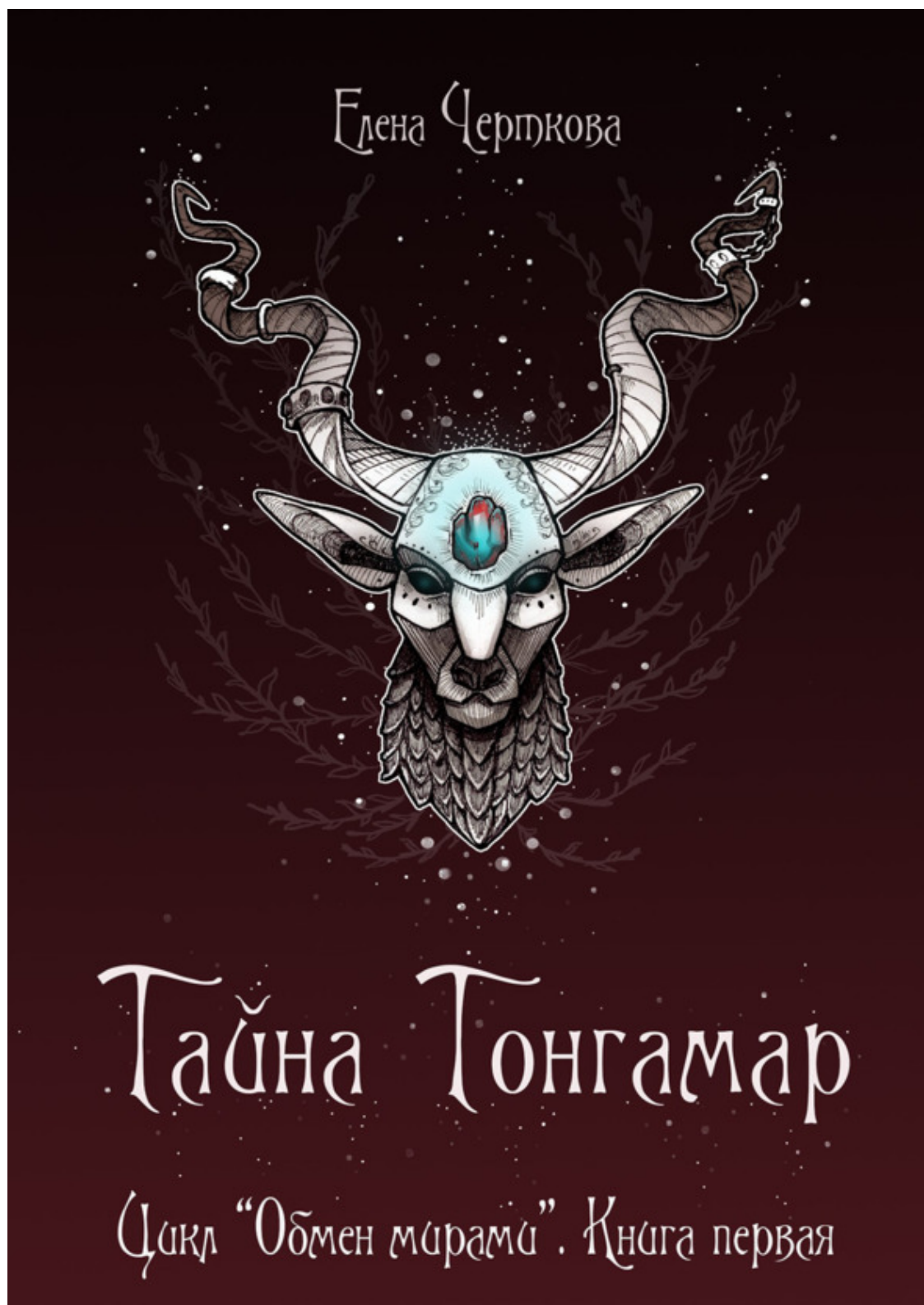
Елена Черткова

© Елена Черткова, 2021

ISBN 978-5-4496-4550-0 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-4551-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТАЙНА ТОНГАМАР
Цикл «Обмен мирами». Книга первая.

Знак информационной продукции +18

Как дорого обходятся ошибки и пороки власть имущих
Цветущим землям, что были колыбелью смертным и богам.
Но тьме в ответ раздастся глас идущих
На свет.
И демон, лжец, чужачка и юнец,
Немое чудище и та, что всех лишилась,
Плечо к плечу, пойдут по следу зла, верша его конец.
Поверив в свои силы.
И пред бесстрашьем, мудростью и добротой,
Как ни был бы искусен враг и полчища безбрежны,
Отступит мрак. И маленькой свечой
Затеплится надежда.

Обмен мирами

Я не поняла, проснулась или еще сплю. В комнате стояла высокая, ростом под два метра, женщина. Падающий в окно свет ночного города освещал кожу гостьи, довольно темную, но не коричневую, а скорее синева-серую. В руках она держала старинный фонарь, за стеклами которого сам по себе, ни на что не опираясь, потрескивал небольшой сгусток огня. Чуть раскосые глаза смотрели с очевидным трепетом и волнением. Длинное необычное платье, тихо зашуршавшее по полу от первого сделанного ею шага, было расшито узорами и мелкими камешками. Я боялась пошевелиться, не зная, что передо мной – странный, слишком реалистичный сон или привидение, в которых никогда особенно не верила.

– Ты видишь меня? – с неподдельным интересом спросило существо.

Желания причинить вред в голосе не читалось, и я осторожно кивнула.

– Потрясающе! И понимаешь, что я говорю?

Я снова кивнула и села на кровати. Загадочная женщина подошла ближе, откровенно разглядывая все вокруг.

– Кто ты? – наконец, спросила я. – Как ты попала в мой дом?

Спохватившись, она всплеснула руками.

– Прошу прощения! Это так поразительно и волнительно, что я совершенно забыла обо всех приличиях. Меня зовут Анна, я ученый, изучаю труды нашей древней исчезнувшей цивилизации. И вот в попытках проследить их путь попала к вам.

– Вы человек?

– Кто?

Анна человеком, конечно же, не оказалась, и позволила узнать, что люди – не единственные разумные существа во Вселенной. Причем удивительные миры, наполненные разными обитателями, начинались сразу за тонкой подрагивающей пленочкой воздуха, висевшей в пространстве комнаты. И тот, откуда прибыла моя гостья, назывался Адаламеном.

Этот еле уловимый взглядом проход теперь постоянно появлялся в самой обычной комнате между шкафом и балконной дверью. Анна залезала в мою жизнь, как дети украдкой бегают по ночам в окно от родителей. С тех пор, как у нас появилась возможность видаться, мы погрузились во что-то непостижимо новое и огромное, а прежняя реальность как будто потеряла былую четкость и притягательность. Часами рассказывая друг другу обо всем, мы еле дожидались своей очереди задавать вопросы. Не только Анна могла проникать в другой мир, довольно скоро эта дверь распахнулась передо мной тоже. Невозможно передать, что испытываешь, когда впервые шагаешь на другую, новую, не виденную никем из людей, землю. Она не была настолько непривычной, чтобы невозможно было воспринять ее, однако многое выглядело и ощущалось иначе. Казалось, наша реальность сотни лет назад приобрела близнеца, которому выпало развиваться по альтернативному сценарию. Природа, жители, животные, ремесла – все было похоже, но имело свой особенный «вкус». Нечто подобное переживают путешественники, когда посещают далекие страны, пробуют новую еду и живут в необычных домах, пытаюсь понять сложившуюся в иных условиях культуру и природу через привычные, знакомые образы: это дерево похоже на большой гриб, а фрукт напоминает клубнику...

По рассказам гостьи Адаламен и так представлялся весьма живописным, но реальность превзошла все ожидания. Тонкая пленка воздуха дрогнула от прикосновения, как гладь воды, и мои пальцы, уже исчезнувшие из этого мира, почувствовали, что там, на той стороне, воздух теплее и влажность выше. Я пригнулась и нырнула в овальное дрожащее нечто, висящее в полуметре от пола в углу комнаты.

– Мой кабинет, здесь я работаю, – немного смущенно повела руками Анна. – Вдали от города, чтобы не мешали.

Вдоль грубо обработанных каменных стен, под деревянными балками крыши стояла простая мебель. Только самое необходимое для работы. Однако на полках, столах и даже на полу было тесно от книг и неизвестных мне предметов из стекла и металла. На провисающих дугами нитях сушились травы, что делало жилище ночной гостьи больше похожим на хижину ведьмы, чем на лабораторию ученого. На миг в голове снова забила мысль, что это только сон, и я провела рукой по висящему на стене гобелену с красивым гербом, значение которого тогда еще не было мне понятным. Поверхность ощущалась отчетливо зернистой и прохладной.

– Пойдем на балкон, вечером небо особенно красивое.

Я, кажется, охнула, как только Анна распахнула еле заметную в углу кабинета узкую деревянную дверь. Невозможно было насмотреться на это глубокое постоянно меняющееся небо, украшенное двумя огромными лунами и ласковым догорающим солнцем одновременно. К концу дня большая материнская луна становилась сине-розовой, иногда даже кроваво-красной, и оставалась такой всю ночь среди крупных, как брызги краски, звезд. А небесная дочь – луна поменьше – менялась от голубого до густо-фиолетового. К утру обе красавицы снова белели и отступали на задний план. Поскольку в городах Адаламена нет электрического освещения, эта красота ярче и ближе, кажется, что можно залезть на крышу и дотянуться кончиками пальцев.

Вокруг дома негустой лес обнимал со всех сторон тихий уютный двор. Некоторые деревья вполне походили на наши, другие лишь с натяжкой можно было считать ими, скорее отдавая должное размеру и оплетающим их кудрям выюнов-паразитов. В зеленых ветвях повизгивали незнакомые птицы. Одна из них, синяя, длинноногая, напоминающая цаплю, обнаружила себя, сделав несколько неуклюжих шагов по небольшому пруду, украшавшему двор. Пернатое существо засунуло длинный клюв в глубокую чашечку белого цветка и, будто почувствовав на себе пристальное внимание, улетело, испугав кого-то в высокой траве.

От красноватого света огромных лун все казалось неистово ярким и живым. Чистейший ароматный воздух хотелось вдыхать с особенной жадностью. Мы молча стояли на балконе и смотрели, как меняется небо.

Анна всегда торопилась вернуться, и вскоре я поняла причину. Через несколько часов, проведенных в чужом мире, становилось дурно, тело слабело, каждая кость казалась налившейся свинцом. Синекожая ученая объясняла, что, пока мы только гости, за прогулку приходится дорого платить. Но стоило однажды Анне упомянуть о возможности сменить мир на новый навсегда и стать полноценной его частью – я поняла, что если она решится поменяться со мной, то и я соглашусь. У нас много прекрасного: столько еще замечательных, не узанных мною людей, не посещенных стран, столько неиспробованного... Но ни один туроператор никогда не сможет предложить настолько невероятное приключение! Такой шанс не выпадет дважды. И она это понимала тоже и переживала так же.

В эту ночь я взяла билет до Адаламена в одну сторону.

– Тебя встретит мой ученик, Марко, у него будет подробная инструкция. Я не знаю, как поведет себя его память. Все жители Адаламена очень странно помнят ксарцев. Никаких подробностей. Все, что они делали, – есть, а самих создателей нет. Будто история сохранила плоды, но потеряла личности тех, кто их вырастил. Поэтому, возможно, мой образ бесследно истает в памяти всех, кто знал меня, как только я займу твое место, а ты мое.

Она показала рисунок – кудрявый молодой человек на листе бумаги беззаботно улыбался. Я кивнула.

– Он передаст тебе немного денег на первое время и еще пару нужных вещей, а самое главное – мои работы, которые помогут нам вернуться назад.

– Анна, ты уверена, что я смогу вернуть тебя? Ваша наука граничит с магией, про которую мы слышали только в сказках.

– Я думаю, у меня получилось связаться с тобой благодаря равноценности обмена. Но вероятность дороги только в один конец очень велика, мы ведь обе понимаем это. Ты в своем мире сделала все, что хотела? Готова уходить?

В это мгновение я поняла, что стою будто на пороге маленькой смерти. Балансируя между двумя мирами, перед решительным шагом то самое «я», с которым привыкаешь себя ассоциировать, выглядит совсем иначе. Секунда за секундой облетали слои того, что казалось чем-то неотделимым, создающим и определяющим меня как личность. Одно движение – и нет профессии, национальности и менталитета, не имеют значения знакомства и связи, фотографии людей на полке, оценки в университете, гражданская позиция, счет на карте и воспоминания. Все, с кем вместе я радовалась и страдала, важные люди, без которых, как казалось когда-то, жизнь прекратится, растают радугой в небе. Что же я забираю с собой? Что будет полезно в совершенно новом мире, где я, как ребенок, даже не буду знать, что съедобно, а что нет?

– Анна, что ты берешь с собой в новую жизнь?

Она на мгновение задумалась.

– Любовь к знаниям. Поскольку я иду туда, где ничего не знаю, она позволит мне чувствовать себя очень богатой. Ведь все будет новым. А ты?

– В одном философском течении говорилось: единственное, чего у нас не отнять, – это способности быть радостными, бесстрашными, мудрыми и сочувственными. Не знаю, насколько мне действительно присущи эти качества, но, кажется, они и есть весь мой багаж.

– Мудрость и бесстрашие тебе точно пригодятся! – усмехнулась Анна, и я отчетливо увидела, что она совсем не боится, наоборот: в ней кипит предвкушение.

Мы взялись за руки чуть выше запястий и одновременно шагнули друг навстречу другу. В момент, когда тела должны были столкнуться, меня ослепила резкая желто-оранжевая вспышка. Движение воздуха, совсем легкое при прошлых перемещениях, на этот раз ударом штормового ветра подбросило меня и словно бы острым песком ободрало кожу с головы до пят. Еще ничего не видя, я проехала по холодной мокрой траве и, наконец, обнаружила себя совершенно голой под двумя огромными лунами нового мира.

Прижав колени к груди и обхватив их руками, я смотрела в неподвижный ночной лес и не сразу сообразила, что даже не догадалась спросить: что делать, если меня никто не встретит? Соорудить платье из листьев и пойти куда глаза глядят?! Выглядит классическим началом новой жизни: холодно, мокро и ты, голый и глупый, пытаешься понять, что к чему...

Шорох за спиной оборвал мои мысли. С горы между деревьями бежал парнишка с мешком в руке. По мере приближения стали различимы крупные растрепанные кудри, точно как на рисунке, что показывала Анна. Выдох облегчения сам собой вырвался из груди.

– Это я! Тебя просили найти меня!

– Анна? – срывающимся от бега голосом бормотал он. – Анна! Я еще помню ее, еще немного помню! Она предупрежда... Ой!..

Марко резко остановился и в полном изумлении уставился на меня.

– Нет ли у тебя какой-нибудь одежды? – намекнула я, поежившись.

Он еще секунду постоял с лицом человека, увидевшего привидение, а потом быстро пожал плечами и протянул грубый тканый мешок. Так мне было вручено простое светлое платье, похожее на хлопковое, и длинный шерстяной плащ. Через пару минут борьбы со шнуровкой на спине я услышала несмелый голос:

– Могу я тебе помочь?

– Да, пожалуйста! – отозвалась я, радуясь, что столбняк моего проводника наконец закончился.

Марко перекинул мои волосы со спины на плечо, и я с удивлением обнаружила, что они выглядят немного иначе. От природы рыжая, тут я стала огненно-красная, словно какой-то хитрец при переходе безжалостно крутанул настройки яркости.

– Кто ты?

– Анна тебе не рассказывала?

– Воспоминания путаются, знаю лишь, что ты не отсюда. – Он нахмурился. – Выглядишь необычно...

– А чем я отличаюсь от тебя? – изумилась я.

– Нууу... Сойдешь за многокровку... У тебя белая кожа и уши, как у сетов, но ты худая, как лиды, и маленькая, как асфир. И волос таких я никогда не видел, а еще этот забавный рисунок на носу. – Он поводит пальцем в воздухе около переносицы.

– Какой? – испугалась я, трогая лицо и вспоминая, что по рукам Анны до локтя поднимался объемный узор, похожий то ли на фигурный шрам, то ли на змеиный орнамент.

– Как будто маленькие брызги или звездочки.

– Веснушки? – выдохнула я. – У вас не бывает веснушек?

Марко отпрянул и помотал головой.

– Ладно. Меня зовут Валерия, если ты этого тоже не помнишь.

– Марко. Я честно пытаюсь, но это как ловить рыбу голыми руками. Я вижу в своей памяти куски воспоминаний, только они все время ускользают. Анна все дальше, и ее прошлое уходит вместе с ней.

Юноша разжег костер и попросил рассказать все, что знаю и помню. Иногда разговор ненадолго затихал, и я представляла, как постепенно забывают меня мои друзья, пытаюсь помочь необычной женщине. Она, наверное, тоже изменилась.

– Что посоветуешь делать?

– Для начала попробуем в школу магического альянса в Дамирате, я учусь там и живу. Утром, когда выспишься, ходим к главе. Выясним насчет магических способностей и что можно сделать, чтобы тебя взяли. Но он не самый приятный тип, так что подготовься заранее: дорога к обучению не будет короткой.

Первым увиденным чудом стало появление шарика огня над рукой Марко, сопровождаемое коротким щелчком и красноватой вспышкой. Мое лицо, видимо, выразило такой детский восторг, что проводник вынужден был остановиться и настойчиво попросить не показывать свое удивление по любому малозначительному поводу, ведь одного внешнего вида и так достаточно, чтобы привлекать излишнее внимание. Пришлось накинуть капюшон и затихнуть, хотя ношение огня на ладони вместо фонарика не казалось мне таким уж пустяковым делом.

Менее чем через полчаса вдалеке показался Дамират – главный торговый и административный город континента. Он представлял собой полтора десятка небольших, разных по форме островов, обнесенных высокими стенами. Все они воспринимались как отдельные замки или крепости, однако выстроенные в едином стиле и связанные между собой множеством разноразмерных мостов. На верхнем ярусе ютились и словно толкали друг друга строения с башенками и куполами. Дома тянулись вверх, как огромные бутоны только начавших раскрываться цветов. Нижние же здания прятались за каменными стенами и могли похвастаться лишь лестницами, балконами и переходами. Кварталы города различались по размеру, форме и назначению, что накладывало определенный отпечаток на архитектуру.

Дамират был завораживающе прекрасен, превосходя все мои представления о его величии и изяществе, сотканное из рассказов Анны. Более всего поразил висящий в воздухе остров, отбрасывающий тень на центральную часть города, в которой без труда узнавался украшенный остроконечными воздушными арками замок императора. На холмистой поверхности парящей суши, утопая в зеленом саду, возвышались строения, продолжавшие архитектурный ансамбль дворца.

– Что это? – спросила я, указывая на висящий над городом кусок суши.

– Имперский сад. Снаружи личное поместье императора и парк. А внутри тюрьма, хранилища и закрытая библиотека. Каждый маг, с одной стороны, мечтает туда попасть, а с другой – надеется, что никогда не придется узнать, что прячется в недрах парящего острова.

Мы вошли в боковую дверь главных ворот, изогнутых тройной аркой, подобной острым лепесткам, и начали обходить один из самых больших островов по широкому среднему ярусу. В нижних помещениях, практически уходящих под воду, селились самые бедные граждане города. Средний ярус состоял из общественных строений, иногда хаотично, а иногда многоуровневым цветком собирающихся вокруг центральной площади. На самом верху, хвастаясь убранством, располагались личные поместья зажиточных господ. Каждый остров считался отдельным кварталом и носил соответствующее название: торговый квартал, квартал ремесел, квартал поместий, галерея или университет. Широкие нависающие над водой балконы, заменявшие исключительно пешеходные улицы, украшались массивными горшками с невысокими деревьями. По ночам на изогнутых ветвях раскрывались белые бутоны величиной с ладонь. Помимо сладкого аромата, они источали неяркое сияние, в темное время дополнительно освещая мелкие площадки и улочки. Основные же балконы и переходы, как внешние, так и внутренние, освещались тяжелыми коваными фонарями с золотистым магическим огнем внутри. Стены строений украшали глиптика и мозаика, отражающие деятельность горожан. Над мостами покачивались огромные флаги-указатели с картами города.

Добравшись до магического квартала, мы поднялись по лестнице на второй уровень среднего яруса и нырнули в небольшую дверь. Внутри каменной громады крепости открывался лабиринт коридоров, площадок и балконов. В конце концов Марко приложил палец к губам и толкнул массивные двери, украшенные символом, знакомым мне по гобелену в кабинете Анны. По количеству книг, непонятных картин и странных предметов на столах стало ясно, что мы переступили порог школы магического альянса.

Студенческая комната с единственным узким и длинным окном не изобиловала ни мебелью, ни даже свободным пространством на полу. Мне досталась кровать, а молодой маг свернулся на коротком матрасе, накрывшись плащом, похожим на тот, что оставила Анна. Ноги его торчали, как юноша ни пытался их спрятать. Я долго не могла заснуть, не способная до сих пор поверить, что все это происходит на самом деле, но вскоре усталость взяла свое.

Днем, в перерыве между занятиями, Марко отвел меня к главе западного отделения альянса. Кабинет господина Луиса оказался невероятен: изысканная мебель с инкрустацией стеклянной мозаикой, книги в бархатных переплетах с изящно вышитыми названиями, а также вещи и свитки на полках, источающие легкое разноцветное свечение. Магиусу пришлось окликнуть меня, чтобы я очнулась, но, кажется, искрящиеся восторгом глаза только польстили ему.

Луис оказался немолодым высоким существом с острыми чертами лица и такими же острыми ушами, торчащими между седых прядей волос почти вертикально вверх. Он достал из стола красно-коричневый кристалл на цепочке и вложил мне в руку. Через мгновение на камне начали проступать цветные пятна. В итоге большая часть окрасилась в белый, а остаток примерно поровну заняли красный и желтый цвета.

– Ваш приятель говорил, что в землях, откуда вы прибыли, почти все магические знания были утеряны от набегов пиратов, сохранились лишь некоторые сведения по травам, – промолвил маг, разглядывая камень. Я покосилась на Марко, и тот неловко пожал плечами. – Но лично у вас совершенно нет способности к лесной магии. Хотя сочетание интересное, не думаю, что вам стоит учиться в Дамирате. Отправляйтесь в Аданаар к господину Андре. Вероятно, он сможет помочь.

– Но почему Аданаар, господин Луис? – аж подпрыгнул на месте мой кудрявый проводник.

– Марко, вы сомневаетесь в моем решении, в то время как вам самому стоило бы учиться в Камила Фир?

– Нет. Простите. – Он опустил глаза в пол.

– Зайдите чуть позже, я подготовлю рекомендательное письмо для магиуса северного крыла. А пока можете идти.

Потухший взгляд молодого мага не обещал ничего приятного. По дороге в библиотеку, где я могла спокойно дожидаться его возвращения с занятий, он объяснил:

– Господин Луис не подарок, а Андре так просто чудовище. К тому же он обучает гневных боевых магов, которые в основном специализируются на холоде, а у тебя огонь. И все занятия там далеки от науки. Вот прибить кого-нибудь, не моргнув глазом, – это их профиль. Но, боюсь, сейчас у тебя нет выбора.

Оставшись среди книжных полок, я зачиталась атласом рас Адаламена, изумляясь, с каким разнообразием живых существ мне предстоит познакомиться. Любители эльфов здесь пришли бы в полный восторг, ибо на континенте проживало целых три их разновидности.

– Новенькая? – услышала я ласковый голос, отвлекший меня от картинки с кайрами – прямоходящими кошками, самыми ловкими и хитрыми существами, ныне живущими на Адаламене.

Передо мной стояла невысокая пожилая женщина с милыми, чуть азиатскими, если можно так сказать, чертами лица и торчащими остроконечными ушами, усыпанными костяными кольцами.

– Пытаюсь начать учиться. Но господин Луис не взял меня, а направил в северное крыло альянса.

Бусины темных глаз на мгновение застыли, но почти сразу собеседница тепло и по-доброму улыбнулась.

– Может быть, это и неплохо. Господин Андре с характером, но далеко не глуп. И ты видела свои способности? У тебя самая большая часть – это эфир, она сложная и малоизученная. А он тоже белый и преуспел в этом.

– Откуда вы знаете, что показал кристалл?

– У меня такой же в голове. Просто индивидуальная особенность.

– А вы можете поподробнее рассказать про эти способности, какие они бывают и чем отличаются друг от друга отделения магической школы?

Добродушная пожилая женщина присела на соседний стул. От нее донесся легкий запах трав и дыма. Густые не по возрасту волосы были заплетены во множество косичек, деревянные украшения на них тихонько стучали друг о друга.

– Альянс имеет четыре учебных отделения. Здесь, в Дамирате, – западное, или золотое крыло, где обучаются существа, склонные к гордости, у них сильная магия металла. Она связана с захватом, достижениями и властью. Изучают и создают новые заклинания здесь же. Красное восточное крыло в Саноре – веселом и свободолюбивом торговом городе. Там обучаются огненной магии желания. Думаю, тебе бы в нем понравилось. В Камила Фир, лесном городе, расположено зеленое отделение юга – их школа самая добрая и милая, работающая с магией леса и земли. Оттуда выходят лучшие целители. И, наконец, северное синее крыло, где основным инструментом является разрушительная магия холода и гнева. Там учат боевым заклинаниям, защите и обращению со специальным оружием.

– Дааа, кажется, что это местечко мне как раз меньше всего по душе.

– В любом отделении сначала дадут азы по всем направлениям и уже потом будут помогать ярче развивать твои способности, – успокоила меня остроухая женщина.

– Спасибо! Мне было бы приятно заниматься у вас. Уверена, что вы учитель, если так понимаете других.

– Я все реже преподаю. Возраст. Но способность видеть хорошие качества у меня осталась, поэтому прими один совет. На собеседовании с новеньким представители альянса обязательно спрашивают, чего тот хочет, зачем ему эти знания. Андре не любит тех, кто сосредоточен только на себе. Он считает их ограниченными, ибо мир велик, а такие не способны видеть дальше собственной жизни. Кто мыслит хотя бы категориями «моя семья», «мой город» или «мой народ» – уже имеют шанс попасть к нему в ученики. Я была главой дамиратской магической школы, когда он сам пришел в эти стены впервые. Его ответ звучал так: «Я хочу полностью раскрыть потенциал своих качеств и превратить их в совершенный инструмент». И кстати, Андре тогда был слишком молод для того, чтобы становиться магом, и я тоже не захотела брать его сразу, поэтому юноше пришлось проявить незаурядную настойчивость.

В этот момент в библиотеку впорхнул Марко с довольным лицом и бумажным свитком, источавшим желтоватое свечение.

– Удачи, чужеземка! – прошептала старушка, и ее расчерченное морщинами лицо подарило еще одну теплую добрую улыбку.

Гостеприимство северных пустынь

– Откуда ты знаешь наш язык? – спросил Марко, закрывая за собой дверь в комнату. – Даже жители Адаламена не всегда могут точно понимать друг друга, а уж тем более читать.

Пришлось задуматься. Действительно, мир был совсем другой, однако имена, предметы, определения – все казалось подозрительно похожим.

– Мне кажется, я не знаю, а каким-то образом интерпретирую, словно подыскивая нечто похожее из своего опыта. Допустим, твое имя. В моем мире оно есть. Хотя в реальности, возможно, ты произносишь его иначе. Скорее всего, эта способность приобретается в момент прохождения через портал. Анна тоже удивлялась.

– Давай попробуем найти то, чего ты не знаешь? – сверкнул глазами остроухий парень, устраиваясь поудобнее напротив.

Но даже несмотря на встроенный в голову механизм идентификации, новый мир оставался совершенно новым. Марко до глубокой ночи пришлось рассказывать все, что должен знать каждый, но не знала я. У наших миров нашлось много общего, однако Адаламен все же казался довольно диким. По лесам бродили звери, оружие носил каждый, кто мог его купить, сухопутные и морские банды грабили торговые караваны и простых путников. Жители северных земель страдали от ужасных, уродующих тела болезней. В некоторых поселениях, контролируемых опасными магами, была узаконена работорговля. В общем, питать иллюзии насчет «райского места» не приходилось.

Не желая попадать ни в одну из описанных моим новым другом неприятностей, в Ада-наар я решила отправиться при помощи портала, способного мгновенно перенести кого угодно в любое из отделений альянса. Способ не из дешевых, зато быстрый и безопасный. Тем более это же настоящий телепорт! Никому не удалось бы отговорить меня опробовать его на себе как можно скорее.

– Ты мой настоящий друг, не потому что единственный, а потому что у тебя прекрасное доброе сердце! – сказала я, пытаюсь отблагодарить своего проводника в новый мир, и крепко обняла его, чувствуя, как тот окаменел от неожиданности.

– Ой, у нас так не принято... Это... Да, я очень надеюсь снова увидеть тебя... Как-нибудь... Скоро.

Член альянса, обслуживающий портал, хитро посмеивался, наблюдая за трепыханиями Марко, чем смущал его еще сильнее.

Шестиугольный постамент был расписан мелкими светящимися символами, которые словно бы слегка парили над поверхностью. Через секунду мое тело оказалось на такой же каменной платформе, только в голубоватом сводчатом помещении северного крыла, где меня поприветствовала большая, с лоском одетая ящерица.

– Новый ученик? – хриплым голосом спросил ханонианец.

– Да. Мне нужно встретиться с господином Андре. Магиус Дамирата направил меня. – Я потрясла в воздухе запечатанным свитком.

– Сантин в главном зале, она заместитель. – Ящерица махнула когтистой лапой в сторону коридора.

Балкон, плавно переходящий в спиральную лестницу, уводил вниз. Помещение северного отделения напоминало круглый колодец, расширяющийся к основанию. С купола, прорезанного лепестками смотрящих в синее небо окон, свисала длинная многоуровневая люстра. Тяжелые шары плафонов держались на ней, казалось, вопреки всем законам физики.

Миновав два десятка вытянутых вверх деревянных дверей, я оказалась в главном зале. Помещение украшали тяжелые вазы с крупными остроконечными бело-голубыми цветами, они источали свежий, кислотовато-фруктовый аромат. Чуть со смещением, нарушая всю сим-

метрию, недалеко от лестницы стояли деревянные столы и стулья, образуя два полукруглых ряда. Наверное, здесь и проходило обучение. За одним из них синекожая, как Анна, тальмерша читала увесистую книгу.

– Прошу прощения, вы Сантин?

– Да, что вам нужно? – заместитель подняла на меня миндалевидные глаза.

– Я ищу господина Андре.

– Его сегодня нет, – ответила она равнодушно и вернулась к чтению.

– У меня письмо к нему от господина Луиса, – настаивала я, понимая, что придется действовать хитростью.

– Скажите, с каких это пор Луис посылает с личными письмами к Андре кого попало?

– Я обязательно уточню у него ответ на этот вопрос и доложу вам, когда приду в следующий раз.

– Сделайте одолжение, – хмыкнула она. – Только это ничего не меняет. Его все равно здесь нет, и господин Андре не отчитывается ни перед кем о своих планах. Можете, конечно, сходить в его поместье и оставить бумаги там.

– Подскажите, пожалуйста, где это?

Она еще раз очень пристально осмотрела явно свалившуюся с луны чужеземку, но ответила:

– На втором ярусе в палатах знати. Выход из здания альянса вверх по лестнице, по которой вы спустились, прямо и в большую арку налево.

По тому, как подробно мне объяснили, где находится выход, стало очевидно, что дальнейшие расспросы бессмысленны.

Марко говорил, что Аданаар находится в зоне северных пустынь. Поскольку мне никогда даже в голову не приходило побывать в пустыне, при выходе на улицу я была ошеломлена. Потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя и догадаться закрыть рот, пока в него не нанесло песка. Тысячи лет назад здесь, похоже, покоилась под толщей воды расщелина морского дна. Огромные моллюски оставили между скал, обточенных до острых пик, свои гигантские раковины самых причудливых форм. Теперь из них был построен целый город. В выпцветшие от времени спирали домов врезали разноцветные округлые стекла, по несколько друг за другом. Они пропускали дневной свет, но были непрозрачными, чтобы скрыть внутреннюю жизнь хозяев от любопытных глаз.

Город лежал в круглой горной долине под неистово синим небом, по которому плавали редкие розовато-желтые облака. Его обнимали высокие светлые стены с изящными обзорными башнями, которые делали защитную конструкцию похожей на перепончатые крылья летучей мыши-альбиноса. От главных ворот вниз, подобно амфитеатру, спускались полукруглые улицы. В самом центре, в хороводе вырезанных из камня декоративных колонн располагались два самых крупных строения. Меньшее оказалось резиденцией губернатора и по совместительству зданием городского совета Аданаара. Второе, по-видимому, когда-то служило панцирем королю рапанов-гигантов, так как размерами тянуло на хороший стадион. Оно и оказалось теми самыми палатами знати. Пространство между домами было аккуратно вымощено осколками раковин, но это все равно не спасало от вездесущего красновато-желтого песка. Под навесами на расстеленных коврах велась торговля. Трубы печей подводились к тонким концам спиралей раковин, из них между расходящихся лучами шипов, украшавших крышу, тянулись струйки дыма, пахнущего незнакомыми блюдами. Мимо с веселыми криками пробежали дети, удерживая палочкой впереди себя резное металлическое колесо. Местные жители по сравнению с Дамиратом выглядели в большинстве своем беднее и неопрятнее, одетые в многослойную, выгоревшую от палящего солнца одежду.

Огромная центральная раковина изнутри представляла собой многоквартирный дом. На двух его уровнях располагались поместья богатых купцов, ростовщиков и владельцев шахт. В крыше общего холла-ротонды имелось огромное окно, причем света из него было достаточно, чтобы в центре зала росло живое, неистово зеленое по меркам этих мест дерево. А рядом источал прохладу фонтан с питьевой водой, окруженный широкими бортиками-скамейками и украшенный неизменными силуэтами морских раковин.

Добравшись наконец до нужной двери, я постучала. Под пальцами блеснула маленькая красная искорка, но никто не открыл.

Других планов в запасе не имелось, и я решила ждать на лестнице столько, сколько потребуется. Примерно через пять минут в дверном проеме возникла темнокожая молодая женщина, пол-лица которой было испещрено глубокими шрамами. Вместо правого глаза осталась зарубцевавшаяся вмятина.

– Он сегодня не принимает, – вместо приветствия грозно сообщила она.

– Но у меня к нему бумага от господина Луиса.

– Я спрошу, – сухо ответила та и пропустила внутрь.

Ожидая в небольшом красивом холле, я невольно начала представлять себе злого мага-старикашку с головой ящерицы или даже с несколькими головами, ведь в существе с такой репутацией совершенно точно не могло оказаться ничего человеческого. Вернувшись через несколько минут, служанка жестом пригласила следовать за ней. Мы прошли несколько залов и вышли в небольшой сад. Господин Андре сидел в деревянном кресле, откинув голову назад и опираясь затылком на ствол одного из невысоких деревьев. Маг был, конечно, немолод, но не оказался ни ящерицей, ни мерзким старикашкой. Наоборот, его полный спокойного достоинства глубоко аристократичный вид обескуражил меня. Лицо магиуса с серовато-синей, как у Анны, кожей чуть тронули морщины, а черные длинные волосы слегка разбавила седина. Не открывая глаз, он протянул руку, чтобы я вложила в нее свиток. Черногокая женщина беззвучно удалилась, закрыв за собой дверь.

Как только свернутый трубкой пергамент коснулся его руки, бумага легко вспыхнула и ее свечение желтоватым облаком растворилось в воздухе. Андре наконец открыл глаза, поражавшие своим цветом. Почти белая радужка по самому краю имела глубоко синий, слегка светящийся изнутри ореол. Он не спеша прочитал небольшой размашистый текст и, не поворачивая головы, взглянул исподлобья на чужеземку, скрестившую в волнении пальцы. Его пристальный недобрый взгляд сравним был разве что с ударом ржавым ножом. Этому существу не требовалась звериная голова, чтобы вселять страх в окружающих.

– Есть ли какая-то действительно объективная причина, чтобы прийти ко мне с этим домой, в день, когда я не хотел никого видеть? – В его ровном и холодном, как лед, голосе не прочитывалось ни одной эмоции. – Что помешает мне выгнать тебя за такую дерзость не только из Аданаара, но и из альянса магов навсегда?

В горле мгновенно пересохло.

– Единственная причина, господин Андре, в том, что я чужачка не только в этом городе, но и на всем континенте. Мне некуда больше пойти, но это меня нисколько не оправдывает. Теперь я вижу собственную глупость и эгоизм и благодарю вас за то, что вы указали на них. Завтра я попробую прийти снова, чтобы попроситься к вам в ученики, если, конечно, меня пустят и вы будете чувствовать себя лучше...

Я опустила глаза в пол и начала поворачиваться к двери.

– Способность осознавать свои ошибки и уважение к тем, кто опытнее тебя, дает возможность чаще быть наполненной. Садись.

Я села на небольшой камень напротив него. Пару долгих секунд он просто смотрел на меня, будто стараясь вспомнить что-то.

– Зачем тебе магия? Ты никогда не была знакома с ней. Ни ты, ни твои предки.

– Я знаю, что у меня есть потенциал, и хочу полностью реализовать его, чтобы довести этот инструмент до совершенства.

Уголки его губ дрогнули в еле уловимой улыбке, а в глазах блеснул интерес.

– И что ты будешь делать с этим инструментом?

– Хочу принести максимальную пользу наибольшему количеству существ.

– Кто же эти существа? – интерес плавно превращался в иронию.

– Там, откуда я родом, считается, что если мы создаем что-то только для себя, то дело всегда будет маленьким, потому что ты один, а других много. Если включать всех, то результат обретает больше смысла и меньше возможность ошибки.

– Интересная позиция. В действительности в этой бумаге, – он показал пальцем на пергамент, лежащий у ножки кресла, – нет для меня ничего нового и полезного. Но некто добрый, хоть не очень опытный, как мог постарался, чтобы ты дошла до меня. Этот кто-то – конечно, не Луис, – знал, что в северном крыле не любят новичков, и до главы ты доберешься лишь с секретной бумагой, которую можно отдать только лично в руки. Не забудь поблагодарить своего отважного друга за помощь, которая послужила бы достаточным условием для его отчисления. – Глаза мага сверкнули, будто начали сканировать меня изнутри. – Но единственное, что в этой истории действительно любопытно: отчего Сайят, столько лет хранившая в памяти мои слова, сказала их именно тебе? Почему Луис сослал тебя в Аданаар – ясно, но зачем мудрейший маг, которого я глубоко уважаю, хотела, чтобы я взял тебя учиться? И мы попробуем это выяснить на деле. Ты можешь начать обучение на общих правах. Возвращайся к Сантин, я напишу ей бумагу с разрешением жить и учиться в северном отделении альянса на правилах годового взноса.

– А каков этот годовой взнос? – по телу пробежали мурашки.

– Во всех городах он един. Три тысячи монет.

Я закрыла глаза. Какой позор!.. Снова открыв их, я физически ощутила, как господин Андре выжидающе смотрит, склонив голову набок.

– Могу я платить частями? Все, что у меня есть сейчас, это восемьсот монет.

– К сожалению, это невозможно, правила едины для всех. У тебя есть время. Мое решение действует бессрочно.

– Благодарю вас...

На подкашивающихся ногах я направилась к выходу.

– Ты была так настойчива, чтобы прийти сюда, но так легко готова уйти... Знаешь, что такое Омбран?

– Нет, – тихо ответила я.

– А лунный мед?

– Господин Андре, вы совершенно правильно заметили, что я никогда не имела дело с магией и не знаю ровным счетом ничего. Вообще ничего.

– Магия тут ни при чем. В этом кишашем ворами, проходимцами и пиратами месте такую наивную чужачку, как ты, в лучшем случае оставят вообще без монет за ближайшие пару дней, а в худшем – продадут в рабство. У тебя же действительно есть возможность стать гораздо более полезной, чем натирать полы с ошейником рабыни в домах Омбран. Что ты умеешь?

– К сожалению, основное занятие, которое у меня было, здесь никому не нужно. Я заставляла некоторые сложные устройства выполнять их работу. Но здесь таких нет.

Он с искренним удивлением приподнял одну бровь.

– Еще что-то?

Я смутилась, судорожно пытаюсь вспомнить про себя хоть что-то полезное.

– Ну... Массаж могу делать...

Выражение из удивленного стало вопросительным.

– Это наша практика целительства. Разные точки на теле отвечают за различные болезни, и многие можно вылечить, правильно нажимая на эти участки. Вот вы же сейчас, кажется, неважно себя чувствуете, я могла бы попр...

– Не горю желанием испытывать на себе чудеса неизученных техник целительства. – Мой собеседник слегка скривился. – Тем более, у нас обычно трогают друг друга совсем в другом контексте. Но его ты мне не предлагаешь, не так ли?

– Нет, господин Андре. Его я вам не предлагаю!

– Что еще?

– В конце концов, я могу работать по дому, хоть у меня и есть возможность стать более полезной, но от натирания полов еще никто не умер. Или я могла бы ухаживать за вашим садом.

– Это вряд ли, сад магический, без солнца он бы не вырос здесь. Ну хорошо, полы так полы. Я разрешаю тебе остаться в моем доме в качестве помощницы для Беллы.

Я не верила своим ушам.

– Но не думай, что у меня случился внезапный приступ щедрости и тебе удастся накопить на обучение, живя за мой счет. У чужачки будет достаточно работы и не очень много свободного времени, которое ты потратишь, рассказывая мне про свою родину. Однако это даст возможность хотя бы немного познакомиться с нашим своеобразным обществом, прежде чем вляпаться в любую неприятность из тех, что с нетерпением ждут тебя за этой дверью.

Я не помнила себя от счастья, и даже абсолютно недружелюбное лицо Беллы не могло испортить настроения.

– В главной части дома тебе разрешено ходить только в библиотеку, в остальные залы лишь с личного разрешения господина Андре или по моим поручениям, – объясняла она. – Здесь, в нижней части поместья – кухня, хранилища, ванна и комнаты слуг. Тут можешь чувствовать себя свободно. Я принесу тебе одежду. Это платье не подходит для Аданаара. Ты, наверное, еще не видела бури.

Белла принесла длинную мантию из гладкой, плотной, но довольно легкой ткани с затягивающимся капюшоном, что-то вроде медной маски со стеклянными глазницами и несколько длинных шарфов из плотной и очень приятной ткани, похожей на шелк. Я удивленно рассматривала полученное.

– Мантию можешь носить поверх своего платья, в ней не жарко и она не будет так развеиваться на ветру, а в случае бури надевай маску, затягивай капюшон и обматывай горло и запястья шарфами. Красные бури, идущие с севера, отравлены. Не все, но многие. Зараженный песок начинает разъедать кожу, и больной превращается в чудовище. Не в подобное мне, – она усмехнулась, – а в настоящее чудовище, и стража без разговоров убивает таких, как только появляются первые язвы на коже.

История Адаламена

Белла не стеснялась раздавать указания с утра до позднего вечера, хотя, надо отдать ей должное, терпеливо относилась к моим бесчисленным вопросам. Особенно к тем, ответы на которые должен был знать любой местный ребенок. Андре же не встретился мне ни разу за довольно продолжительное время, поэтому хотя бы пару часов поздней ночью я старалась уделять свиданию с сокровищами огромной библиотеки – искала что-либо об основах магии.

Однажды, шаря пальцами по переплетам, я услышала легкий хлопок за спиной. На столике позади лежала массивная книга в обложке из толстой кожи, рядом стоял господин Андре в шикарной мантии со свойственным ему, видимо, снисходительно-кислым выражением лица.

– На твоём месте я бы начинал не с магии. Даже Белла, терпеливейшая из даотов, устала от бесконечных вопросов, а в классы магической школы тебя вообще пускать нельзя.

Хозяин дома вышел. Я посмотрела на заголовок и поняла, что он прав: сначала надо познакомиться поближе с миром, куда я попала, и лишь потом замахиваться на что-то посложнее.

Сон решительно не выдерживал конкуренции с совершенно захватившей меня историей Адаламена. Она не воспринималась как школьный учебник, а напоминала сборник волшебных сказок, хоть и, как оказалось, довольно мрачных. Адаламен – самая крупная и богатая из известных здесь земель. Поэтому сюда издавна стремились переселенцы из всех ближайших мест, отчего населяющие его существа столь разнообразны. В книге рассказывалось, что первой и исконной расой континента были дамиры, или светлые. Жили они в плодородных и богатых лесах на юго-западе острова. Высокие, двухметрового роста, со светлой, почти белой кожей, они до сих пор считались самыми красивыми и аристократичными существами среди обитающих на континенте. Дамиры любили роскошные одежды и жилища и во всем стремились к идеалу. Талантливые в науках и ремеслах, со своей неукротимой тягой к развитию они подарили Адаламену письменность и основы градостроительства, а также стали родоначальниками множества профессий. На месте самого древнего поселения дамиров стоит крупнейший и богатейший город континента – Дамират, который по праву считается столицей науки, искусства и ремесел.

Вторая лесная раса — асфиры, о чьем происхождении существуют две противоречивые легенды. По источникам светлых, один из правителей жаждал развивать военное дело и считал, что в городах нужно оставлять лишь самых сильных и крупных детей. Поэтому всех остальных, вместе с не пожелавшими расстаться со своими отпрысками родителями, отвозили на заболоченные или холмистые неплодородные земли. Правда, асфиры утверждали, что бежали из каменных городов сами, полагая, что истинная сила черпается исключительно

из природы. Действительно, они превосходят все расы в целительстве и работе с животными. Их деревни прячутся в глухих лесах, и до них практически невозможно добраться без проводников. Асфиры склонны отказываться от всего, чего не дарит природа, стараются держаться в стороне от войн, политики и прогресса. В болотистых местах дома лесных жителей часто располагаются на деревьях, а в холмистых похожи на норы. Ростом они гораздо меньше светлых, но крепче и сильнее физически. Это единственная раса, имеющая сильный религиозный культ лесных духов. Хранительницы культа покрывают кожу особыми рисунками, называемыми песнями богов.

Асфиры не любят лишнюю одежду, зато обожают украшения из кожи, кости или дерева. Веселые, шумные и музыкальные, они лучшие певцы и танцоры. В главный праздник Адаламена – День возвращения в небесный дворец – устраивают масштабные театральные празднества на холме Мила возле их самого большого города Камила Фир.

На этой классификации заканчивалась первая эпоха жизни континента, которую зовут временем без магии, или эпохой лесных жителей. Следующая начиналась с пришествия синекожих существ, обладающих исключительными способностями и уникальными знаниями, сделавшими их поначалу полубогами в глазах жителей Адаламена. Легенды гласили, что пришельцы с синей кожей и крутым нравом принесли с собой оружие, которому не было равного. Жестокие и воинственные, они желали управлять новыми землями, требовали поклонения и строительства храмов, носящих их имена. Несколько лет шли кровопролитные войны – до тех пор, пока среди завоевателей не произошел раскол. Часть синекожих пришельцев встала на сторону жителей Адаламена, и с их помощью лесной народ одержал победу. Оставшиеся на континенте полубоги получили название «тальмеры» по имени их родины – Тальмы. Также их называют темными, но не только за синевато-серый цвет кожи, а за агрессивный, вспыльчивый нрав и чрезмерное самолюбие. Однако, сколько бы бед ни принесли завоеватели, именно им Адаламен обязан той магией, которую знают и используют по сей день.

Особенно талантливые дамиры и тальмеры обменивались опытом и создали закрытый орден Ксар, где сплетались наука и магия, рождая множество невероятных открытий, а еще – механизмы с поражающими воображение возможностями. Но не богатство и власть были целью ксарцев. Высокоморальные и любознательные, они стремились к порядку и развитию во всем. Схематичные картинки, изображавшие ксарцев, недвусмысленно напоминали роботов, что никак не вязалось со всем тем, пусть и немногим, что я успела узнать об Адаламене.

Новый орден развернул обширную программу по изучению и освоению ближайших земель. Благодаря экспедициям в засушливые пустыни и горные хребты произошло знакомство с северянами. Они выглядели один в один как люди и разделялись на сетов и лидов. Сеты – статные воины, чей девиз «сила и отвага», однако любящие женщин и шумные пирушки. Лиды – скрытные, скромные кочевники, считающие любые излишества ненужными и обременительными, вели обособленный и аскетичный образ жизни. У них также процветал культ духов, который, однако, не ассоциировался ни с предками, ни с высшими созданиями. Духи скорее выступали неким источником силы, с которым можно договориться. Кровь лидов иногда позволяла рождаться детям с уникальными способностями. Самые одаренные из них имели особый вид интуитивной природной магии и становились шаманами, целителями и защитниками своего племени.

Усилиями ксарцев все народности жили в мире, ведя торговлю и обмениваясь опытом. Северяне, будучи непревзойденными воинами, при поддержке императора организовали повсеместно школы военного мастерства, которые в будущем объединились в так называемую военную лигу. Сильнейшие выпускники всегда могли рассчитывать на приглашение в охрану порядка и даже личные войска главы Адаламена. Но пуще лиги воинов правителя смущали разбредшиеся по континенту маги. Одни спокойно набирали себе учеников, другие же промышляли откровенным разбоем или, того хуже, жестокими и опасными экспериментами. Собрав

сильнейших под эгидой развития магических знаний, а также с целью контроля их использования, император поспособствовал созданию магического альянса. Теперь только он имел право выдавать лицензии на обучение, а к тому же собирал и контролировал все разрабатываемые заклинания. Так появились первые три влиятельные организации на Адаламене.

Позднее выяснилось, что на востоке образовалось поселение мореплавателей из других земель – Джавал. Прямоходящие кошки, кайры, обосновались на открытых ими землях, даже не подозревая о том, что за зелеными горами живет сильная развитая цивилизация. Ксарцы переняли у соседей идеи для судостроения и оставили их жить в восточной резервации, разрешив торговлю и ограниченную миграцию. Дело в том, что для кайров ловкость и хитрость – не только средство выживания, но и главное развлечение, способ выяснить отношения, манера ухаживать, показать свой статус и даже проявить заботу. Для них совершенно нормально прийти к кому-то в гости и украсть что-то значимое, и чем сложнее задача, тем интереснее игра. Хозяин при этом не только должен всегда быть начеку, но и сам пытается проверить, нет ли у гостя с собой чего-нибудь интересного. Если пришедшему удалось что-то стащить, то хозяин считает его поведение честной победой и испытывает к вору искреннее уважение вместо обиды. От подобного отношения к частной собственности к кайрам везде, кроме Джавала, относились с большой настороженностью.

Также была налажена торговля с соседней южной землей даотов, имеющих много драгоценных камней и производящих самые красивые ткани. Поскольку засушливые земли не давали хороших урожаев, чернокожие чужестранцы меняли свои богатства на плоды и зерно жителей Адаламена. Даоты – спокойные и терпеливые, успешные купцы и хорошие путешественники.

Были у адаламенцев и постоянные враги: огромные ящерицы на западе и дикие племена с северного архипелага. Упорно не желая идти на переговоры с орденом Ксар, они громили мелкие порты и перехватывали караваны и суда. Для защиты от их набегов по всему континенту построили множество военных станций и механических охранников. Одерживая победу, пленных ханонианцев превращали в слуг, а сильных и грубых северян отправляли работать в шахты. Некоторые пленники, чувствуя превосходство жителей Адаламена, прекращали сопротивляться и начинали уважать и принимать культуру своего нового дома.

Но однажды ксарцы исчезли... Так началась третья эра – время увядания. Прошло уже около четырех столетий с тех пор, как жители Адаламена обнаружили, что все строения великого ордена пусты. Огромные сложные механизмы до сих пор продолжали работать в невероятных по размерам подземных лабиринтах-лабораториях. Существуют легенды, что в некоторых заброшенных станциях, в огромных колбах когда-то находили недвижимые тела – наполовину из материи, наполовину из металла. Это было связано с тем, что одной из великих целей ордена ученых являлось бессмертие, создание совершенного хранилища для разума, что, по их мнению, открывало путь в мир богов. Однако Ксар всегда держал в секрете свои работы, и после исчезновения ордена жители континента столетиями пытались разобраться в высокотехнологичном наследии. Бесчисленные труды великих мастеров были собраны, частично расшифрованы и до сих пор изучались в Дамирате.

Вклад этих великих мыслителей, воинов и дипломатов сложно переоценить. Благодаря им жители Адаламена долго существовали в мире и постоянном развитии, будучи примером и недостижимым идеалом для соседних земель. Магический альянс первым объявил себя законным последователем ордена Ксар, а за ним поспешили и главы имперских городов. Органы власти до сих пор пытались следить за соблюдением большей части написанных тогда законов, пресекать конфликты между расами и сплачивать Адаламен против внешних врагов. А вот страсть к опытам и стремление в мир богов больше заинтересовали появившихся тогда так называемых «чистых тальмеров». Они не допускали скрещивания с другими расами, чтобы не терять уникальные магические способности, а лишь множить их. На дверях таких семей

можно было найти символ древней тальмерской богини Омбры, дарующей благословение лишь победителю. Иными словами, часть темных сохранили приверженность идеям и законам пришедших когда-то завоевателей, и культ победителей со временем нашел своих последователей. Так появился дом Омбран, к которому примкнули несколько сильнейших магов, каждый из которых построил свою башню и небольшой город вокруг нее. По правилам дома прав всегда сильнейший, так что если кому-то удавалось одолеть хозяина, то победитель получал все, чем тот владел. Поэтому маги Омбран очень осторожно относились к ученикам, не любили далеко и надолго покидать свои имения и никогда полностью не доверяли друг другу. Конечно, их раздражало, что светлые и уж тем более асфиры выдавали им лицензии на опыты и набор учеников, но тех, кто не хотел играть по правилам императора, магический альянс в компании военной лиги ровнял с землей вместе с башней. И только на одну деталь темные после многолетней борьбы заставили правителя закрыть глаза. У тальмеров считалось естественным подчинять себе явления и существ, поэтому в землях вокруг башен до сих пор узаконено рабство. Так, одним из получивших популярность на всем Адаламене изобретений дома Омбран стали специальные ошейники и кандалы, причиняющие невероятную боль тому, кто отойдет слишком далеко от своего хозяина. Чаще всего рабами становились ханонианцы и кайры, потому что чистые тальмеры считали их скорее дикими животными, чем разумными существами, объясняя это практически поголовной неспособностью к магии.

Вскоре вкус силы и власти дома Омбран начал привлекать и других сильных магов, нашедшихся и среди дамиров и асфиров. И темные начали брать их к себе в ученики. Так чистота крови утратила главенствующую роль, а объединение властолюбивых и своенравных магов стало выступать как некая оппозиция магическому альянсу и политике императора.

Чтобы не покидать своих башен и не пачкать руки, нарываясь на прямую войну с центральной властью, маги принялись искать, кому бы доверить грязную работу на континенте. Их примеру последовали другие влиятельные люди Адаламена, не желающие открыто участвовать в сомнительных делах. Вскоре профессия наемника приобрела популярность. Древний, довольно богатый род владельцев шахт объединил в себе самых опытных и неуловимых наемников, и появился еще один влиятельный дом Адаламена – Рамбулат. Теперь наемники под защитой друг друга становились все большей силой. Если купец нанимал Рамбулат охранять караваны, то под флагом с двойным полумесяцем на протяжении всего пути торговцы чувствовали себя в безопасности. Если же кто-то нарушал условия оплаты – Рамбулат брал свое в десятикратном размере. По сути, правил существовало только два: нет дел, за которые бы наемники не взялись, остальное – вопрос цены. И если наемник был посвящен в какую-то тайну, то она умирала вместе с ним. Никаких других законов и ограничений не было.

Бедные и не столь искусные обитатели континента, чаще всего не желавшие иметь ничего общего ни с законом, ни с моралью, стали также искать защиты друг в друге, отчего сам собой сложился так называемый дом теней. С ними тоже можно было иметь дело, только дешево и никаких гарантий.

Около пятнадцати лет назад на севере Адаламена произошло сильное извержение вулкана Тонгамар. С этого события начали записывать новую историю континента, которую уже называли временем наказания. Вскоре после этого ветер, идущий со стороны огненной горы, принес первые отравленные песчаные бури, почти полностью уничтожившие ближайший крупный северный город и несколько мелких деревень. Не скрывшиеся от смертоносного ветра начинали словно бы гнить изнутри, а потом изменившаяся плоть мучительно мутировала, превращая существо в настоящее чудовище. Ничто не помогало больным. Через неделю существо переставало узнавать кого бы то ни было и, словно на гипнотический зов, двигалось в сторону Тонгамар, убивая всех, кто попадался на пути. Несколькими годами позже сначала недалеко от огненной горы, а потом и в других районах начали встречаться неизвестные ранее существа. Они имели магическую природу стихий, поэтому были названы элементами: огненный,

водяной, древесный и воздушный. На контакт они не шли и всегда проявляли крайнюю агрессию. Маги альянса безуспешно вели исследования болезни, приносимой загадочными ветрами, и элементарей, но пока никто не мог понять ни природы их появления, ни цели существования на Адаламене.

«Не такой уж и славный этот мирок, – подумалось мне, – и, похоже, самые крупные проблемы здесь еще только начинаются».

Западня

Сжимая в руках несколько фруктов, я бежала в библиотеку, когда Белла преградила путь. Она забрала мою ношу и сообщила, что господин Андре ждет для ужина в саду, прямо сейчас. По пути я остановилась перед зеркалом. Поношенное платье, низ подола которого давно уже не отстирывался от красноватой аданаарской пыли, волосы собраны в неаккуратный узел, чтобы не мешали работать...

– Уродский мешок! – простонала я, попыталась хотя бы прическу привести в порядок, но бросила. – Ну кого я тут пытаюсь обмануть своими кудряшками! Можно подумать, они смогут как-то скрасить мою непроходимую необразованность в глазах этого ледяного короля!..

Однако адаламенское вино оказалось вкусным и довольно крепким, а собеседник – неожиданно внимательным. Андре подробно расспрашивал, где находятся мои земли, чем занимается народ, какие виды науки и ремесла используются, какова система управления, и еще задавал десятки вопросов, на которые было не так-то просто подобрать ответ, не выставив себя сумасшедшей.

С одной стороны, врать этому холодному, пронизывающему насквозь взгляду просто бессмысленно. С другой... вот уж кому мне не хотелось открывать тайны Анны – так это знатному боевому магу, так неожиданно заинтересовавшемуся персоной простушки-чужеземки. Что-то ему нравилось, что-то казалось сомнительным, а что-то просто непонятным.

Когда закончилась первая бутылка вина, господин Андре удалился за второй. Подол его мантии задел папки, лежащие на деревянном столике рядом с креслом. Из кожаного переплета выпорхнул пожелтевший, словно вырванный откуда-то листок. На нем коричневыми чернилами был изображен изящный старинный дирижабль, немного необычный, с перепончатыми крыльями-парусами.

– У вас есть такие? – спросил хозяин дома.

– Да. Были когда-то. Но они медленные и неудобные.

Он слегка нахмурился, разливая вино по бокалам.

– Прошу, расскажи мне все, что знаешь о них.

– Мы называли их «дирижабли». Воздух нагревается и наполняет шар. Теплый воздух легче холодного, и устройство идет вверх. Если он большой, то может поднять довольно тяжелую и вместительную конструкцию. Насколько я понимаю, нарисованные здесь крылья используются как паруса на корабле, чтобы менять направление судна согласно ветру. Но это, скорее всего, не сработает, а сделает дирижабль только менее управляемым.

– Зачем вы вообще использовали их?

– Чтобы летать. Перевозить по воздуху людей и грузы. У нас же нет магии. Больше нет... – осеклась я. – А животные медленные и летать не умеют.

Господин Андре задумался. Потом снова поднял глаза и легко усмехнулся.

– При возможностях магов Адаламена совершенно бесполезное устройство, не так ли?

– Думаю, да.

Маг достал из папки еще один рисунок. На нем оказалось животное, похожее на собаку, но ее передние конечности, будто сделанные из металла, напоминали то ли ножи, то ли острые ножки крабов. Я вопросительно нахмурилась, в ответ на что хозяин дома лишь покачал головой и забрал рисунок.

– Можешь ничего не говорить, я уже все понял. Благодарю за весьма приятный и полезный вечер, но хочу дать один настойчивый совет: в твоих интересах как можно меньше распространяться на тему своего прошлого, если это, конечно, не происходит в моем саду. Врешь ты еще хуже, чем готовишь. И я бы на твоём месте тоже не спешил доверять мне. Однако надеюсь еще разгадать, почему иногда ты уходишь от ответа, а иногда вываливаешь то, чего

говорить и не следовало. – Холод ураганом пронесся у меня по спине. – А теперь прошу меня извинить...

И он вышел из сада с папкой подмышкой и со сведенными на переносице бровями.

Такие вечера случались еще пару раз, и они действительно начали казаться слегка опасными. Собеседник явно загонял меня в ловушки, впрочем, добившись этого, не настаивал на ответе и не довольствовался формальной победой. Маг словно бы составлял карту хранимых мною секретов, выявлял максимальные границы тем и подробностей, о которых я не желала распространяться. Хозяин сада умышленно подводил к одному и тому же вопросу с разных сторон, наблюдая за тем, как меняются ответы или насколько быстро мы снова уткнемся в очередную тайну. В конце концов я не выдержала и осмелилась спросить то, что уже давно вертелось на языке.

– Господин Андре, ведь вы наверняка можете заставить меня рассказать вам все. Почему тратите столько времени?

Маг легко и чуть снисходительно усмехнулся, в который раз заставляя пожалеть, что открыла рот.

– А ты уверена, что если я залезу в твою голову силой, то пойму увиденное в ней именно так, как должен?

Эта фраза лишь доказывала: милые беседы в саду закончатся, едва магиус узнает все, что хотел. А дальше возможны варианты, ни один из которых не похож на «и жили они долго и счастливо». Мы не друзья; это прекрасное вино, его спокойный, почти ласковый голос – лишь инструменты, которыми он поддевает крышечку, чтобы приоткрыть интересующее его содержимое. Вот и все...

Однажды вечером Белла сообщила, что на шахте, принадлежащей Андре, какие-то проблемы. И поскольку он в отъезде по делам, чернокожая работница обязана отправиться туда сама. Выдав море указаний, Белла попрощалась на пару дней. А буквально через несколько часов я столкнулась с хозяином поместья в коридоре. Мрачный, с рассеченным кровотокающим виском и странным, словно опьяневшим взглядом, маг пару мгновений смотрел, словно вспоминая, кто перед ним. Потом достал из кармана мантии бархатный мешочек с деньгами и кинул мне.

– Убирайся отсюда немедленно, – тоном, не допускающим возражений, произнес он. – Поужинаешь и переночуешь на постоялом дворе.

Секунда растерянной медлительности заставила мага в нетерпении двинуться вперед, отесняя меня к двери. Его глаза горели какой-то дикой злостью и еще чем-то особенным, чего раньше никогда в них не было.

– И не вздумай вернуться раньше, чем завтра в полдень!

– Хорошо... – прошептала я, уже нащупывая пальцами ручку двери.

– Ну что ты копаешься! – зарычал он, схватил меня за шиворот и, приподняв в воздухе, одним движением вышвырнул наружу, будто котенка. Потом, достав из-за спины посох, провел над порогом красную переливающуюся линию. – Кто пересечет эту черту раньше полудня – сгорит ко всем демонам в задницу!

Дверь захлопнулась прямо у моего носа. Еще мгновение я стояла на площадке перед ней, опершись спиной на перила и пытаюсь понять, что происходит. Идти на улицу в чем есть – здесь просто неприлично, да и ночной холод не плод моего воображения, а если там буря... Стоп, будем решать проблемы по мере поступления и устроим выходной!

Первым пунктом маршрута стал портной, который как раз недавно пошил новую мантию для мага.

– Господин Халу, у меня сегодня свидание, но вы знаете, что лучшие платья мне не по карману. Могу я одолжить у вас что-то и вернуть завтра, заплатив процент за пользование?

Пожилой даот разулыбался.

– Если вы обещаете вернуть наряд в первозданном виде, то не вижу проблем. Тем более, я хорошо знаю вашего хозяина, он уважаемый человек, которому можно доверять. Кстати, у меня есть кое-что очень красивое, как раз для вас.

Прекрасное сине-зеленое платье из мягкого тонкого бархата, по-гречески расходящееся от груди, украшенное на вырезе и манжетах длинных рукавов тончайшей золотой вышивкой. Мне самой было не узнать себя в зеркале.

– Теперь вы действительно как дочь Асуры, – всплеснул руками довольный портной.

Дочерью Асуры меня прозвали за нехарактерные для местных существ ярко-рыжие волосы. Дело в том, что одной из первых тальмеров, перешедших на сторону адаменцев, была магиня по имени Асура. С тех пор она считалась символом активной защиты угнетенных. На всех древних изображениях ее одну рисовали с красными и стоящими дыбом вверх, подобно пламени, волосами. Еще забавнее, что это название неуклонно отправляло меня к воспоминаниям о древнем индийском полубоге, чье имя в ведах переводилось примерно как «обладающий жизненной силой». Мало того, в индуизме асуры выступали как бы оппозицией богам, что невольно наводило на мысль о некотором сходстве с легендой Адаламена. Может, и правда Анна попала в мой мир не случайно, и где-то в прошлом нашей планеты затерялись следы пропавшего ордена Ксар...

Оставив деньги в залог и радуясь, что на улице не беснуется песчаная буря, я направилась в таверну, над которой располагался постоялый двор. Мне нечасто приходилось гулять по Ада-наару в темное время, да еще и без спешки. Теперь можно было с удовольствием разглядывать ночные фонари, чья форма давно завораживала меня. Это были изящные многоуровневые столбы, похожие на спицы вытянутых раковин, украшенные острыми лучами, рассекающими неугомонный ветер. Из их округлых углублений поднимался в небо золотистый магический огонь, оставляя на мощеных улицах теплые световые круги.

Хозяин таверны показал свободную комнату и ушел. В небольшом помещении без окна стояла лишь кровать и грубо выструганный столик со свечой. Чем заниматься все это время, было решительно неясно, но можно начать с ужина и бокала вина. В этот момент из коридора донеслись звуки борьбы и сдавленный женский голос сквозь отборную брань. Я выскочила в коридор, почти влетев в спину высокому, богато одетому седовласому мужчине. Он прижимал за горло к стене белую кайру – огромную кошку. Та неистово вырывалась, несмотря на то, что ей, очевидно, нечем было дышать.

– Что вы делаете! – закричала я и бросилась к нему. – Стражи порядка! На помощь!

Мужчина от неожиданности повернулся, а кайра, не упустив момент, ударила его как следует лапой между ног. Нападавший выпустил здоровенную кошку и, осыпая проклятиями теперь нас обеих, слегка согнувшись, удалился.

– Благодарю тебя, чужачка, теперь я тебе должна! – прохрипела она, тяжело дыша, и выскользнула из коридора вслед за мужчиной.

Кайры казались поистине невероятными существами. Эти гигантские кошки имели совершенно человеческую мимику при абсолютно зверином виде. Они могли носить одежду, а иногда довольствовались чем-то вроде юбок на широком поясе, но часто не из-за стыда или соображений тепла, а потому, что в собственную шкуру ничего не спрячешь и оружие на нее не прицепишь.

...Шумный многолюдный зал таверны тонул в смешении запахов и тусклом дрожащем свете. За одним из столиков в углу сидела с какими-то двумя фигурами в плащах моя должница.

Глядя в тарелку, я не сразу заметила, что тоже какое-то время ужинаю не одна.

– Красивое платье! – заявил улыбчивый асфир, возникший буквально из ниоткуда. – Я – Джуну, а ты?

– Лера.

– Давно в Аданааре?

– Не очень.

– Я тоже, приехал недавно с караваном из Камила Фир. Через пару дней обратно. Вкусное вино? Советуешь?

– Пить можно.

Это был юный ушастый паренек, не носивший рубахи. Он восторженно смотрел на мир желтыми, как у кошки, глазами, а его не по годам крепкие руки от запястий до плеч покрывал красивый, светлый узор.

– Это песни богов, – гордо произнес он, заметив изучающий взгляд. – Они защищают меня от всех бед, приносят удачу и интерес женщин.

Караванщик недвусмысленно подмигнул, а я еле успела сдержать смешок, прежде чем тот достиг бы огромных ушей самоуверенного юноши.

– Послушай, Джуну, ты милый парень, но если ищешь подружку на вечер, то не теряй время со мной.

Асфир на секунду погрузился, а потом засиял снова.

– Жаль, конечно, ты сидишь тут, как дамиратская леди, все караванщики смотрят на тебя. Мне стоило большой храбрости подойти. И ты же видишь, что я молод, если бы я смог уйти с тобой сегодня, они бы наверняка меня зауважали. Можно просто сделать вид...

– Не думаю.

– Ладно, извини. Ну, это не главное. Меня и так есть за что уважать, а мы можем просто поговорить. Хочешь еще вина?

Он сделал жест хозяйину, и тот отправил веселую ящерицеподобную женщину с кувшином к нашему столику. Джуну без устали рассказывал, что его родной город безгранично прекрасен, что даже в Камила Фир есть каменные и деревянные строения, а в его деревне дома буквально растут прямо из огромных стволов, подпирающих кронами небо. Что в таких жилищах все ощущается совсем иначе: больше слышишь, видишь и чувствуешь. И конечно, там нет этих ужасных бурь, и все кругом устлано свежей травой и цветами. Пообещав обязательно однажды побывать в южных землях, я удалилась «освежиться». По пути та же белая кайра ловко поймала меня за локоть на лестнице.

– Стой, огненноголовая! – прошипела она. – Асфир, что улыбается тебе, подослан работником, которого ты спугнула. Я видела, что он подлил что-то в твой бокал. Не пей, если не хочешь проснуться завтра с цепью на шее.

– Спасибо! – проговорила я, бледнея.

Юный караванщик, как прежде, жизнерадостно и наивно улыбался. Сложно представить, что этот мальчишка на самом деле задумывает какое-то злодейство. Однако проверить стоило. Я сделала вид, что слегка пригубила вино, затем подперла подбородок рукой, будто голова моя стремительно тяжелеет.

– То ли вино такое крепкое, то ли я устала за день, не мог бы ты распорядиться, чтобы принесли воды?

Джуно просиял и охотно отправился к барной стойке, что позволило быстро передвинуть бокалы. Наше последующее общение с ушастым хитрецом не длилось долго. Через четверть часа глаза юноши неудержимо слипались.

– Ты что, подменила кубки? – борясь из последних сил со сном, спросил он.

Я кивнула.

– Мне жаль, что я... – начал бормотать он, но голос превратился в тихий стон и голова асфира легла на руки.

Седовласый мужчина, скрываясь под капюшоном, сидел неподалеку. Я бы не узнала его, но с тех пор, как Джуно уснул, работороговец пристально наблюдал за нашим столиком. Я решительно встала и направилась к нему. Двое сидящих за тем же столом сетов удивленно вскинули голову и обменялись скользкими шуточками на мой счет.

– Не забудьте заплатить за вино, которым вашему неудачливому слуге не удалось меня усыпить.

– Ты, наверное, не знаешь, кто я, поэтому позволяешь себе такие опрометчивые вольности. Дерзкая и самоуверенная, один из моих клиентов обожает таких.

– Садись, чужачка. – Бородатый сет пододвинул ногой свободный стул.

– Нетрудно понять, кто вы, хотя ваше имя мне и правда ничего не скажет.

– Я Ивен. Это мои друзья – Родриг и Эрл. Откуда же приезжают на Адаламен такие необычные леди?

– Оттуда, куда вам ни за что не добратся.

– Очень жаль.

– Так в какую из башен Омбран вы хотели продать меня? Может быть, я и сама не буду против там оказаться.

Работороговец усмехнулся.

– Обычно согласие нам не требуется. Ты думаешь, что избежала своей участи из-за того, что смелая и хитрая? Но это не так. Ты глупа и наивна. Если за тебя пообещают хорошую сумму, то я найду эти огненные кудряшки где угодно, даже если их будет охранять самый сильный маг на Анадаламене.

И, похоже, он не шутил. Возможно, и я правда вела себя слишком самонадеянно, раз седовласый уже знает обо мне куда больше, чем можно было ожидать.

– А сейчас нам пора, господа.

– Счастливого пути! – процедила я.

– До встречи! – ответил работороговец, ухмыляясь.

Около полудня я вернулась к портному, чтобы скрепя сердце отдать назад чудесное платье.

– Вот ваши деньги. – Он отсчитал обратно все до единой монеты, которые взял вчера. – Только платье тоже остается у вас.

– Почему? – изумилась я.

– Господин Андре приходил пару часов назад и спрашивал про вас. Мало кто осмелится врать боевому магу высшей категории, по крайней мере, простые портные точно не из их числа. Я все рассказал как есть, что вы хотите вернуть сегодня платье и что дочери Асуры оно неве-

роятно идет. Тогда ваш хозяин заплатил за него и сказал, что давно собирался сделать такой подарок.

Мне захотелось попросить господина Халу ущипнуть меня, но он мог понять это превратно. Открыв дверь поместья, я внимательно изучила порог на предмет магической полосы и, очевидно, ее там не было. Однако перспектива стореть заживо в дверях нового дома все еще не казалась привлекательной. Я прикинула, что пригодится мне больше – руки или ноги, и начала потихоньку просовывать в холл пальцы левой руки. По ту сторону мое плавное проникновение встретил громкий хохот господина Андре. Он стоял, опершись плечом на колонну, и сгибался от смеха, едва не роняя надкушенное яблоко.

– Извини, но это так смешно! – выдал он и продолжил смеяться.

Я плюнула и стремительно вошла в дом.

– Держался как мог, но право, это так забавно! – повторил он, пытаясь успокоиться.

Удивительным казалось уже то, что это цельноледяное существо в принципе способно смеяться. Да не просто смеяться, а хохотать во весь голос. И конечно, он смеялся надо мной!

– Вот ваши деньги, – процедила я с плохо скрываемой обидой в голосе и протянула ему мешочек.

– Нет, прошу, оставь себе. Это ничтожная плата за мое вчерашнее дурное настроение.

Он отодвинул от себя руку, как будто я протягивала емудохлую крысу.

– И часто у вас бывает дурное настроение?

– Случается, – ответил господин Андре, наконец успокоившись.

– О, это обнадеживает, – парировала я скептически.

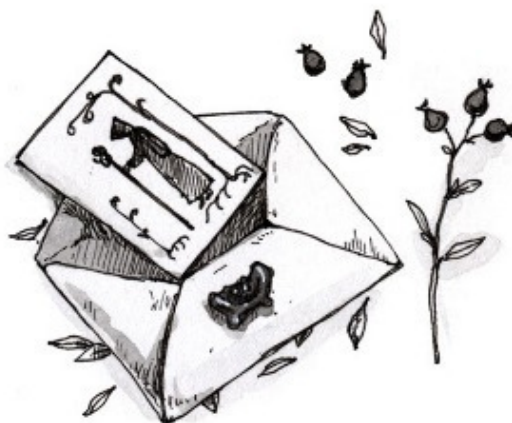
Казалось, что, пожалуй, впервые этот хмурый и по-прежнему непроходимо самовлюбленный тип похож на какое-то нормальное живое существо. Ему смешно и даже, кажется, немного стыдно. И еще это надкушенное яблоко...

– Да прекрати, я уже сам себя наказал, мне пришлось самому готовить завтрак.

Наконец я тоже улыбнулась и пошла в сторону помещений для слуг.

– Халу прав, оно и правда тебе очень идет. Носи его, пожалуйста, ты украсишь мой дом.

«Опасную игру вы затеяли, господин Андре, – думала я, лежа в кровати и глядя в бархатную ночную темноту, затопившую комнату. – Не для вас опасную, конечно. Нет ничего эффективнее, чем так раскачивать лодку... Особенно когда речь идет о женщине, которая противостоит с голыми руками огромному неизвестному миру. Ох, как легко потерять голову и соскользнуть в такую сладкую иллюзию, что кто-то сильный, мудрый, готовый позаботиться о тебе, находится так близко... Кто вы на самом деле, господин Андре? – спрашивала я у образов, роящихся в голове, перекрикивающих и толкающих друг друга. – Кто из вас настоящий? Тот, кто пожалел чужачку и не дал ей остаться на улице? Или тот, кто выведывает тайны ее появления здесь, сидя в хороводе деревьев в волшебном саду? А может, тот, кто вышвырнул меня за дверь, сверкая молниями из глаз? Только бы удержаться и не скатиться в мечты о том, что настоящий маг смеется, извиняется, пусть даже и не произнося этого вслух, и правда любит... – Этой мыслью можно было бы задохнуться, если не прервать, не спрятать ее, подобно преступнице, от самой себя. – О боги, если вы существуете на этой земле, сделайте что-нибудь со мной прямо сейчас, чтобы не угодить в эту ловушку!»

Торговцы иногда потешались, зная, что зачастую я понятия не имею, как выглядит то, за чем пришла, и регулярно подсовывали все, что заблагорассудится. Ингредиенты для зелий давно приходилось сначала проверять по книгам, но в библиотеке Андре не было руководства, как отличить мясо птицы от крысятины, или пособия по корнеплодам северной местности. Вот и сейчас Белла, хватаясь за голову, снова отправила меня на рынок, где под всеобщий гогот я пыталась доказать тучному фермеру, что платила совсем за другие продукты. Обида подступала к самому горлу, ибо чужачке уже не раз приходилось расплачиваться за собственные ошибки, и школа магического альянса вместо того, чтобы приближаться, все активнее махала на прощание.

В толпе неподалеку мелькнула фигура господина Андре. Он рассчитался с каким-то неприятным типом и повернулся в мою сторону, с интересом наблюдая за действием. Я решила, что если покажу свое знакомство с боевым магом, то торговец прекратит наконец безудержное веселье и согласится обменять товары. Однако при моем уверенном приближении лицо главы северного крыла озарилось искренним удивлением, а вслед даже некоторой настороженностью. Стоило подойти достаточно близко и открыть рот, как маг подался вперед и, выставив руку, выпустил с кончиков пальцев несколько крохотных синих символов. Светящиеся слогги дугой скользнули по воздуху, прилипли к моему горлу и вмиг заморозили его. Вместо приветствия наружу выбрался лишь тихий неприятный хрип, и я в бессильном отчаянии опустила руки...

– Пойдем, – тихо сказал Андре и, развернув меня за плечо, подтолкнул обратно к прилавку.

Магиус в нехарактерной для него нахальной манере выхватил кусочек бумаги с почерком Беллы из рук фермера.

– Это твоя подружка, Тадео? С какой из лун она свалилась? – продолжал ухмыляться торговец.

– Легко навариваться на приезжих дурочках, жирдяй? – прищурился Андре. – Выкладывай то, что должен, и мы в расчете. Тороплюсь.

Я беззвучно, по-рыбьи открыла рот, но поняла, что готова обменять это, в сущности, соответствующее реальности оскорбление на решение проблемы. Торговец загрузил в сумку овощи и свежие травы. Темный закинул ее на плечо и так же бесцеремонно толкнул меня к выходу. По ехидно ухмыляющемуся лицу моего хозяина периодически проходили странные легкие судороги, но даже при этом спутать одну из известнейших фигур города с кем-то другим казалось невозможным. Заметив пристальное внимание, маг резко повернулся. Его образ словно бы расслоился, оставляя в воздухе легкий след. И этот след представлял собой чужое лицо.

– Значит, ты меня узнала?

Я кивнула.

– Дело принимает неожиданный оборот, – нотки хитрости и самодовольства в голосе господина Андре не обещали ничего приятного. – Ты, конечно, не могла знать, что я использовал зелье, меняющее внешность, и у него есть одно прелюбопытное условие... – После паузы он процитировал. – Ни друг, ни враг, ни случайный прохожий не увидит обмана, только любящее сердце узнает лицо под маской.

Шах и мат. Ведь я даже себе не успела еще в этом признаться! Маг же, остановившись, уничтожал меня полным игривого вызова взглядом, будто ожидая подтверждения или опровержения. Отсутствие голоса пришлось очень кстати, ибо невозможно ответить что-то вразумительное, ощущая себя раздетой догола посреди центральной площади. Чувство стыда, смешанное с абсолютной беспомощностью, выдало лишь один вариант реакции: бежать! Я бросила на господина Андре полный растерянности и досады взгляд, развернулась и зашагала прочь в случайном направлении.

– Стой! – скомандовал он.

Я обернулась. Рука мага сделала в воздухе жест, словно поймала что-то, и онемение в горле ушло.

Я брела по городу, не помня себя от ужаса. Как мне теперь возвращаться в этот дом? Как смотреть магу в глаза? Как учиться потом, если вообще когда-нибудь начну учиться?! Я остановилась на одной из улиц и посмотрела вверх, где над пестрящими разнообразием форм домами возвышались пики городских ворот. «Пожалуй, для начала надо пройти и привести мысли в порядок, – метнулось в голове. – Давно хотела прогуляться за стенами города, где, пожалуй, можно хотя бы проораться от души. Хорошо, что плащ и маска на всякий случай у меня с собой».

Глупо было бы заявить, что я ни разу не пожалела о принятом решении. Конечно же, сердце тосковало по теплу близких и понятных мне людей, по возможности быть хозяйкой ситуации и просто по ощущению, что я на своем месте. Здесь же ежедневно передо мной с бешеной скоростью вращалась заветная карусель, но не было ни одной идеи, как на нее запрыгнуть. И, наконец, эта идиотская история, обильно приправленная бесчисленными едкими указаниями на мои оплошности... Она словно срубила ветку терпения, за которую я держалась все это время. Может, и к лучшему, если за воротами меня сожрут дикие звери?

Как луч света рассекает плотную тьму, в мои упаднические настроения ворвался знакомый голос. По ступенькам вверх бежал Марко, подбирая рукой полы не по-аданаарски чистой мантии.

– Какой невероятный подарок увидеть тебя именно сейчас! – простонала я, раскрывая руки для объятий.

– Я давно хотел тебя провести... – смущенно и в то же время радостно отвечал он, запыхавшись.

– А я уже боялась, что меня ты тоже забудешь.

– Знаешь, я помню тебя, помню, что ты пришла из другого мира, но насчет того, как это случилось, все и правда смутно.

– Пойдем, прогуляемся за пределами города. За все время, пока я здесь, ни разу не было возможности это сделать.

– Хорошо, конечно, – согласился он.

Мы залили во флягу вина и двинулись по широкой дороге, петляющей между красноватыми камнями и невысоким колючим кустарником. Я рассказывала Марко обо всем, что произошло со мной за это время: как живет в доме мага, что меня прозвали дочерью Асуры и я ни на шаг не приблизилась к обучению магии. А в довершение всего поделилась, что уже успела познакомиться с работниками и от увлекательного путешествия в одну из башен дома Омбран меня спасло чудо в образе белой кайры. Марко вздыхал и качал головой, будто

чувствуя себя немного виноватым, что не смог устроить гостью из иной вселенной в родном мире поудобнее.

Молодой маг в ответ рассказал новости о происходящем в Дамирате, что Сайят, вице-магиус, которая помогла мне советом относительно Андре, давно больна, а сейчас стала совсем слаба. Есть лекарство, которое могло бы ей помочь, но один ингредиент для него весьма редкий.

– А что это?

– Довольно мерзкая штука, если честно. Есть такое дерево-паразит, у него красивые цветы с божественным ароматом. Но если кто-то его понюхает, то семена попадают в легкие и начинают там очень медленно прорастать, причиняя ужасную боль. Существо может десятки лет ходить с этим ростком внутри, и только когда умрет и станет удобрением, семя пускает настоящий корень, из которого появляется новое дерево. Конечно, из соображений безопасности большинство таких деревьев вырубili. Но потом исследования одного алхимика показали, что этот основной корень обладает невероятными лечебными свойствами. Сейчас известно, что несколько таких деревьев растут в императорском саду, и их корни исследуют, чтобы найти лекарство от заразы, уродующей жителей севера.

– Значит, они есть даже в Дамирате!

– Не просто в Дамирате, – сказал Марко. – Господин Луис даже не скрывает, что один из корней похитителя тел есть у него в хранилище, но он говорит, что будет использовать его только для науки, так как жизнь одной старухи – ничего против сотен жизней, уносимых ужасной болезнью.

– К сожалению, в этом он, похоже, прав.

– Был бы прав, если бы делал хоть что-то! Но он не проводит таких исследований! Он вообще никакими исследованиями не занимается! Тем более, господин Луис дружен с императором, и если бы корень понадобился ему самому, то способ получить еще один сразу бы нашелся.

За разговорами мы сами не заметили, как далеко ушли от города. День начал клониться к концу, розовый закатный свет заставил нас опомниться и повернуть назад. Только в этот момент взгляд зацепился за странное низкое красно-коричневое облако. Ответом на незаданный вопрос стало мгновенно побледневшее лицо Марко.

– Песчаная буря, – прошептал он. – Мы не добежим до города.

– У меня есть маска и плащ, – сказала я. – А ты как?

– Одевайся и беги назад, стараясь сохранять направление по маякам на башнях, потому что скоро вообще ничего не разглядишь.

– Ты с ума сошел! Я ни за что тебя тут не брошу!

– Я могу создать защитный купол, если сконцентрируюсь. Моей силы должно хватить на пару часов, может, чуть больше. Будем надеяться, что за это время буря закончится.

– Пара часов! Да я ни разу не видела, чтобы они заканчивались так быстро! Нет, я останусь с тобой. Давай найдем укрытие. Буря может длиться и до утра! Мы оба залезем под мой плащ и будем сидеть, как в маленьком шатре...

Облако на горизонте росло с ужасающей скоростью. Мы побежали к огромным кривым камням у подножья горы и буквально в последний момент обнаружили изогнутый полусферой валун – как раз с той стороны, откуда шла буря.

– Он послужит основным щитом, когда я ослабну! – выкрикнул Марко.

В оглушительном шуме ветра тонули все прочие звуки. Мы забились в угол между горой и камнем. Мой друг сел на землю, скрестил ноги и закрыл глаза. Через мгновение вокруг появилась полупрозрачная голубая пленка, мы оказались как будто внутри большого мыльного пузыря. Буквально сразу в голубое свечение ударила первая брошенная с огромной силой горсть песка. Она врезалась и отскочила, как от стекла. Потом еще одна, еще... Скоро за пре-

делами сферы все слилось в единое месиво. Защитное поле Марко блокировало не только проникновение, но и звук. Мы сидели в абсолютной тишине, в странном красновато-синем полумраке. Я не была уверена, что защитные силы, в которые верила в своем мире, услышат и найдут меня здесь, но звать на помощь было больше некого...

Минуты тянулись, лицо молодого мага бледнело. Не знаю, сколько времени прошло – для нас то была целая вечность. Наконец губы Марко прошептали: «Прости меня... Не знаю, как долго еще продержусь. Начинай готовиться...» Я завязала рукава плаща в крепкие узлы, вставила маску в капюшон и, затянув как можно плотнее, обернула сверху шарфом для уверенности. Маска оказалась у юноши на лице, я же, свернувшись, как эмбрион, прижалась к его груди. Низ плаща мы подобрали под себя, придавив его ногами, насколько это было возможно.

Сначала я слышала лишь, как в тишине колотятся наши сердца и как тяжело он дышит, почти теряя сознание. Потом издали донесся странный шелест, он нарастал, превращаясь в гул и скрежет. И вот в одно мгновение ледяные руки Марко обмякли и со всех сторон нас атаковали колющие удары ветра. Мы будто провалились во что-то густое, обволакивающее. Но пока все шло хорошо, песок не пробился сквозь наше такое тесное и нелепое укрытие. От ощущения, что мой друг без сознания, буря начала казаться еще более беспощадной, но забвение, возможно, лучше, чем этот душный скрежещущий плен. Я начала тихонько и протяжно петь, экономя вдохи и отвлекая себя от невыносимо затекших ног. Когда песни закончились и все, что ниже пояса, превратилось в камень, мне показалось, что я тоже начинаю терять сознание и мы с Марко потихоньку клонимся набок, а значит, скоро маленькая крепость рухнет и пустит внутрь всепроникающий отравленный песок. Я попыталась сопротивляться, но руки не слушались, мысли уплывали, растворяясь в шуме. И вдруг все затихло. Остатками сознания я смиренно приняла все, что происходит, разрешая нам упасть...

Вспышка красного света заставила через силу открыть глаза. Куски защищавшей нас мантии поднимались в воздух, дотлевая, как тонкие бумажные листы в костре. Они летели вверх к полупрозрачной, светящейся синими переливами стенке мыльного пузыря, такого же, как несколько часов назад создал Марко, только в разы больше.

Тело абсолютно не слушалось. Находя ледяную руку друга и чувствуя, что скоро будет уже поздно выбираться отсюда, пересохшими губами я прошептала: «Прошу... Помогите...» Над нами появилась фигура, из-за спины которой выглядывало навершие так хорошо знакомого посоха. Одной рукой маг подхватил меня, а второй поднял за шиворот повисшего тряпичной куклой асфира. И тут же все утонуло в сиреневых искрах. Когда мерцающий туман снова рассеялся, я узнала приемный зал поместья. Мы лежали на полу. Андре снял шлем и с силой бросил его, металлическая маска с громким звоном сделала три высоких прыжка и ударилась в стену. Он посмотрел на нас с такой яростью, что на секунду показалось: там, в пустыне, было не так уж и опасно.

Маг достал из-за спины посох и, сделав пару оборотов, вдруг со всего размаха ударил Марко в грудь тонким концом. Я вскрикнула. По телу моего друга поползли тонкие извивающиеся зеленые молнии. Мышцы его хаотично сокращались, но вскоре цвет лица стал потихоньку приходить в норму. Господин Андре поднял молодого мага за ворот рубахи и как следует встряхнул. Молодой асфир открыл глаза, потерянно поводит ими из стороны в сторону, не понимая, что происходит.

– Тупой дамиратский щенок! – Маг встряхнул его снова. – Ты что, забыл, куда попал?! Надо было оставить тебя в пустыне, все равно с такими мозгами ты долго не протянешь! – И он швырнул его в сторону так, что Марко, проехавшись метра три по полу, со всего размаху врезался в колонну и застонал. Я попыталась встать, но затекшие ноги упорно не слушались.

– Белла, отведи это ничтожество в ванну для слуг, пусть приведет себя в порядок и спит в одной из гостевых спален, сколько влезет. Клянусь, я бы оставил тебя там, – он снова повер-

нул к моему другу и ткнул пальцем в его сторону, – если бы ты не отдал все до капли, рискуя собой, так же, как поступила она.

Когда Белла буквально вытащила на себе из комнаты дамиратского гостя, Андре подошел ко мне, молча взял на руки и понес куда-то в ту часть дома, куда работницам обычно вход был воспрещен.

– Это же не было мстью? – спросил он вдруг.

Маг пронес меня через второй вход в кабинет, потом через дальнюю часть сада и шикарную спальню.

– Нет, просто Марко мой единственный друг. Он приехал проведать меня, и я от радости забыла обо всем.

– Видимо, он тоже.

Из спальни большие витражные двери вели в купальню, отделанную разноцветной стеклянной мозаикой, играющей в свете свечей.

– Белла принесет тебе чистую одежду. Потом возвращайся в сад.

Он вышел, а я зачарованно изучала потолок, выложенный мозаикой. Часть ее была матовая, а часть содержала отражающие свет блески, что позволяло с неописуемой точностью создать образ ночного адаламенского неба, с чернильного цвета низкими облаками, двумя лунами – вишневой и голубой, и далекими сверкающими звездами.

– Удивительная работа, правда? – раздался голос чернокожей служанки. – Каждый раз хочется ахнуть и восхвалить сделавшего ее мастера. Но ведь за дверью квартала поместий по ночам та же мозаика, только еще прекраснее... Вот чистое платье.

– А это придется выбросить? – с грустью спросила я.

– Думаю, тебе будет жаль с ним расставаться. Я заберу его и замочу в воде с вином. Сложно поверить, но определенное местное вино помогает избежать заражения, в том числе поэтому караванщики и пираты все время ходят полупьяные.

Андре дождался в саду. Он протянул медный бокал и внимательно, но уже без гнева или издевки ожидал объяснений.

– Как вы нашли нас?

– На моем кошельке заклинание. Я всегда могу узнать, где он.

– Удобно!

– Конечно, нечасто кто-то решается у меня что-то украсть, так что я решил отдать эту вещь тому, кто больше нуждается в подобного рода защите. А если не хочешь, чтобы я узнал, где ты и с кем, – оставляй кошелек дома.

Возвращение в Дамират

Я часто думала об Анне, о том, как могла складываться ее жизнь в моем мире, где нельзя просто сделать вид, что ты приехал из соседних земель, ибо даже школьник знает о них достаточно, чтобы распознать ложь. Я пыталась представить, как она воюет с банкоматом или в бес- сильном отчаянии смотрит на стеллажи с пластиковыми упаковками в супермаркете, пытаясь отличить крупу от стирального порошка. Казалось, что она будет приходить в настоящую библиотечку, как в храм, – чтобы наконец почувствовать себя как дома. Сидеть в тишине среди подпирающих потолок рядов книг и читать самое простое, как и я, так и не разобравшись с ноутом. Будет ли Анна чувствовать себя такой же одинокой и напуганной? Или все же, как она сама говорила, – несказанно богатой в мире, который можно познавать бесконечно долго?

Вздыхнув, я положила на стол последнюю, с трудом собранную стопку книг. Этот список кропотливо составлялся несколько дней, чтобы приоткрыть, наконец, завесу тайны, отделяющую чужачку от понимания магии. Она окружала повсюду, дразнила, но никак не давалась в руки. Разложив книги группами на столе, я планировала изучить оглавления и предисловия, а затем выбрать самые доступные для понимания.

– Ни одна из них не поможет тебе разобраться. – Прозвучавший за спиной голос хозяина дома гарантировал испорченное настроение.

Маг обходил стол по кругу, совершая пальцами движения, словно спихивает с него книги. Те резко соскакивали с края, но не падали, а устремлялись обратно к стеллажам, занимая законное место.

– А какая поможет? – стараясь не выдать сдавившее горло возмущение, уточнила я.

– Тебе нужно сначала понять основу. Ты пытаешься сделать что-то из ничего. Это заблуждение.

– Так научите же меня! – Я теряла терпение.

После истории с изменяющим облик зельем глава северного отделения периодически забавлялся тем, что искал границу кипения своей новой работницы. Между делом он начал высмеивать или смущать меня до тех пор, пока из глаз не начинали лететь искры гнева. И сейчас, когда маг остановился так близко, что улавливался сладковатый аромат древесной смолы и терпких масел, которые источала его мантия, – можно было с уверенностью сказать, что ничем хорошим этот диалог не закончится.

– Придется заплатить. – В его светло-синих глазах блеснул озорной огонек. – Поцелуешь меня?

Ушам своим не верю! В одно мгновение в грудь ворвался настоящий ураган, переворачивая все внутри. Хозяин извоит развлекаться или испытывает меня? Я провела несколько ночей без сна, чтобы отыскать все эти книги в огромной библиотеке! Я собиралась учиться, а не медленно сползать с катушек, играя роль то служанки, то любовницы для странного самодовольного мага. Хотелось кричать это ему в лицо, в прекрасные ледяные глаза! С обидой и злостью, отплевываясь задушенной гордостью! Но под волнами возмущения все плыло от невероятной близости, от того, что я чувствовала тепло кожи этого ледяного короля. И всю мою бурю с легкостью удерживал внутри взгляд, отражавший, пожалуй, тот сорт любопытства, с которым хирурги открывают историю болезни сложного пациента.

– И что? Если поцелую, то вы поможете?

– Возможно, – так же невозмутимо и холодно ответил он.

– Знаете, господин Андре, я поцелую вас просто так... Неважно, как вы поступите...

Следующее мгновение сравнилось бы разве что с прыжком в бездну. Оно вытянулось так, что можно было успеть несколько раз пожалеть о своем решении. Казалось, вот сейчас маг отстранится, возможно, даже засмеется... Я успела ощутить, какие у меня ледяные пальцы,

такие бледные на его немолодой коже... И лишь в самом конце этой бесконечно долгой секунды он наклонился и закрыл глаза...

Как только начался этот поцелуй, все разделяющее осыпалось. Не было ни моего мира, ни его. Не было никакого смысла во всем, что я думала, говорила и делала за секунду до. Не имело значения, кто я, кто он и что привело нас в эту точку. Никогда раньше не доводилось так ярко переживать происходящее, но вместе с тем в происходящем меня самой будто не было... И лишь отстраняясь, я осознала, как крепко он обнимает меня, прижимает к себе, широко расставив пальцы, словно желает чувствовать сильнее.

Я высвободилась и в растерянности отвернулась к столу, проводя рукой по пустой деревянной поверхности. Реальность придавливала тяжелой плитой, все казалось еще более запутанным и сложным.

– Ты хочешь, чтобы я отплатил тебе щедростью за щедрость? – усмехнулся голос за спиной. – Ты же хотела поцеловать меня просто так?

Мне нечего было ответить.

– Придется тебя разочаровать: здесь не удастся найти то, чего ты хочешь! – словно все разом отсек он и направился к выходу.

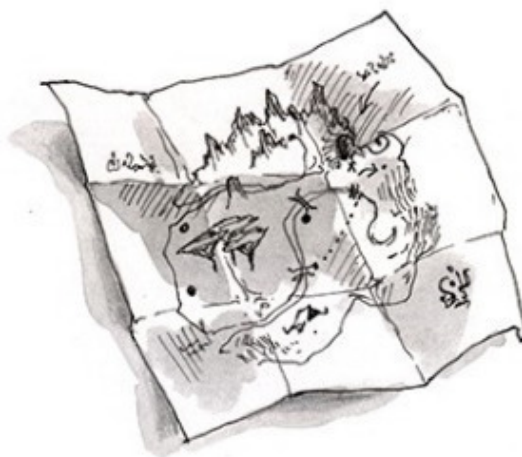
Все пережитые мною чувства, от захватывающей влюбленности и благодарности этому мудрому и смелому мужчине, который действительно уже так много сделал для меня, до желания придушить его голыми руками за постоянный цинизм и холод, за то, что я тотально не понимаю его действий, – одновременно брызнули из глаз невольными крупными слезами. Ко всему этому примешивался страх, ощущение одиночества, собственной никчемности, отторгнутости – и слезы текли все сильнее и сильнее. Прекрасный новый мир в лице Андре – такого потрясающего существа – как будто отверг, оттолкнул меня, ответил ударом на открытые объятья...

Вдруг темный снова возник за спиной, одним движением разворачивая к себе. В его руках блеснула маленькая колбочка из тончайшего стекла. Он аккуратно начал собирать в нее слезы с моего лица. Этот процесс казался просто апофеозом пережитого унижения, но не было сил – ни чтобы отвернуться, ни чтобы перестать плакать.

– Как же ты жесток... – прошептала я, с ужасом понимая, что перешла на ты. Хотя... С учетом происходящего разве это уже могло иметь какое-то значение?..

– Только с позиции твоей глупости, – бесстрастно парировал маг, отстраняясь и разглядывая пробирку на свет, дабы убедиться, что она полная. Потом легко кивнул самому себе и удалился.

Слезы как-то разом закончились... и терпение тоже. Собрать немногочисленные вещи не составило труда. С особенным удовольствием я пересыпала монеты из магического кошелька Андре в свой и бросила его на стол, где всегда стояли свежие цветы. Такая удивительная забота: хозяин может несколько дней не разговаривать со своей новой прислужницей, при случае от души поиздеваться над ней, но при этом приказывает менять цветы в ее комнате, как только те начинают слегка вянуть... Прочь отсюда! Прочь от этого странного существа!

Использование порталов отделений альянса являлось привилегией, доступной лишь его членам и учащимся, поэтому пришлось отправиться в Дамират на лодо. Первый взгляд на него вызывал нечто среднее между ужасом и отвращением. Какую еще реакцию может вызвать десятиметровое паукообразное членистоногое, словно сошедшее с полотна, совместно написанного Дали и Босхом, пребывающих при этом в довольно мрачном настроении? Массивный защитный панцирь животного имел вместительное углубление, в котором самки переносили яйца и детенышей первые два года. Внутри него оказалось тепло, темно и довольно странно пахло. Чуть растопыренные конечности лодо могли выпускать острые шпоры, позволяющие преодолевать сложные участки или защищаться. Порой можно было издалека видеть, как строй гигантских пауков карабкается чуть ли не по отвесным скалам, обхватывая их, словно заключая в объятия цепкими четырехсуставными лапами. Груз крепился на веревках, натянутых между изогнутыми в разные стороны длинными шипами на боках и спине. Возчий, чаще всего асфир, сидел на стыке основного панциря и плотной, как камень, брони, закрывающей голову.

Управление происходило за счет чего-то вроде телепатии. Дело в том, что животные общаются со своими детенышами, открывая им свое сознание, когда те долгое время находятся на спине. Беспомощный малыш отправляет родительнице сигналы, та им подчиняется, а заодно обучает его воспринимать мир так, как видит сама. Соответственно возчий, чтобы обрести возможность управлять лодо, должен прожить на ее спине больше года вместе с яйцами и какое-то время с детенышами, оттачивая навык создания сигналов. Чем больше времени хозяин проводит со своим животным, тем крепче их связь. Поэтому лодо нельзя украсть, животное просто не будет слушаться нового хозяина, и долгий процесс снастройки придется начинать заново.

Мне повезло как с попутчиками, так и с охраной. Наш лодо шел с имперским караваном, перевозившим металл и красивый камень для кузнецов и строителей Дамирата. Со мной ехали муж с женой, желающие найти работу в лучшем месте, чем шахты Аданаара, седовласый сухощавый караванщик, хозяин груза, и молчаливый имперский охранник порядка, снимавший шлем только, чтобы поесть.

Вся дорога заняла чуть больше пяти дней. И все это время меня удивляло, насколько богаты и разнообразны земли Адаламена. Караван шел через острые красные пики пустыни с ее колючей неприветливой растительностью. Потом – через полупустынные, местами заболоченные просторы с редкими кривыми деревьями, из-под корней которых плотоядно посматривали нам вслед огромных размеров змеи, крабы. После мрачных, словно угасающих земель во все стороны раскинулся богатый цветами и зелеными долинами край. Лодо обходили фермы и огромные поля, сворачивали в прохладные леса и пересекали быстрые звенящие реки.

К Дамирату караван подошел на рассвете. Огромный и мощный по сравнению с Аданаром город просыпался. Торговцы раскладывали в лавках товары, над башнями верхних ярусов полосы развевающихся флагов передразнивали струи дыма от разогреваемых кухонь и купален. Воздух пах морем и цветущим лесом. В сердце снова пульсировала любовь к этому миру, к этому городу, к диковым и не до конца понятным мне существам.

Начать учиться в золотом отделении Дамирата без полного годового взноса, конечно же, не разрешили, но Сайят уговорила господина Луиса позволить мне жить в крошечном чуланчике за библиотекой, за что приходилось дважды в неделю по ночам наводить в ней порядок. Сомнительная таверна, куда удалось устроиться работать, располагалась в квартале, соседствующем с портовыми доками. Посетители охотно расспрашивали о моей родине, а я каждый день придумывала новые имена и истории, охотно рассказывая их, если клиент соглашался заказать еще вина или оставлял щедрые чаевые. Марко не нравились ни идея заработка, ни публика, которая там собиралась. Однако сегодня он вбежал в потертые деревянные двери с таким одухотворенным лицом, что озарил эту мрачную берлогу, словно утреннее солнце.

– Луис объявил конкурс! Понимаешь, он давно просит некоторые владения для альянса, но один из советников императора ну вообще ни в какую не соглашается. И вот завтра магиус пойдет к нему на ужин, чтобы предложить сыграть во что-нибудь на эти земли. Советник Видград очень азартный, он не откажется.

– Ты же лопнешь сейчас от нетерпения! – засмеялась я, протирая стойку и глядя, как Марко буквально подпрыгивает на месте. – Давай рассказывай скорее, что за конкурс?

– Луис не знает игр без магии, в которые мог бы выиграть. – Он перегнулся через стойку и заговорщически зашептал: – А ты можешь рассказать про что-то из вашего мира и подсказать, как стать победителем. Но самое главное – господин Луис обещал за это любой предмет из учебного хранилища ресурсов дамиратского отделения альянса, а там полно дорогих вещей. Одного даже маленького бриллианта хватит, чтобы ты начала учиться!

Теперь пришла моя очередь прыгать на месте.

– Но ты же понимаешь, – добавил Марко, – что он обязательно должен выиграть, потому что иначе вместо драгоценности рискуешь получить очень неудобного врага.

– Понимаю! И у меня даже, кажется, есть одна идея!

Этим же вечером я показала господину Луису детскую игру в крестики-нолики. И, конечно же, беспроигрышные комбинации, сводящие партию либо к выигрышу, либо вничью. Магиус должен был предложить сыграть три раунда, чтобы противник чувствовал: если проиграет в незнакомую забаву с первого раза, то сможет отыграться. По той же причине маг уступал сопернику право ходить первому, но на самом деле – чтобы не показывать решающий начальный ход. Луис долго качал головой, но потом все же заметил, что игра настолько проста, что, возможно, именно это и заставит советника потерять бдительность.

Спустя пару дней утро началось с того, что Марко забарабанил в дверь, как взбесившийся дятел.

– Просыпайся, соня! У меня для тебя дивные новости!

– Заходи, если не терпится!.. – простила я, вспоминая, как поздно вернулась вчера.

Он прыжком влетел в комнату и сам бросился обниматься, несмотря на то, что объект его действий все еще оставался молодой леди, мало того, прямо сейчас находящейся в постели.

– Получилось!!! Твоя игра сработала! Луис выиграл, а значит, выиграла и ты! Он только что попросил меня позвать тебя к нему! Пошли скорее!

– Отличная новость! Спасибо тебе! Подашь мне платье? – попросила я, коварно дожидаясь, когда до него наконец дойдет.

Марко ойкнул и, залившись краской, соскочил с кровати. Через несколько минут мы уже бежали вприпрыжку по лестнице, ведущей в кабинет магиуса.

– Благодарю, Валерия, ваша игра и советы показали мне не только незаурядные способности вашего ума, но и преданность интересам альянса, – торжественно произнес он. – Поэтому я с удовольствием выдам вам ресурс, достаточно дорогой, чтобы его можно было обменять на первый уровень обучения. Вы же этого хотели, не так ли?

Я уже открыла рот, чтобы согласиться, и вдруг холодок пробежал по моей спине.

– В качестве награды я прошу корень похитителя тел.

Лицо господина Луиса застыло.

– Но он же столько не стоит... – начал тот растерянно. – И что вы будете с ним делать? Вы что, уже не хотите учиться?

– Очень хочу, но не ценой чьей-то жизни.

– Благородно, хотя и не очень разумно...

Явно недовольный, магиус вынес тканевый сверток небольшого размера. С ним я и вышла из кабинета.

– Что это? – удивился Марко. Но когда открыл, то сразу понял. – Мне нечего сказать, кроме того, что ты поступила правильно. А с деньгами что-нибудь придумаем, тем более, мы же уже начали с тобой немного заниматься.

Сайят была в своей комнате и, как всегда, не спрашивая, зачем пришли, сразу пригласила войти и предложила завтрак. Когда мы показали ей корень, она несколько мгновений молчала, а потом сказала:

– Я не ошиблась. Ты тоже сначала думаешь о других, и это лучшая дорога к цели.

Марко ушел на занятия, а мы остались сидеть в тишине с ополовиненными кружками травяного чая.

– Кто-нибудь показывал тебе, как обращаться к источнику?

– Марко. Но у меня пока ровным счетом ничего не получается.

– Сила и эффективность мага заключаются в его способности сформировать образ, с одной стороны, то есть в концентрации, и привычке обращаться к источнику – с другой, – сказала она. – Почему родившиеся с магическими способностями детишки, расшалившись, не дают прикурить своим родителям, хотя фантазия у них очень богатая? Потому что способность к концентрации должна быть достаточно сильной. Поэтому в магическую школу берут только взрослых, а не отвлекающихся на все подряд юнцов. Источник можно рассматривать как на абсолютном уровне, так и на относительном, как энергию для оживления образа. В данном случае источником нам служат те самые качества, о которых каждый из нас знает не понаслышке: гордость, гнев, привязанность, жажда жизни и забвение. Все они есть у каждого, у одних больше, у других меньше. Наши переживания, мысли и действия, а также слова и действия других вызывают эмоциональный отклик. Например, страсть – она как пламя, а ненависть – словно ледяные стрелы. Создавая пламя, тебе нужно почувствовать его в себе. Не представить, не придумать, а позволить жару наполнить сердце. Но при этом образ не должен завладеть твоим умом целиком. Стоит поверить, что чувство настоящее, – теряешь контроль, и ничего не получится. Должна появиться дистанция между тобой и переживанием. А дальше все зависит от способности концентрироваться и выразить свой образ.

– Значит, все эти, скажем, непростые чувства на самом деле полезны?

– Сами по себе – нет, они только создают проблемы. Еще ни один действительно мудрый и полезный поступок не был совершен в порыве гнева или жадности. Все эти эмоции пытаются захватить нас, ослепить, манипулировать нами. Но если научиться их видеть, не поддаваясь, тогда они становятся верными слугами. Чистая энергия. Лепи из нее что хочешь. Попробуем?

Я охотно кивнула.

– Тебе ближе огонь, попробуй найти что-то, что вызывало недавно сильнейшее желание.

Прямо сейчас больше всего хотелось, чтобы у меня наконец получилось хоть что-то. Но ничего не происходило.

– Выбирай то, по отношению к чему у тебя есть дистанция. Сейчас ты внутри этого переживания, а не оно внутри тебя.

Размышляя над словами Сайят, примеряя их на себя, я проходила между шумными столами таверны, когда услышала голос хозяина.

– Огонек, что с тобой сегодня? Вот там господа в углу уже заждались!

Подхватив кувшин, я направилась к шумному столу, где сидела разношерстная компания, но в паре метров от них застыла. Сердце забилось о ребра так, будто пыталось переломать их. Знакомый северянин хищно засмеялся и махнул в мою сторону ручищей. Мужчина в плаще, сидящий до этого спиной, повернулся тоже.

– Какая приятная случайность! – протянул Ивен.

– И вам вечер добрый! – сдерживая дрожь в пальцах, я начала разливать вино по бокалам.

– Сменила богатого мага на дешевый дамиратский кабак? Я в восторге! Ради того, чтобы служанка Андре поила меня вином, я готов просидеть в этом свинарнике до закрытия.

– Вот поскольку многие так реагируют, мне и тут очень даже неплохо!

– Лучше, чем у мага? Ты же понимаешь, что новый хозяин и пальцем не шевельнет, даже если я схвачу тебя прямо сейчас и проволоку к выходу. А если дам немного денег, еще и подтвердит охранникам порядка, что никакой чужачки здесь никогда и не было. Ну как, ты все еще такая же дерзкая и смелая?

– Дерзкая точно, а вот по поводу смелости... Ммм... Нет. Теперь я дерзкая, но осторожная.

– Не питай иллюзий, милая, ни насчет стражей порядка, ни насчет того, что Дамират большой и здесь есть где спрятаться. Наоборот, в этом городе каждый житель прогнал до самого сердца, как нигде на Адаламене. Здесь хорошо живет только таким, как я. Так что беги еще за вином и будь поласковее, тогда, может быть, я выберу хозяина поприятнее.

Компания Ивена ушла раньше, чем владелец кабака отпустил меня, поэтому, преодолевая весь город остров за островом, я могла ожидать их появления за каждым углом. Никогда ночь не казалась еще такой темной, а улицы столицы столь пустынными. Остановившись в поле видимости последнего караульного на пути к помещениям магического альянса, я судорожно пыталась продумать самый безопасный маршрут. Ночную тишину ковырнул то ли свист, то ли невнятный шепот. В тени неподалеку стояла высокая фигура в плаще, явно при оружии под ним. Незнакомец сделал знак рукой, от которого подбитые бархатом полы распахнулись, обнажая белоснежные кружева на рукаве дорогой рубахи. Головорезы Ивена точно не будут носить такие. Я медленно пошла в тень, где стояла фигура, до последнего надеясь, что это Андре опять каким-то чудом вовремя пришел вытащить меня из очередной переделки. Но ожидания не оправдались. Мужчина под капюшоном носил маску, прячущую верхнюю часть бледного лица с красивой игровой улыбкой.

– Эй, чего стоишь такая задумчивая? Я видел, ты работаешь в квартале чужеземцев. Ты же даже не с Адаламена, как я посмотрю? А чужаки должны помогать друг другу, не так ли?

– Конечно, – поддерживая игру, согласилась я. – Но не всегда просто так.

– Конечно, нет!

– Так чем же я могу тебе помочь?

– Видишь того постового? И вон того, на ярус выше. Отвлеки их на пару минут.

– Этого – не вопрос. А верхнего – постараюсь.

– Хорошо! Сколько же ты хочешь за эту небольшую услугу?

– Деньги оставь себе. И никакой ты не чужак. Одни караванщики в таверне распускали руки, и мы немного повздорили. Было бы славно, чтобы они думали, что меня охраняет Рамбулат.

– А с чего ты взяла, что я смогу помочь с этим?

– Ворье так хорошо не одевается.

Человек в маске широко улыбнулся.

– Хорошо. – Он достал серебряный перстень с двумя смотрящими в разные стороны лунами и протянул мне. – Через семь дней в это же время в порту. Я приду забрать его.

Сбросив плащ и оставшись в дорогом платье, подаренном Андре, чтобы сойти за какую-нибудь глупую жену прибывшего издалека торговца, я атаковала стражей порядка двумя десятками идиотских вопросов. Высокая фигура в маске быстро растворилась в темноте. Тяжелое кольцо с изящными лунами теперь красовалось на кожаном шнурке прямо поверх платья. Конечно, это могло отталкивать некоторых клиентов... и, возможно, даже друзей. Но пока Ивен в городе, так безопаснее.

Исповедь для принца Рамбулат

В один из последующих дней Ивен появился в трактире один. Лукаво улыбаясь, он отодвинул только что вымытые стаканы чуть в сторону и удобно устроился за барной стойкой.

– Милое колечко. Ты его так носишь, чтобы я увидел, или подарок от воздыхателя?

– Чтобы вы и ваши головорезы понимали, что меня лучше не трогать.

– Не знаю, у кого ты его купила или ukrала, но кабачная официантка, даже активно подрабатывая по ночам шлюхой, не сможет оплатить личную охрану Рамбулат. Можешь дурачить мелкую шпану, которая никогда с ними не работала, но не меня.

Делать равнодушный вид и продолжать заниматься своими делами становилось все сложнее.

– Ну, поговори со мной! Видишь, я пришел один, даже без головорезов.

– Что вам нужно? – сдалась я, ставя локти на отполированное сотнями посетителей дерево.

– Подарочек тебе принес. Смотри. – Седовласый работороговец раскрыл ладонь в черной бархатной перчатке, на ней лежало что-то вроде горки золотого песка.

Поскольку он подsunул ее почти под самый нос, я невольно наклонилась взглянуть. В этот момент Ивен легонько дунул, и песок, поднявшись в воздух и сложившись в какие-то крошечные символы, полетел прямо в лицо. На секунду голова закружилась, глаза залил желтый свет... Пальцы рефлекторно схватились за стойку, но мгновением позже все снова прояснилось. Я с недоумением уставилась на работороговца, а тот с интересом – на меня.

– И опять сюрприз! Неужели маг до сих пор защищает тебя? Ну, хорошо. Дважды не получилось по-хорошему, придется по-плохому.

Следующие пару дней Марко старался как можно чаще быть рядом, пока не пришло время возвращать кольцо. Дамиратский порт около полуночи оказался тих и красив. Если бы не шайка Ивена, я с удовольствием ходила бы сюда любоваться городом. Золотые огни кварталов и розоватое небо отражались в ровной воде, на нескольких дальних причалах разгружали большие корабли, воздух пах морем и ночными цветами. Я сидела на деревянном ящике, слушая скрип мачт. Наконец вдалеке появилась фигура в плаще. Стройная подвижная тень быстро двигалась вдоль причалов, ловко перепрыгивая через тюки и веревки.

– Помогло кольцо? – спросила маска, устраиваясь на соседнем ящике.

– К сожалению, не особо.

– Правильно, потому что знак – это только знак, а не настоящая работа наемника.

Я согласна кивнула, возвращая кольцо хозяину.

– С кем же ты поссорилась?

– С Ивеном.

Лицо собеседника искривилось.

– Боюсь, дело не в ссоре.

Что тут скажешь? Я опустила глаза.

– Откуда ты?

– Издалека.

– Поскольку все ближайшие земли я видел, ты очень издалека. Так откуда же ты?

– У тебя есть секреты, и у меня есть секреты.

– Хорошо, – усмехнулся он.

И вдруг резко повернулся в сторону. К нашему причалу двигались три фигуры. Белые развевающиеся волосы не давали шансов ошибиться – эти трое шли за мной.

– В лодку, – скомандовал наемник.

Я огляделась. Внизу слегка покачивалась на привязи небольшая лодочка. Поспешно, оттого чуть ободрав запястья, я соскочила с пирса и оказалась в ней.

Ивен в компании бородатого сета и здоровенного ханонианца, скорее похожего на кродила, чем на ящерицу, стремительно приближался. Мужчина в маске достал что-то из-под плаща и со скоростью, недоступной обычному глазу, метнул в сторону решительно настроенной троицы. Металлическая метательная звезда с символикой дома Рамбулат со свистом пролетела несколько десятков метров и воткнулась в деревянный помост под ногами преследователей, причем так близко, что зеленокожий здоровяк чуть не потерял равновесие от неожиданности. Все трое остановились, понимая, что значило это предупреждение. Работорговец медленно шагнул в нашу сторону, всматриваясь в непроглядную тьму под капюшоном моего спутника. В ответ на это приближение наемник одним движением запрыгнул на деревянный ящик и медленно, с металлическим звуком достал из-под плаща два длинных и узких меча, описав ими почти полные круги в воздухе. Ивен замер.

– Не вижу смысла в этой бойне, господа. – Кажется, среди игривого самодовольства звучали и нотки искреннего удивления. – Мы заберем девчонку позже, не думаю, что она сможет долго оплачивать такой контракт.

Мой спутник легко кивнул и, сделав еще один прыжок, нарушающий законы гравитации, тоже оказался в лодке. В полете он разрезал веревку, которой суденышко было привязано к причалу, от прыжка оно сильно качнулось и двинулось в сторону моря. Наемник спрятал мечи и сел за весла. Троица на причале смотрела нам вслед, тихо переговариваясь о чем-то. Потом, как мне показалось, Ивен рыкоподобно выругался, и работорговцы направились в сторону города.

Лодка тихо двигалась по спокойной воде.

– Почему ты заступился за меня? – Я наконец решила нарушить молчание.

Некоторое время он молча смотрел на поблескивающую гладь воды, будто и сам впервые задумался об этом. Затем ответил:

– Знаешь, иногда просто хочется защищать тех, кто действительно нуждается в защите, а не бесконечно жиреющих караванчиков или ополоумевших магов Омбран.

– Спасибо тебе! – тихо ответила я. – Слова – все, что у меня есть сейчас, но они не выразят глубины моей благодарности.

– Я бы получил огромное удовольствие, отрезав Ивену голову, но, к сожалению, не имею права. Если бы ты на самом деле наняла меня, он был бы уже мертв.

Лодка зашла за поворот берега, так, чтобы из города ее уже не было видно.

– Можешь ненадолго остановиться?

Он молча убрал весла. И гладь воды стала ровной, как зеркало. Звезды смотрели сверху и снизу.

– Мы как будто в небе, – озвучил он мои мысли.

– Ты можешь показать свое лицо? Я всего пару месяцев на Адаламене и еще меньше в Дамирате. Даже если ты окажешься императором, я все равно не пойму этого.

– Зачем тебе лишняя тайна? – улыбнулся он.

Лодка дрейфовала, унося нас все дальше от берега.

– Может быть, однажды у меня появится возможность отплатить добром за добро, но я не узнаю тебя.

– Допустим, мы и правда сможем где-то встретиться. Но тебе придется всегда делать вид, что мы незнакомы.

– Обещаю!

– Уверен, что ты исполнишь свое обещание, потому что врага из Рамбулат тебе точно не пережить, даже если император лично встанет на твою защиту.

Он скинул капюшон, обнажая красиво собранные дорогими золотыми украшениями пшеничные волосы. А потом снял и маску. Теперь напротив сидел ослепительно красивый юноша с точеными аристократичными чертами лица и, хитро улыбаясь, смотрел на свою новую знакомую. Представляя наемников Рамбулат, воображение рисовало безликих, покрытых шрамами солдат, а не прекрасных белокурых принцев.

– Вижу, что ты удивлена. Узнала меня?

Я смутилась и помотала головой.

– Я не так себе представляла наемника.

– Наемники, как шлюхи, бывают разные, – усмехнулся он.

– Элитное подразделение в шелковых рубашках и золотых диадемах? – скептически уточнила я.

– Мне нужно появиться кое-где при параде после нашей встречи. – Спутник довольно улыбался, видя, что у меня нет шансов скрыть восхищение.

– Значит, тебе уже давно пора возвращаться?

– Я отдаю себе отчет в своих действиях, – прервал он.

Пересев на дно лодки, он облокотился спиной на один борт и поставил ноги на другой. Я устроилась рядом.

– Зачем ты приехала сюда?

– Поскольку ты тоже вроде не планируешь распространяться о нашем знакомстве, я не особенно рискую. Только не выкидывай меня за борт, если решишь, что дурачу тебя. Я плохо плаваю.

– Интригующе.

– Вот ты был на всех известных на Адаламене землях и нигде не видел похожее на меня существо. Верно?

Он кивнул.

– При этом некоторые устройства древних были куда совершеннее, чем все, что используется сейчас, и они не нашли мою землю. А значит, она дальше и недостижима ни на одном из известных здесь средств передвижения. – Пока я говорила, лицо его стало серьезным. – Значит, есть какой-то еще способ, позволивший мне попасть сюда в одиночку, без корабля, каравана и охраны. Иначе я не работала бы за гроши в дешевом кабаке.

Он повернулся и пристально посмотрел мне в лицо.

– Я даже не знаю, чья тайна хуже, твоя или моя. Продолжай, пожалуйста.

– Или, может быть, у ксарцев был еще какой-то способ покинуть континент, которым они успешно воспользовались, чтобы подарить свои знания еще одной цивилизации? И теперь кто-то снова обнаружил эту потайную дверь?

Лицо моего спасителя отразило один большой вопрос.

– И что же представляет из себя эта дверь?

– Кто бы знал... – пожала я плечами. – Маг из дамиратского отделения альянса нашла труды, позволившие проследить путь, который проделали ваши предки. И попала в мой мир. Случайно или нет – не знаю. И мы поменялись. Однако материалы не были достаточно изучены, и теперь мы словно заложники: она в моем мире, а я здесь. И если хочу вернуться, то, похоже, придется сильно постараться. А я ничего в этом не понимаю. Ваш мир совсем другой. Совсем-совсем!

Наемник по-прежнему смотрел на меня, не моргая.

– Ты кому-нибудь еще рассказывала?

– Об этом знает только еще один молодой маг, который помогал Анне совершать переход и встретил меня здесь.

– А Ивен мог узнать от него твою историю?

– Нееет! Точно нет!

Лицо белокурого принца становилось все более хмурым и озадаченным. Он сел на весла и направил лодку обратно к городу.

– Никому никогда не рассказывай об этом, если не уверена, что этот друг готов умереть за тебя, причем с закрытым ртом. Как ты могла рассказать это мне?! Я, мать твою, наемник Рамбулат! – Его возмущение росло. – Чужачка, ты же двинутая совсем! Я же могу прямо сейчас направить эту лодочку туда, где тебя никогда никто не найдет и где будут пытаться, пока твой друг не присоединится к тебе. И все ваши знания очень дорого продадут в какую-нибудь милую башенку на побережье, вместе с замученными телами. – Я бледнела, а он продолжал. – Я стану богачом, а кто-то героем и величайшим ученым, разгадавшим тайну ксарцев. Ну-ка, милая, скажи, что должно помешать мне сделать это?

– То, что ты слишком умен, чтобы мыслить только категориями богатства и славы. Тем более, они у тебя и так уже есть. Ты понимаешь, что если эта тайна окажется в руках таких, как Ивен или маги Омбран, то ваш мир пойдет ко дну. Не исключено, что он уже активно движется в этом направлении! Возможно, отравленные бури и чудовища вокруг Тонгамар – тоже одна из тайн ордена Ксар, попавшая не в те руки.

– Да к праотцам тебя! Почему я?! Ты что, не могла найти кандидатуру получше для своей исповеди?

– Лучше того, кто спас мне жизнь, собираясь драться с работоторговцами? Разве кто-то в этом мире может хранить тайны надежнее, чем Рамбулат?

– Мы храним тайны от мира, но не друг от друга, в этом проблема! И может, не было в моем поступке никакого благородства! Что, в вашем мире нет похотливых богатых папенькиных сынков, которые любят устроить себе легкие приключения?

– Сколько хочешь! Но вот рискуют жизнью, защищая слабых – только те, кому действительно можно доверять!

– Аааай, да не было никакого риска, Ивен знал, что из пары его головорезов практически любой наемник сделает салат, а сам он рисковать не будет.

Повисло молчание. Лодка приближалась к одному из дальних кварталов поместий. Он снова надел маску и натянул капюшон. Непрístupные острова, обнесенные высокими стенами, имели кое-где сточные решетки, сквозь которые сливалась вода из местных канализаций. Мы медленно плыли вдоль стены, пока не остановились возле той решетки, откуда вода не текла. Ощупав рукой стенку, наемник нажал куда-то, и металлическая заслонка с щелчком подалась внутрь.

– Предстоит небольшая экскурсия, леди, – прошептал он и с ловкостью кошки забрался в круглое отверстие.

Потом подтянул внутрь меня и багром, лежащим в тоннеле, оттолкнул лодку.

– Послушай, огромная ответственность лежит вот на этих хрупких плечах, которые пока некому защитить. Поэтому будь осторожна. Очень осторожна! Ты уже совершила несколько неосмотрительных поступков, если за тобой гоняется Ивен. Одного его уже более чем достаточно, но есть и другие. Скорее всего, я не тот, кто сможет помочь тебе выполнить задуманное. Но я в ужасе от того, что ключ от тайны ксарцев в этих маленьких ручках.

– Да нет у меня никакого ключа! И этот маг ничего не знает. Анна единственная, кто смогла разобраться, и она унесла тайну с собой.

– Смогла одна, смогут и другие! Пошли, я провожу тебя...

Несколько дней спустя на полу дожидалось внимания маленькое письмо, тихо просунутое ночью под дверь. Внутри очень красивым почерком было написано: «Рад сообщить, что недруги отправились далеко на восток, и в Дамирате вам больше ничего не угрожает. Пока... Пусть боги и праотцы берегут эти хрупкие плечи!» И ниже, вместо подписи, маленькая лодочка на глади воды, а в ней две фигурки друг напротив друга...

Протирая пол в библиотеке, я зависла над деревянным ведром. Мне хотелось нагреть воду, концентрируясь на приятных воспоминаниях. Но внимание оказывалось либо в голове, либо в ведре, и совершенно ничего не происходило. Тихие шаги в ночном коридоре заставили свернуть эксперимент и вскочить с пола. К моему изумлению, в арке входа появился господин Андре в небесно-голубой мантии, распахнутой, обнажающей легкую, но прочную боевую броню, покрытую красивым металлическим узором, похожим на языки пламени и зубцы гор. Волосы его были полностью собраны в жгут. Из-за спины виднелось навершие посоха – каменная спираль, напоминавшая четырехгранный смерч вокруг мутного белесого камня. Все указывало на то, что маг снова идет выполнять свою странную работу. Говорили, что альянс и сам император обращаются к нему, чтобы останавливать особенно опасных головорезов.

– Тренируешься? – усмехнулся он.

– А что, нагрелась немного?

– Нисколько. И что? Тебе тут нравится?

– Вполне...

– То есть ты променяла мое поместье на чулан и возможность разливать вино по бокалам всяких проходимцев?

– Какая разница для моего хваленного потенциала, где натирать полы, здесь или в Ада-нааре?

Какое-то время маг молчал, и я ждала, что он разозлится. Наверное, мне даже хотелось, чтобы это произошло. Легче было бы скрыть, как я на самом деле рада этой встрече, как много думала о нем, особенно когда мне так нужна была его помощь...

– Если нет разницы, то возвращайся и учись у меня...

В одно мгновение в просторном зале библиотеки не стало воздуха. «Соглашайся, разве не это ты так хотела услышать!» – колотилось и металось внутри, но, собравшись с силами, я выдохнула:

– Благодарю вас, господин Андре, вы очень много сделали для меня, но здесь я на своем месте... И делаю лучшее из того, что сейчас доступно.

– Хорошо. Пусть будет по-твоему.

Он достал из складок мантии что-то маленькое, светящееся ярко-малиновым цветом, и кинул в мою сторону. Красивый пузырек в сложной оправе на блестящей цепочке повис в воздухе. Уже выходя, маг остановился и взглянул через плечо. Казалось, он хочет что-то сказать, но лишь поднял руку, и рядом с пузырьком появился развернутый пергамент. На нем было прошение принять чужеземку на обучение в западное отделение школы магического альянса по причине недостатка мест в северном крыле.

Вскоре в библиотеку влетел Марко. Его глаза расширились, увидев, как я прижимаю к груди крошечный подарок, превозмогая желание броситься вслед ушедшему благодетелю.

– Что случилось? Зачем он приходил? Знаешь, я бы осмелился сказать, что господин Андре выглядел расстроенным. Ну, насколько это вообще можно понять по его каменному лицу и фразам вроде «Не путайся под ногами, щенок!».

Я протянула другу кулон со светящейся жидкостью.

– Есть идеи, что это? Похоже на пропуск в школу магов...

– Не знаю, но выглядит здорово. Покажи завтра утром Сайт.

Это оказалось очень редкое и мощное зелье, позволяющее управлять любым существом, причем настолько качественное, что вице-магиус посоветовала не стесняться, назначая цену. В итоге покупателем стал сам господин Луис, отдав в два раза больше, чем требовалось на обучение. В этот же день меня приняли в ученики альянса, и я с удовольствием попрощалась со своей мрачной таверной.

На закате Марко вытащил меня прогуляться и отпраздновать поступление.

– Это не просто прогулка! Это пикник по-маговски, ты же будущий маг! – смеялся он, потряхивая таинственной корзинкой.

Отойдя подальше в окрестный лес, мы нашли холм, где росло грибообразное дерево с широкой пологой шляпкой. Скомандовав «Держись!», он отхлебнул из маленького резного пузырька, и земля медленно начала отдаляться. Факт, что любое дерево покорится владельцу такого пузырька, конечно, делало процесс лазания по деревьям бессмысленным и неинтересным, однако ощущения от первого полета казались фантастическими.

Марко расстелил плед и начал извлекать содержимое корзинки, но не раскладывал перед собой, а, выпуская легкий светящийся импульс из руки, оставлял предмет за предметом висеть в воздухе. Медный кубок, парящий прямо перед носом, оказался таким легким, словно пальцы держали лебединое перо. Мне казалось, я в очередной раз слышу, как осыпаются файлы, отвечающие за идентификацию предметов и прошлый опыт.

– Скоро сама так сумеешь, – наблюдая за моим потрясением, подзадоривал молодой маг. – Я поздравляю тебя и надеюсь, что на твоём пути было уже достаточно неприятных приключений, а теперь начнется, наконец, та самая сказка, за которой ты сюда пришла.

– Знаешь, я уже не уверена, что сама понимаю, зачем пришла сюда, и происходящее все меньше напоминает добрую красивую сказку. Наоборот, чем больше я узнаю этот мир, тем более... раненым он кажется и тем беспомощнее ощущаю в нем себя. Мне хочется найти здесь свое место, только так я смогу быть полезна. Но пока лишь маневрирую между жестокостью одних и щедростью других. Например, это зелье: наверняка господин Андре сделал его из моих слез. Я должна была отдать что-то, чтобы получить что-то. Он говорил, что ни одно чудо не происходит иначе!

– Так и есть, но мы все что-то делаем. Может быть, не замечаем, но каждое действие – часть истории, капля, создающая океан. И у тебя есть цель...

– Пока я буду учиться, разбираться с нуля, пройдет слишком много времени, Анна знала это. Ей не хотелось возвращаться, иначе остались бы какие-то инструкции. Более того, мне кажется, что она специально выбрала нас с тобой, будучи уверенной, что у этих двоих просто не может ничего получиться!

Марко с недоумением заморгал глазами.

– Извини меня, если это прозвучит обидно, но секрет исчезновения ксарцев – слишком много для тебя. Слишком много для нас обоих! Почему она не доверила его Сайту, мудрой и опытной? Этот секрет опасен! Древние мастера знали это и Анна знала! Но никто не решился уничтожить исследования полностью из любви к науке, к экспериментам. Поэтому она оставила его нам – двум беспомощным щенкам, один из которых ничего не умеет, а второй все забудет!

– И что? Ты считаешь, вообще не нужно им заниматься? Или даже надо уничтожить?

– Не знаю. Пока совершенно точно ее труды следует хорошенько спрятать и держать язык за зубами. Ты вот только представь, что будет, если Ивен и правда поймает меня и отправит к какому-нибудь магу дома Омбран. Тот скуки ради залезет чужачке в голову – и обнаружит в ней другой мир. Наверняка это возможно. Да то же зелье, которое приготовил Андре, – он мог бы влить его в меня, и я сама рассказала бы все, что знаю.

– Честно говоря, я уже думал над этим. – Закат догорал, звезды становились все ярче. – Хорошо. Как насчет того, чтобы, пока смысл жизни не нашелся, просто получать от нее удовольствие?

– Отличная идея! – улыбнулась я, делая глоток вина.

– Тогда еще пара чудес для тебя.

Марко сложил ладони, образуя между ними пространство, потом потряс, поднес к уху послушать и, как будто убедившись, что в них кто-то есть, выпустил чудо. Из разжатых пальцев выпорхнула сотня маленьких желтых огоньков, которые заполнили все пространство над грибом своим теплым светом.

– И, наконец, главный подарок. Не знаю, насколько тебе понравится, конечно... Но скоро в Дамирате пройдет большой праздник. На верхнем ярусе манежа будут проходить бои, где можно выиграть дорогое оружие, имения, некоторые должности и даже иногда дочерей каких-нибудь знатных семей, ибо, ты знаешь, светлые себе любовью голову не забивают. В общем, все самые искусные бойцы континента встречаются на этих поединках. И отдельно пройдут бои магов.

Я невольно вздрогнула.

– Если бы господин Андре хоть раз решил там участвовать, то половина соперников отозвали бы свои кандидатуры сразу, – засмеялся он. – Хотя, скорее всего, его пригласят в наблюдатели. А на нижнем ярусе состоится пир и танцы. Помню, ты говорила, что скучаешь по ним.

– Ух ты! Вот это новость. Танцы меня, конечно, интересуют чуть больше, чем драки, хотя и битва магов наверняка будет еще то представление!

– Не сомневайся! Поскольку половина участников – маги Омбран, задача не только в том, чтобы победить противника, но и в том, чтобы сделать это максимально зрелищно.

– Слушай, а там какие-то определенные танцы? Предполагаю, что они у вас совсем другие.

– Придется дать тебе несколько уроков. Давай начнем прямо сейчас.

Он начал тихонько напевать какую-то веселую мелодию и взял меня за руки. Мы кружились и прыгали, сбивая все еще висящие в воздухе опустевшие бокалы и фрукты. Босые ноги оступались и спотыкались о неровности шляпки дерева-гриба. Звонкий смех разлетался в стороны, сквозь рой магических светлячков, и отправлялся к далеким звездам.

Надо сказать, я не оказалась гениальной ученицей, и детские мечты о чудесах, легко происходящих от любого взмаха рукой, растворились уже в конце первого дня учебы. Голова болела, неудачи напирали плотным строем. Но что-то все равно получалось. Для начала никто не замахивается на реальные явления, а учится создавать иллюзии. Иллюзию огня, а не сам огонь. Первое, что начало получаться, – это конденсировать шарик света на ладони, потом окрашивать его в разные цвета, затем немного двигать из стороны в сторону и, наконец, придавать форму. Все это, безусловно, увлекало, и каждое новое достижение наполняло восторгом в сущности одинаковые дни.

– Ну давай, покажи уже что-нибудь! – уговаривал Марко. – Не стесняйся!

Мы стояли на среднем ярусе квартала магов и смотрели, как разгружается у главных ворот караван из трех лодо. Решив, что репетиций было достаточно, я выставила вперед руку. На ладони сначала появились два овала голубого света, потом они начали сливаться и выгибаться, пока не превратились в бабочку – простую, голубую, с темно-синими ободками по краям крыльев. Она сделала несколько взмахов и полетела над темной спокойной водой. Асфир радостно захлопал.

День возвращения в небесный дворец

Новый год на Адаламене праздновался не по смене сезонов, а когда созвездие небесного дворца снова возвращалось на определенное место, сделав полный круг, и повисало над крышами кварталов Дамирата. Этот день воспринимался как встреча с создателем, но поскольку у творца не было личности, никто не готовил ни подношений, ни просьб. День возвращения в небесный дворец считался, скорее, празднованием факта самой жизни. Ведь под небом, неизменно делающим круг за кругом, менялось все, приобретая новые, различные формы, кроме, пожалуй, постоянного стремления всего живого непоколебимо продолжать свое существование.

Квартал, называемый манежем, – это небольшой отдельный островок, соседствующий с императорским дворцом. Верхний ярус служил огромным каменным амфитеатром, ниже размещались красивые, просторные ложи для знати. Выше – места попроще, с широкими каменными лавками. На среднем ярусе оставляли меньше мест для зрителей и больше пространства для действия. Нижний ярус занимали комнаты приезжих бойцов, тренировочные залы, оружейные склады и прочие помещения. В уходящих глубоко в землю подвалах держали животных и приговоренных к смерти воинов, по закону имевших право завершить свою жизнь в сражении. Но сегодня, как обещал Марко, по случаю празднования жизни боев насмерть быть не должно.

Мы пришли, когда зал уже заполнился наполовину. Марко охотно показывал местных знаменитостей и рассказывал про них короткие любопытные истории. Именитые маги сидели на нижние ряды, чтобы обеспечивать защиту зрителям, когда начнутся поединки. Ученики альянса и дома Омбран расположились на несколько рядов выше.

Ближе к началу представления наконец появился господин Андре в расшитом серебром сюртуке и традиционными для адаламенцев украшениями в волосах. Глава северного крыла вел под руку Сайят, с которой они о чем-то оживленно беседовали. Когда внимание его спутницы было украдено незнакомой магией, сидевшей по соседству, я создала своего голубого мотылька и направила вниз. Он легко преодолел несколько рядов и уже был в полуметре от Андре, когда тот повернулся, словно бы чувствуя его приближение. Такой светлой улыбки на его лице мне еще не доводилось видеть. Иллюзорная бабочка уселась на выставленную руку. Маг пристально смотрел на ладонь, и мое сознание уловило мягкое, но уверенное проникновение в удерживаемый образ. Мотылек снова поднялся и направился обратно, но, казалось, уже не я управляла им. Достигнув цели, иллюзорная бабочка уселась мне на колено.

– Какая красивая, – вздохнул Марко. – Никогда бы не подумал, что боевые маги на такое способны.

Хрупкие крылья были полны тончайших узоров и идеально подобранных оттенков, от белого до темно-фиолетового. Изгибы стали сложнее, а головку венчали закрученные в спирали серебряные усики. Но, не давая как следует рассмотреть себя, бабочка растаяла. И начался турнир.

В первой части проходили оружейные бои, во второй – состязания магов. Императорская семья тянула имена противников случайным образом. По окончании поединка имя победителя возвращалось в массивную бронзовую вазу. Одних воинов публика встречала аплодисментами, других – ревом или улюлюканьем, тогда Марко потихоньку рассказывал, чем те заслужили свою известность. Тут были воины из личной охраны императора, звезды лиги воинов и наемники Рамбулат, профессиональные гладиаторы, владельцы шахт и караванов, просто любившие подраться городские задиры и даже глава охраны имперской тюрьмы. Он, кстати, волею случая участвовал в трех поединках подряд и от ран и усталости проиграл своему же бывшему заключенному, здоровенному кайру с тигровым окрасом.

Оружие, используемое в боях, не было как следует заточено. Разрешалось наносить только несмертельные повреждения, но и при этом зрелище казалось довольно жестоким. Проигравшим считался тот, кто отказался или был неспособен продолжать бой, а также в случаях, когда удар был бы очевидно смертельным, используя соперник полноценное оружие.

Когда ваза на столике имперской ложи опустела на две трети, зал как-то особенно бурно отреагировал на объявленное имя. А после второго совсем взорвался дичайшим ревом.

– Не может быть! – восторженно шептал Марко. – Два принца Рамбулат, два брата будут драться друг с другом! Да это просто схватка века! Один из них потенциальный наследник дома наемников, старший из трех. Но говорят, что на самом деле самый талантливый – именно младший. И они ненавидят друг друга, потому что двое из братьев законнорожденные, а этого принесла какая-то неизвестная дамирша на стороне.

Если Марко и говорил что-то еще, то я перестала слышать. Под вой толпы на арену вышел мой спаситель.

Старший, Вилторн, был чистокровным сетом: крепким, широкоплечим и скуластым. Светлая борода и массивный меч, украшенный геометрическими рисунками, подчеркивали образ типичного викинга. Филипп же казался выше и тоныше брата. Явно отчасти дамир, он имел острые черты лица, был изящнее одет и начисто выбрит. Золотые украшения в волосах, белоснежная рубашка под сверкающей защитой и снова длинные легкие мечи в обеих руках создавали глубоко аристократичный образ, так странно смотревшийся на залитом кровью предыдущих бойцов поле.

Братья поклонились друг другу и разошлись на положенную дистанцию. Вилторн походил на разъяренного быка, Филипп же насмешливо улыбался, глядя ему в глаза, даже не принимая стойку.

Первым в бой рванулся сет, его рев громом рассек тишину замершего зала. Младший брат до последней секунды оставался неподвижен. Только когда меч уже летел в его сторону, сделал два невероятно быстрых прыжка вбок и вверх и, перевернувшись в воздухе, оказался у соперника за спиной. Брат, конечно, тоже был не промах и легко ушел от удара сзади. Так продолжалось какое-то время. «Викинг» атаковал, а противник уворачивался ловкими прыжками. Но в один из моментов схватки крепкая рука схватила Филиппа за ногу и со всего размаху швырнула на землю. Младший принц Рамбулат рухнул на спину и еле успел перекатиться вбок. Меч Вилторна ударил с такой силой, что, когда облако песка осело, стало видно, как незаточенное лезвие ушло в плотную утопанную землю на несколько сантиметров. Воспользовавшись секундой, пока сет вытаскивал свое оружие, Филипп прыгнул на него всем весом и отбросил в сторону, оставив соперника безоружным. Почти сразу, делая выпад вперед, он надеялся нанести финальный удар. Но старший наемник ловко сместился, чтобы лезвие прошло подмышкой, и схватил меч за рукоятку. Уходя от удара второго клинка, он вырвал оружие у противника. Улыбка Филиппа сменилась злобным оскалом, в ответ на который Вилторн громогласно рассмеялся, поигрывая отобранном оружием.

Стройный и подвижный дамир продолжал кружить вокруг брата, заставляя более тяжелого и медлительного соперника выбиваться из сил. Наконец Вилторн, блестящий от пота, попятился, тяжело дыша, будто брал паузу, чтобы перевести дух. Желая воспользоваться этим, Филипп сделал высокий и быстрый прыжок. Однако сет только этого и ждал и, вопреки показной усталости, нанес такой удар в плечо, что младшего принца отбросило на три метра в сторону. Он проехался по земле, хотя тут же снова оказался на ногах. Белая рубашка с левой стороны окрасилась алым. Публика загудела.

– Я уделаю тебя твоей же ковырялочкой! – раззадоривал его здоровяк.

Филипп перехватил меч в левую руку, сделал несколько резких восьмерок, чтобы понять, насколько хорошо та функционирует, и вернул его обратно. В это время Вилторн снова с ревом бросился в атаку. Младший брат рванулся ему навстречу, но вместо привычного прыжка упал

на спину и сбил противника с ног, ударив плашмя лезвием клинка по коленям. В решающее мгновение, пока Вилторн пытался встать, преодолевая боль в ногах, соперник с очевидным удовольствием дважды вlepил ему наотмашь голенью в голову. Старший сын главы дома Рамбулат начал клониться на бок, но задержался, встретив шеей тонкое лезвие.

Зал взорвался аплодисментами и криками. Филипп опустил клинок и протянул брату руку, чтобы помочь подняться. Тот с досадой швырнул длинный меч полукровки в сторону, проигнорировал протянутую руку и направился к выходу.

Мой тайный спаситель выходил на сцену еще трижды. Сначала он быстро расправился с неповоротливым ханонианцем, потом вступил в продолжительный бой с черной кайрой, не менее ловкой и быстрой, чем он. Лохматая бестия прекрасно работала необычно длинным копьем и наверняка наставила светлому столько синяков, что этой ночью он не будет знать, на какой бок повернуться. Однако проиграть ему все же пришлось: оружейный турнир выиграл капитан личной стражи императора, и было заметно, как сияющая центральная ложа довольна этим.

После перерыва, когда всех угощали едой и сладким цветочным вином, начались поединки магов. Почетные члены альянса создали над ареной прозрачный, слегка поблескивающий защитный купол. Участники не пользовались входами, как бойцы, а перемещались сразу со своих мест в зале, причем каждый оформлял свой выход особенными спецэффектами. Одни вырастали из огненного круга, другие выходили из облака мерцающего молниями дыма, третьи сыпались на землю ворохом искр. Каждому магу подносили кубок с алой жидкостью.

– Это так называемая кровь времени, – объяснил Марко, – эликсир, как бы позволяющий вернуться на некоторое время назад. Меч или копье можно не заточить, можно не бить по жизненно важным точкам, но заклинания либо боевые, либо нет. Поэтому все маги дерутся по-настоящему, испытывают настоящую боль, но «кровь времени» вернет все обратно, как было в момент первого глотка. Единственное, что нельзя обратить, – это смерть, нет ни одного способа вернуть назад мертвеца.

– Но если они дерутся по-настоящему, то любой удар может быть смертельным!

– Ну, они все используют защиту, и сначала страдает она, а если маг чувствует, что не справляется, то кричит «Стоп!» – и бой прекращается. Хотя были, конечно, случаи, когда некоторые слишком увлекались. Таких снимают с соревнований и запрещают участие в будущем. Именно поэтому здесь только половина главных магов Омбран. Они не раз добивали противников вопреки всем правилам.

Каждый бой шел не более пяти минут, после чего, если исход не был очевиден сразу, победа присуждалась смотрящими магами. Через пару минут тела участников начинали восстанавливаться, правда, те при этом очевидно корчились от боли, ибо процесс заживления переживался еще хуже, чем повреждения.

Зрелище поединков было жестоким, но завораживающим, и первая половина состязаний уже начинала казаться невинными благородными танцами. Маги обрушивали друг на друга огненные сферы и ледяные дожди, бросали сети из молний, создавали зубастых чудовищ, и не дай бог им удавалось подобраться друг к другу слишком близко. Тогда в ход шли посохи, наверхия которых служили серьезным оружием и могли снести пол-лица одним ударом. Когда очередное огнедышащее существо пыталось откусить голову кому-то из участников, а тот протыкал ему грудь вырастающим из земли ледяным шипом, я начинала понимать, почему у Андре такой мерзкий характер – ведь работенка у него, прямо сказать, не сахар.

Один из запомнившихся мне боев состоялся между учеником дома Омбран и молодой преподавательницей южного крыла альянса. Относительно жителей двух городов, где мне удалось побывать, девушка-асфир казалась практически обнаженной. Каштановые кудри удерживал венок из живых цветов, которые не вяли, видимо, тоже подпитанные магией. Ее появление началось с вытянувшегося из земли ростка. Быстро развиваясь, он пустил бутон, а тот,

раскрывшись, выпустил на свободу босую девушку. Ее изящная и красивая магия заметно выделялась на фоне прочих участников, старавшихся запугать противников. Она создала белоснежное животное, похожее на волка. Оседлав его, держась рукой прямо за шкуру без всяких поводьев, жительница Камила Фир легко и ловко перемещалась по арене, уходя от ударов соперника. В качестве оружия девушка растила из земли гибкие древесные плети, покрытые свежей листвой, которые хлестали и ловили омбранца. Поединок закончился, когда к распятому противнику устремилась стая птиц, угрожающе выставив когти и распахнув острые клювы. Манеж замер от мольбы остановить состязание.

В итоге чемпионом всего соревнования стал Лаззар – один из владельцев омбранских башен. После объявления победы маг сотворил свою огромную копию, которая поклонилась во все стороны и растворилась вместе с создателем.

– Это уже третья его победа в турнире магов, – рассказывал Марко. – И он никогда не повторяется, поэтому его действия сложно предугадать. Фантазия вообще очень важный для мага инструмент!

Мы спустились вниз, на ярус, где уже начался праздник. У стен вдоль всего огромного овального зала стояли накрытые столы, ломящиеся от еды и вина. Их освещали керамические вазы, тонкие и высокие, с множеством прорезей. Внутри изящных ламп пульсировал свет, он менял оттенки и отбрасывал повсюду разноцветные отражения небесных светил. На высокой круглой сцене музыканты играли веселую и невероятно красивую музыку. Барабаны, скрипки, флейты и какие-то еще не известные мне инструменты создавали совершенно особенное настроение. Гости ели, танцевали и просто общались друг с другом, сидя на лавках амфитеатра. Марко пришлось влить в меня достаточно много вина, прежде чем я согласилась пойти танцевать, но потом нас было уже не остановить.

На очередной попытке перевести дух моего друга украла одна молодая и очень симпатичная особа. Едва я направилась к столу, как на пути возникла высокая фигура в расшитом золотом сюртуке глубокого синего цвета. Филипп, как ни в чем не бывало, снова безупречно одетый и причесанный, изо всех сил сдерживал улыбку, нехарактерную для встречи двух незнакомцев. Недавние поединки выдавала лишь небольшая ссадина на щеке, аккуратно прикрытая высоким стоящим воротником.

– Разрешите вас пригласить? – Он элегантно поклонился.

– Почту за честь!

Гомон голосов и музыка быстро поглотили нас, как волна, набегающая на берег.

– Мое имя Филипп.

– Принц Филипп, – уточнила я.

– Так тоже можно.

С первых же нот стало понятно, что я не все знала об этом танце. В моменты, когда Марко лишь слегка приподнимал партнершу над землей, Филипп кружил меня в воздухе и прижимал к себе так, что кровь становилась горячей, прилиwała к лицу. Во время одного из таких пируэтов я успела шепнуть ему на ухо, а точно ли это хороший способ сделать вид, что мы незнакомы. В ответ мой очаровательный партнер только засмеялся и снова подкинул вверх.

– Поединок, хочу сказать, был впечатляющим. И плечо не мешает бросаться девушками?

– Нисколько! Царапина!

Музыка постепенно затихала. Он наклонился и отчетливо серьезно для прилипшего к его лицу озорного выражения сказал:

– Мне нужно кое-что тебе показать... Завтра в полночь, на дороге за северными воротами.

Элегантно поклонившись, Филипп исчез в толпе. Этот головокружительный танец и тем более его окончание хотелось хорошенько запить, чтобы хотя бы попытаться поверить в реальность происходящего. По дороге к столу меня настиг Марко.

– Ничего себе! Ну и кавалеры у тебя! Один другого страшнее!

– Никакие они мне не кавалеры... – пробормотала я, отводя взгляд.

В обстановке праздника все были очень милы и расслаблены. Некоторые, развлечения ради, создавали в воздухе под потолком красивые иллюзии в виде звездного неба или кружащихся лепестков. Эта красота и подвижность, в сочетании с непривычной приветливостью публики, казалось, делала все невозможное возможным.

– Смотри-ка, Андре еще здесь! – толкнул меня в бок Марко.

Маг как раз закончил разговор с кем-то из гостей и повернулся к столу, протягивая бокал слуге, чтобы тот его наполнил.

– А он танцует?

– Ты что, с ума сошла? Мне проще представить танцующего элементаря!

– Если меня сожгут, развея прах над морем! – Я хлопнула друга по плечу и двинулась к знакомой статной фигуре, надеясь, что горящие щеки скроет полумрак и что вина во мне достаточно, чтобы совершить задуманное.

Мой былой благодетель и мучитель в одном лице повернулся и начал откровенно дожидаться, когда я подойду, вызывая тем самым жгучее желание броситься в противоположном направлении.

– Очень рад, что ты начала учиться, – мягко произнес он без приветствия, – хотя Луис говорит, что успехи довольно средние.

Я почувствовала укол обиды, но лишь потому, что хотела выглядеть способнее в глазах несложившегося учителя, чем есть на самом деле.

– Он прав, не все могут быть лучшими, кто-то обязательно окажется вторым, но это не повод опускать руки.

– Да, талант без усилий иногда приносит плодов меньше, чем усилия без таланта.

Пришлось опять проглотить обиду. Маг протянул мне бокал.

– Желаю тебе найти свое место здесь. Я не имею в виду город и даже не имею в виду дело. Ты пока наблюдатель и потребитель, а можешь стать соавтором.

Он легко ударил своим кубком о мой.

– Именно за этим я здесь, господин Андре... Но пока только шарю вслепую, просто чувствуя, что где-то есть дверь, ключ от которой давно у меня хранится.

Магиус, как бывало и раньше, приподнял одну бровь то ли скептически, то ли с интересом.

– Что будет, если я приглашу вас танцевать?

– Ооо! Это будет катастрофа! Все же потом начнут пытаться это сделать!

И тут, вопреки, как мне показалось, очевидному отказу, он завел руку за спину, следуя традиционному приглашению, и поклонился.

Танец с господином Андре поражал своим изяществом и какой-то особенной глубиной. Марко, танцуя, веселился, Филипп показывал свою силу и власть, с Андре же мы словно разговаривали. Он не держал меня за руку, а, скорее, позволял опираться на нее, когда это было нужно. И не столько вел, сколько чувствовал, чего я хочу, и вплетал эти движения в один рисунок со своими. При этом складывалось ощущение, что взаимодействие происходит даже не через тело, а через постоянно сохранявшееся между нами расстояние. Маг все время удерживал контакт глазами, заставляя не смотреть, что делать, а чувствовать себя и его. Когда требовалось прогнуться, он просто отпускал мою руку и я, с полным доверием, падала назад. Пространства вокруг стало слишком много. Гости открыто смотрели, как мы танцуем, переглядываясь и склоняясь друг к другу, чтобы обменяться парой слов.

– Они же все смотрят... – произнесла я, бледнея.

– А ты какой-то другой реакции ожидала, приглашая меня?

– Ах, Андре, вы профессионал по части ставить меня на место.

– Не только тебя. – Он усмехнулся. – Кто же учил тебя нашим танцам?

– Мой друг Марко.

– У тебя хорошо получается. Может, ему лучше было бы преподавать танцы?

– Господин Андре, вы вообще представляете, насколько вы невыносимы и какое наслаждение вас ненавидеть?

– Очень даже представляю. Многие маги, с которыми мне приходится встречаться на просторах Адаламена, делают из этой ненависти такие мощные вещи, что я уже подумываю, не стоит ли быть с ними помягче.

– Однако... Спасибо вам! Со мной вы безгранично добры и терпеливы. И, как вы и обещали, я уже успела вляпаться в достаточное количество неприятностей, из которых не выбралась бы без вашей помощи и защиты.

– Я так понимаю, что речь уже идет не про песчаную бурю? – тень серьезности скользнула по красивому лицу.

– Нет.

Музыка стихала, мы поклонились друг другу. Лицо мага снова украшала довольная улыбка.

– Иногда полезно менять о себе мнение, – прокомментировал он. – Когда окружающие не знают, что от тебя ожидать, им приходится быть самими собой. Это очень упрощает ситуацию.

Я кивнула, но на самом деле эти косые взгляды обжигали меня.

– Если кто-то скажет что-то грязное, можешь предложить им повторить то же самое мне в лицо, – усмехнулся маг, наблюдая за моей растерянностью. – Хотя никто, скорее всего, не осмелится. И если захочешь рассказать о своих приключениях, я буду не против снова видеть тебя в своем саду.

Он еще раз коротко поклонился и направился к выходу, но, не дойдя до него, исчез.

– Ну все, теперь ты звезда! – услышала я издевающийся голос друга. – Месяц теперь только и будут об этом говорить. Может, и два.

– Эх, надо было с тобой на деньги поспорить, – толкнула я его локтем в бок.

Грид

Марко как будто специально не уходил, то предлагая еще потренироваться, то рассказывая какие-то истории. Пришлось настойчиво выпроводить его, ссылаясь на усталость. Выждав время, я на цыпочках пошла по коридору.

– Это так ты спать хочешь? – окликнул меня недовольным шепотом друг. Молодой асфир стоял в коридоре, сложив руки на груди. – У тебя что, свидание?

– Нет.

– С Андре?

– Ты с ума сошел?

– Филипп?

– Да что за вопрос?! Если бы я могла сказать, куда и с кем иду, то сказала бы!

– Ну и что ты предлагаешь мне делать, если не вернешься? Посреди ночи ворваться в дом к боевому магу и сообщить, что его бывшая служанка пошла на свидание, но ее, скорее всего, утащили работорговцы?

– А вот и отличная идея, между прочим! Давай так и поступим!

Он хотел сказать еще что-то, но махнул рукой и хлопнул дверью так, что со стоявшего в коридоре стеллажа слетело несколько книг.

...Северные ворота Дамирата в основном использовались для приема крупных грузовых караванов, так как вели сразу в квартал ремесленников. Охранники, как обычно, в доспехах и сверкающих шлемах, поинтересовались, что понадобилось девушке в лесу в такое время, на что получили самое однозначное женское хихиканье и быстро потеряли профессиональный интерес к происходящему.

Дорога за воротами оказалась темной и абсолютно пустынной. Казалось, лес готовился щедро отсыпать неприятностей в любую секунду, а того, кто позвал меня сюда, как назло, не было видно. Я несла на ладошке комочек света, размышляя, сколько еще потребуется времени, чтобы убедиться в собственном безумии, развернуться и бегом отправиться обратно. Шорох шагов сливался с шумом деревьев и ночными песнями лесных обитателей. Темнота заставляла все органы чувств включиться на полную мощность, от чего картина звуков воспринималась даже слишком отчетливо.

Решив, что вот, пожалуй, самое время потерять терпение, я повернулась и тут же увидела знакомую высокую фигуру, следовавшую чуть поодаль.

– И давно ты за мной идешь?

– Не очень. – Филипп, все в тех же плаще и маске, подходил ближе.

– Я чуть со страха не умерла!

– Чем больше напугана женщина, тем сильнее она рада тебя видеть, – улыбнулся наемник.

– Это что, свидание?

– Ну конечно, свидание, не мир же я по ночам в лесу с молодыми девушками спасаю! – передразнил он.

Я подошла и сама аккуратно сняла с него капюшон и маску, обнаружив под ними простого, растрепанного, хоть и по-прежнему беспощадно очаровательного юношу.

– Ты же не подозреваешь меня в чем-то дурном? Будь так – любой день и место для этого подойдет, зачем тащиться в лес. Я просто хочу познакомить тебя кое с кем. Только скажи – верну обратно. Обещаю.

Мы свернули в чащу, преодолевая один пригорок за другим, пока не вышли на просторную поляну. Филипп огляделся по сторонам и тихонько свистнул. Потом еще раз. С одного из толстых деревьев сползло какое-то крупное животное и вышло на лунный свет. Вдох застрял у меня в горле, я невольно попятилась. Зверь был похож на огромную собаку или, может

быть, даже на крысу с массивным телом, но тонкими длинными трехпалыми лапами. Зелено-вато-серый мех покрывал морду и шею, переходя затем в кожу, похожую на змеиную. Существо приближалось к нам, рыча, скалясь и топорща перепончатые крылья. Однако мой прекрасный спутник вышел ему навстречу и раскрыл объятия, как дорогому другу.

– Его зовут Грид, – произнес Филипп. Зверь подошел и принялся тыкаться мордой ему в грудь. – Это мой единственный и лучший друг. Подойди, я вас познакомлю.

Он поманил рукой, удерживая огромное животное за ухо. Пока я медленно подходила, чудовище громко сопело, сверлило меня глазами и стучало шипастым хвостом по земле, оставляя на ней глубокие впадины. Стоило приблизиться к Филиппу, Грид высвободил голову и со звуком, похожим на рык и скрип одновременно, встал на задние лапы. В таком положении он оказался ростом метра три, а крылья расходились далеко в стороны.

– Доверься мне, братишка. Вы подружитесь!

Зверь опустил и, тяжело сопя, осторожно поднес голову к моей вытянутой руке. Обнюхал ее, фыркнул и покосился на своего белокурого приятеля. Филипп счастливо улыбался. Тогда Грид уткнулся носом мне в шею и шумно втянул воздух. Дыхание у него, надо сказать, было довольно мерзким. Потом он, подобно кошке, потерся лбом о плечо и отошел.

– Ну вот видишь, я же говорил, что она милая!

Крылатое существо снова заскрипело, но уже не так громко и, словно стесняясь, попыталось спрятать морду принцу подмышку. Хотя с такими габаритами вряд ли он мог спрятаться где бы то ни было.

– Грид, покатаешь нас двоих? Хорошо? Только аккуратно, она очень хрупкая и боится тебя.

Животное легло на живот и сложило крылья. Филипп залез ему на плечи и пригласил меня садиться сзади. Осторожно забираясь, я надеялась, что платье позволит так широко расставить ноги. Кожа зверя оказалась горячей и гладкой.

– Только держись как следует, будет немного трясти. Он, конечно, поймает, если упадешь, но тебе это не понравится.

Руки сами обхватили наемника как можно крепче.

– Вот так всегда! Сначала она не хочет, чтобы это было свиданием, а потом сама первая лезет обниматься, – подтрунивал он, но, едва мои пальцы дернулись, задержал их и вернул на прежнее место.

– Грид, давай покажем, где ты живешь? Полетели в башню.

Зверь коротко скрипнул, и нас сильно потрянуло от прыжка. Возникло короткое ощущение невесомости, когда Грид завис над поляной. От его крыльев образовался сильный вихрь, мое платье и светлые длинные волосы Филиппа подлетели. Мы взмыли вверх. Когда я заставила себя открыть глаза, то увидела макушки деревьев, море, уходящее в бесконечность, и подрагивающие огнями кварталы Дамирата. Стало холодно, и я теснее прижалась к Филиппу, ощущая, как приятно он пахнет.

Наконец, Грид начал снижаться, и стало понятно, что мы взяли курс на один из ближайших холмов. Между бархатными в ночной мгле складками возвышенности виднелась темная расщелина. В ней из крон плотно растущих деревьев торчала острая крыша башни. Зверь влетел в каменную брешь, процарапав когтями по вымощенной кирпичом площадке. Принц Рамбулат ловко спрыгнул, помог мне сойти и сел на камень напротив крылатого друга.

– Кто-нибудь обижал тебя? – спросил он, глядя в черные глаза.

Грид помотал мордой.

– А ты кого-нибудь?

Зверь заурчал и попытался отвернуться, но наемник резко поймал его за ухо и повернул к себе.

– Опять за свое?

Чудовище попыталось высвободиться, но быстро осознало тщетность своих маневров. Скрипнув, оно покосилось в угол. Филипп подошел к бесформенной куче, разгреб какое-то тряпье, оттолкнул пустую бутылку и выдвинул на лунный свет ящик.

– Это? – спросил он у зверя.

Грид кивнул. Наемник открыл деревянный сундук, несколько минут рассматривал какие-то бутылочки и свитки, потом тяжело вздохнул и захлопнул крышку.

– Дружок, завязывай с этим. Ты, конечно, невероятная зверюга, но маги сильнее и хитрее тебя. – Он крепко обнял его за шею, прижимаясь щекой и глядя костистую спину. – Не выдавай себя, им не надо знать, какой большой и умный ты вырос. Иначе маги начнут охоту, и кто тогда будет за мной присматривать?

Грид урчал и похлопывал хвостом по камням, а я, не в силах пошевелиться, наблюдала за невероятной картиной, где восхитительно красивый юноша с любовью и заботой обнимал огромное чудовище.

Филипп попросил зверя быть неподалеку, чтобы доставить нас обратно, и повел меня по темной винтовой лестнице в башню. Наверху оказалась большая круглая комната, где наемник быстро разжег камин, поставил на огонь котел с водой и устроился на сшитых в один большой ковер пушистых шкурах. Я тоже устроилась рядом, все еще не в силах задавать вопросы, глубоко пораженная и тронутая увиденным. Он заговорил сам.

– Грид – дитя неудавшегося опыта магов Омбран. Видела когда-нибудь дочерей ночи?

Я помотала головой.

– На Адаламе были и есть еще существа. Многие считают их неразумными, но где та грань, до которой существо все еще дикий зверь, а после – кто-то, равный тебе? Говорит ли об этом способность испытывать чувства, любить, ненавидеть, радоваться или грустить, как ты? Или, может быть, дело в способности осознавать себя, свою роль в этом мире? Грид перестал быть для меня зверем, когда я понял, что он способен делать осознанный выбор: у него есть своя внутренняя картина мира, в которой он видит варианты и выбирает из них. Не рефлекс, не программы выживания, наоборот – что-то, порой противоречащее им. Свобода выбора. Свобода сопротивления. Свобода ошибаться. Именно это делает его таким же, как я или ты. Да, он ничего не может сказать, но если взглянуть на наши поступки, то я даже не знаю, кто из нас с ним большее чудовище.

Он встал и засыпал в котел каких-то трав из кошель на пояс. По комнате пополз приятный сладковато-пряный аромат.

– Так вот, дочери ночи – хвостатые и крылатые девушки под три метра ростом. У них тоже есть руки и ноги, они укладывают волосы в красивые прически, некоторые вплетают в них ракушки и цветы. Значит, они хотят быть красивыми, нравиться кому-то. Эти женщины всегда обнажены. Их тела со змееподобной кожей выглядят так, словно горят возбуждением. Соски на высокой красивой груди будто смотрят на тебя. Дочерей ночи так сложно убивать... Но приходится это делать, ибо они никогда не щадят РАЗУМНЫХ существ. – Он подчеркнул это слово. – Эти крылатые красотки не обращают внимания на лодо, волков или хадау. Никогда не нападают на них. Но если увидят дамира, асфира или кайра, любого из тех, кого принято считать разумным, то сразу бросаются в атаку. У них острые зубы во рту и длинные когти на руках и крыльях, покрывающиеся ядом, когда их хозяйка приходит в ярость. Они абсолютно безжалостны. Откуда эта необъяснимая вражда?

Филипп снова поднялся и налил из котелка душистый напиток в две деревянные кружки.

– Пей понемногу. Конечно, я не маг, но пару травок смешать могу.

Я с недоверием посмотрела на него, потом на кружку.

– Да не бойся, согреешься и немного взбодрись. Может быть, разговаривать снова начнешь.

– Я просто внимательно тебя слушаю.

– Вот, от одного запаха уже ожила!

Наемник снова устроился на шкурах. То ли от глубоких слов, то ли от столь внезапной близости в груди уже не первый раз возникал волнительный холодок.

– Маги проводят опыты, каким-то образом соединяя материю, скрещивая существ друг с другом. Видимо, они поймали одну такую красавицу и соединили с волком. Получился Грид. Почти десять лет назад, когда мне было шестнадцать, отец охранял караван, перевозивший несколько подобных существ из одной башни в другую. Но звери вырвались. Двоих уничтожили, один удрал, Грида поймали. Отец попросил одного из чудовищ себе как компенсацию за то, что мы потеряли много людей. Маги согласились, зная, что Рамбулат умеет хранить тайны, и сочтя опыт неудачным, а зверей – слишком иррациональными для дрессировки. Грида подарили мне для тренировок и я быстро понял, что он осознает абсолютно все. Передо мной словно бы распахнулся еще один мир, увиденный его глазами. Я так и не узнал, кто такие дочери ночи, его воспоминания путаются, смешиваясь с воспоминаниями волка. Но после превращения он помнит все очень четко. Помнит всю жестокость, помнит, что были и другие чудовища, десятки опытов, удачных и нет. Я нашел для него дом. Он охотится в этих лесах. Грид действительно друг, а не домашний питомец. Мы выросли вместе. Конечно, с ним бессмысленно говорить об искусстве или философии, зато честнее и искреннее нет никого на Адаламене.

Напиток оказался вкусным, слегка горьковатым, от него немного вязало во рту. Спать действительно не хотелось, несмотря на позднее время, но при этом пришла какая-то глубокая эмоциональная расслабленность. То ли подействовало красноречие Филиппа, то ли травки оказались совсем уж непростыми, но я очень глубоко переживала эту историю, словно сама была ее участницей. Каждое слово проникало в самое сердце – и еще много тех, которые он не произносил. Десять лет странной молчаливой дружбы прекрасного принца и одинокого чудовища в каменной башне, спрятанных от всего мира... От осознания этого пробирал озноб.

Филипп снял плащ, укрыл меня, а потом сел так, чтобы я могла положить голову ему на колени.

– Мой отец только однажды поддался чувствам, вопреки разуму. В результате получил меня и, как следствие, множество проблем. Я порождение чувств, а не рассудка, и словно бы полностью состою из них. Мое существование алогично, как и любовь отца ко мне. Особенно на фоне других братьев, именно таких, какими должны быть настоящие наследники дома Рамбулат. Я с детства слышал от него, что у меня только два пути: либо предать его, либо умереть. И в наших общих интересах, чтобы второе произошло как можно скорее.

– Неласково...

– Может быть, но он прав. Грид мой первый секрет. Ты, со своей тайной, уже второй.

Он приподнял меня и усадил так, что я уже полностью оказалась в его объятьях. Теплый свет камина играл тенями на прекрасном лице. Зеленые глаза смотрели внимательно, видимо, пытаюсь понять, что я чувствую.

– Филипп, я снимаю перед тобой шляпу. После такого рассказа любое существо, если у него есть хоть какие-то чувства, должно раствориться в тебе без остатка... Этой ночью уж точно...

– Должно, – усмехнулся он, – но ты не планируешь?

– Нет, послушай...

Я попыталась высвободиться, но он не выпустил, да и, если быть честной, не очень-то и хотелось.

– Неужели старик Андре?

– Он не старик! – возмутилась я.

– Вот это поворот! – воскликнул мой белокурый собеседник, вскакивая, словно обжигаясь.

Немного похажив по залу, он вновь сел рядом. Лицо улыбалось, словно поверх живой плоти приросла маска, но я отчетливо ощущала густую тяжелую смесь чувств, тянувшихся ко мне из его сердца. Среди едкого букета из усталости, гордости, злости, упрямства и тоски обнаружилась даже бессильная, колючая ревность к Андре, приправленная уважением и чуть ли не страхом.

– Что это был за напиток?

– Извини, что приходится чувствовать и это... Кое-какие травки увеличивают эмпатию, и границы стираются. Я хотел быть уверен, что ты услышишь не только произнесенные слова. А может, я хочу обойтись вообще без них...

Придвинувшись ближе, я провела рукой по его лицу, и сильнейшая волна нежности окатила меня, лишая на мгновение возможности дышать, а потом отступила, оставляя горькое послевкусие патологического неверия в счастье.

– Ты же понимаешь... Не только ты все чувствуешь... Я же тоже пил.

Беззащитные и распахнутые, мы оба утонули в нежности и одиночестве друг друга, в нежелании играть по чужим правилам, но в страстном стремлении их нарушать. Мы оба предавали тех, кого любили, и мстили самим себе за слабость, за свою непригодность для их реальности. Мы ласкали друг друга, и это давало иллюзию чего-то, идущего с твоим сердцем в такт, а не только в противофазу. Мы заливали нежностью образовавшиеся в душе трещины, разрешали быть дураками, безвольными, эгоистичными, испуганными и запутанными обманщиками. Мы выкупались в правде, целуя друг друга за то, за что сами себя ненавидели. Мы сталкивали с сердца тяжелые камни, которые, конечно же, вырастут снова, когда закончится эта ночь.

Камин догорал, свет начинающейся зари пробирался в темноту круглой комнаты. Я лежала у него на груди, все еще будто не до конца веря в происходящее. Филипп наматывал мои волосы на палец.

– Да не грусти ты, милая. Я почти за честь отправиться к праотцам в поединке с Андре, и Рамбулат будет счастлив. Так что мы всем сделали только лучше. А ты всегда сможешь честно сказать, что я опоил тебя чем-то и соблазнил. Ведь почти так и есть.

– Ему не за что устраивать с тобой поединок. Я для него никто. Даже не ученица и не служанка. Скорее всего, он просто понял, что я что-то знаю про ксарцев.

– Ай, не смей меня. Если б Андре хотел выведать у тебя какую-нибудь тайну, ты бы выложила ее в тот же миг, даже если бы очень сопротивлялась. Может, отсыпать тебе моих травок? Поговорите по душам!

В ответ я только вздохнула.

– Мне пора, Филипп.

– Да, я знаю. Спускайся раньше меня, может, еще удастся почувствовать Грида. Я скоро буду.

Одевшись, я спустилась вниз по винтовой лестнице. Зверь спал, развалившись на каменном полу и откровенно храпя. Я сняла туфли и на цыпочках подошла к вытянутой клыкастой морде. При моей попытке присесть рядом босая нога неосторожно встала на острый округлый камень, и я, ойкнув, повалилась на бок. Грид от неожиданности подпрыгнул всем своим массивным телом и, резко хлопнув крыльями, задел мою руку огромным кривым когтем. В этот момент из каменной арки появился Филипп и на секунду застыл, увидев такую картину: я растянулась на полу, туфли в разные стороны, держусь за руку, на которой начинает проступать кровь. Чудовище с абсолютно растерянной мордой пятится назад и хлопает крыльями, поднимая в воздух пыль и какие-то тряпки.

– Грид, ты что, сдурел? – наконец выкрикнул наемник и бросился к нам. – Что у вас произошло?

Зверь сложил крылья и жалобно заскрипел. Принц Рамбулат взял мои руки и достал из кошелька небольшую, едко пахнущую бутылочку, от содержимого которой кровь начала зеленеть и сворачиваться.

– Он не виноват! Это я его напугала. Он спал, а я подкралась. Прости, Грид!

Зверь еще раз жалобно скрипнул и протянул мне туфельки, которые держал в передних лапах.

– Ему тоже очень жаль, как ты понимаешь. Но нам пора торопиться, солнце уже совсем встало, и так придется продираться через лес.

Грид недовольно рыкнул.

– Ну а как иначе, дружок? Мы же не можем сделать вид, что ты лодо, а мы обычные караванщики.

Усевшись на зверя, мы упали в свежее яркое утро, полное цвета, запаха и звука. Какое-то время наша тень скользила над деревьями и блестящими голубыми изгибами рек и ручьев. Если бы пульсирующее в сердце счастье звучало, то это была бы очень громкая и красивая мелодия. Я ощущала, что Грид воспринимает меня как продолжение Филиппа, ему очень любопытно, хочется общаться и даже играть. Играть! Огромное зубастое чудовище хотело играть!

Эти чувства, восходящее солнце и стремительный полет вызвали такой искрящийся восторг, что я закричала и засмеялась одновременно. Филипп полуобернулся и закричал тоже. Тогда и Грид, издавая словно бы победоносный пронзительный скрип, развернулся в воздухе и, сшибая листья с деревьев, спикировал в лес. Мы летели над рекой, визжа, рыча, крича и смеясь – все трое. Крылья поднимали в воздух мелкие брызги, и казалось, что это наше прорвавшееся сквозь плотину запретов веселье кристаллизуется в пространстве...

Потом была сложная часть пути, где зверь маневрировал между деревьями, то и дело резко поворачивая. Оставалось только держаться как можно крепче, жмурясь от летящей в лицо листвы и мелких веток. И вот, наконец, когтистые лапы утонули в шелковой траве дамиратского леса.

– До новой встречи, дружок! Отлично полетали! – Они прижались лбами друг к другу.

– Спасибо, Грид! Это было потрясающе! С тобой так весело! – И я, уже без тени страха и отвращения, обняла его за шею так же, как это делал Филипп. Грид был такой горячий и так приятно дышал, тихо kloчoca в глубине мощного тела, что хотелось простоять так как можно дольше.

Спутник повел меня через лес, а когда впереди показалась дорога, остановился. Несколько минут мы целовались, а потом он держал мое лицо в своих руках и молча смотрел, как будто пытался запомнить все его черты.

– У меня такое чувство, что это прекрасное приключение может никогда больше не повториться, – прошептал он. – Поэтому я хочу сохранить в памяти твою улыбку и полные радости глаза.

- Может быть, это и лучше для всех? – спросила я.
- Очень может быть. Но я так быстро от тебя не отстану.

Встреча с демоном

– А знаешь, кто поведет вас завтра изучать дары лесов? – с нескрываемым удовольствием спросил Марко за обедом.

– Ты, что ли?

– Да! Так что я побуду твоим учителем немного. Дамиратские маги не любят копаться в земле и отправляют в поля учеников поопытнее.

– Буду рада послушать вашу увлекательную лекцию, господин Марко!

Друг, улыбаясь, налил еще один стакан любимого нами цветочного сока. В местных лесах встречались крупные цветы с мясистыми сердцевинами, их варили с медом и получали нечто похожее на клубничный компот, только ярко-желтого цвета.

– А вы над чем сейчас работаете?

– Начали изучать перемещения, пока на предметах тренируемся, сами еще не пробовали. Очень много сил на это уходит. Одно заклинание – и целый день ходишь вялый, как червяк в знойный день.

– Даже представить себе пока не могу.

Нашу группу из трех новичков вместе с молодым магом посадили на лоду и повезли в чащу леса на богатые разнообразными цветами, ягодами и грибами поляны. Марко старался сделать интересным, а главное, важным любое дело. Ученики сидели на огромном поваленном дереве, а он с упоением рассказывал, что предстоит найти, создавая в воздухе копии-иллюзии в натуральную величину. Мы записывали, где это растет, каковы техники сбора, перечисляли болезни и паразитов, способных испортить качество материала. Затем требовалось разбрестись по поляне и собрать все описанные экземпляры. У меня вызвали некоторые затруднения древесные грибы: все время попадался один и тот же вид, а другого, похожего, нигде не было. Наконец в колючих кустах замаячил покрытый мхом пенек, на котором виднелась стайка плоских рыжеватых шляпок. Закатав рукав и встав на коленки, я потянулась за добычей, но почувствовала на себе пристальный взгляд. Марко не сводил глаз с забинтованной руки. Схватив образец, мне пришлось поспешно натянуть рукав обратно. Правда, это опять оказался не тот гриб. Однако молодой маг удержался от вопросов как в течение всего дня, так и по дороге обратно. И даже сам отказался встретиться вечером, ссылаясь на отчеты по проведенной практике. Было ясно, что сердце друга колола обида, да только что я могла рассказать? А врать не хотелось тем более.

Ночью сон прервал странный шелест. На полу у двери лежал небольшой листок пергамента. Вмиг соскочив с кровати, я прочитала знакомый красивый почерк: «Грид скучает по тебе! Следующей ночью приходи на то же место, в то же время».

Мурашки зашевелили каждую клеточку тела. Спрятав листок, я, конечно, долго еще не могла заснуть, терзаемая поединком внутренних противоречий...

На следующий день пришлось отправиться за новым платьем взамен порванного Гридом, но у дверей портного меня настиг Марко. Обычно полные добродушие карие глаза играли колючими искрами.

– Ты слышала, что император объявил о помолвке младшей дочери? Как думаешь, с кем? С Филиппом! Видимо, власть дома наемников так возросла, что даже правитель Фарлат счел полезным с ними породниться.

Я почувствовала себя бродячей собачонкой, которую как следует пнули, чтобы та побыстрее убралась с дороги. Пришлось спрятать задрожавшие пальцы поглубже в сверток. Друг же продолжал безжалостно буравить меня полным вызова взглядом, ожидая подтверждения своим догадкам.

– Отличная партия, на мой взгляд... Для всех ее участников... – выдавила я.

– Ты так считаешь? А может, это по любви? Он красавец... Принц и принцесса! Ведь может такое быть? А?

Да он издевается!

– Может быть. Если ты думаешь, что после того танца у меня были какие-то иллюзии на его счет, то ошибаешься!

– Почему тогда ты так напряглась?

– Марко, чего ты добиваешься?

– Я хочу, чтобы ты снова была откровенна со мной!

– Да я тоже хочу, но не могу! Извини...

Я резко свернула в сторону, но еще какое-то время спиной чувствовала, как молодой маг грустно смотрит вслед.

До полуночи оставалось достаточно времени, чтобы миллион раз решить не ходить на встречу, а затем склониться к обратному. Наверняка эта помолвка не была для него сюрпризом ни прошлой ночью, ни когда мы летели в башню. Филипп был заложником своего положения и это ему определенно не нравилось. Вероятно, мое появление можно счесть чем-то вроде протеста. Но будет полным безумием влезать в историю, когда на поле такие фигуры и ставки слишком высоки. Однако, как бы то ни было, поговорить, прежде чем исчезнуть, казалось необходимым.

Увлеченная мыслями, я не сразу заметила идущего за мной мужчину. Стоило ускорить шаг, как преследователь заторопился тоже. Через минуту с моста, преграждая путь, вышел еще один, в котором можно было узнать ханонианца, приходившего в порт вместе с Ивеном. Сердце бешено заколотилось, я резко свернула и вбежала в двери торгового квартала. Пустынную анфиладу комнат, которая днем превращалась в рыночные ряды, можно было пройти насквозь, потом через мост, обогнуть восточный квартал ремесленников и пересечь район поместий, где куда больше света и охраны. Приходилось почти бежать, но преследователь не отставал. Я выскочила за дверь, ведущую на переход нижнего яруса, и почти столкнулась со вторым. Проворный и рослый ханонианец обжег тянущийся башенками к небу островок по огибающему его балкону и перекрыл все пути к северным воротам. Оставалось только двигаться к центральному входу. Они явно не торопились схватить меня, а, словно добычу, загоняли в подготовленную ловушку. Охрана как раз отошла от ворот, занятая пришедшим караваном, расположившимся неподалеку. Рядом же с остроконечными арками ждал третий, тальмер, скорее всего, маг, и это было уже совсем большой проблемой.

Я не побежала вперед по дороге, как они, возможно, рассчитывали, а бросилась через лес, вбок, в сторону северного выхода. Я знала: примерно в этом направлении, где-то там, Филипп ждет меня вместе с Гридом. Возможно, если успею преодолеть достаточное расстояние, то смогу закричать, позвать их. Я неслась что было сил, обрывая платье о кусты и спотыкаясь о корни. Из-за усталости дистанция неуклонно сокращалась. Забежав на более или менее высокий пригорок, я изо всех сил крикнула Грида. Потом подпрыгнула, чтобы перескочить через поваленный пенек, но услышала сильный шипящий и рокочущий звук за спиной. Лес осветила яркая вспышка. Сзади на меня летело извивающееся пламя. Оно прошло чуть сбоку, охватив правую половину тела. Я наотмашь упала в холодную траву и закричала от боли. Лицо, руку от плеча и правую ногу резало, словно в нее вворачивали металлические шурупы. Платье вспыхнуло и волосы, кажется, тоже. Я каталась по траве, крича и сбивая огонь, теряя от боли рассудок, и, наконец, замерла в ворохе тлеющих кусочков ткани и сухих веток, тоже подхвативших безжалостный огонь.

– Грииид! Пожалуйста... На помощь, Грииид! – стонала я в темноте, видя застывшие на пригорке три темные фигуры.

Одна из них начала медленно спускаться. И тут как будто что-то холодное заползло в горло, останавливая стоны и превращая внутренности в лед. Тело слегка подбросило, словно все мышцы сократились разом. Я почувствовала, что непроизвольно делаю глубокий вдох и больше не могу ни выдохнуть, ни пошевелиться. Боль отдалялась, уступая место глубокому вязкому забвению... Мир провалился в темноту.

Не знаю, сколько я была в забытии. Сначала что-то начало как будто царапать и рвать пустоту, окружившую меня, несколько позже сознание определило это как далекие звуки и неприятные ощущения. Реальность нарастала, но все еще будто находилась за перегородкой. Словно стянутая ремнями, грудь наконец сделала выдох и потом сразу не менее глубокий вдох. Вместе с этим глотком воздуха в сознание вернулось понимание, кто я, а в тело ворвалась боль. Воспоминания заставили мгновенно открыть глаза. Бледный как простыня Марко внес меня в комнату Сайят и практически уронил на постель. Отступив назад, он закрыл глаза и медленно сполз по стенке.

– Выпей, – прозвучал взволнованный голос старушки.

Она кинула ему какой-то пузырек и подбежала к кровати. Как я была рада видеть ее доброе, хоть и перепуганное лицо! Сайят взглянула на мою руку, и та взорвалась от боли. Из сухих старческих пальцев к ожогам устремились ярко-зеленые огоньки, похожие то ли на буквы, то ли на пиктограммы. Я застонала, сжав зубы.

– Что произошло с тобой? Что это было за заклинание? – пробирался сквозь боль ее похожий на пересыпающийся песок голос.

– Огонь, – выдавила я. Горло все еще было замерзшим.

– Огненные сети. Это были огненные сети! – вмешался Марко. – Они хотели просто поймать ее, но она вспыхнула, как пергамент в камине.

– Но этого не может быть! – возмутилась та. – У меня не получается, что-то сопротивляется моей магии.

Я снова перевела взгляд на друга. Он все еще тяжело дышал, хотя лицо начинало приобретать цвет. Одежда асфира была разорвана, будто он бежал по лесу вместе со мной.

– Сайят, пожалуйста, никому не говорите о происшедшем. Никто не должен знать, что она здесь. Работоторговцы думают, что нечаянно убили ее. Они хотят сказать главному, что напали на элементаря в лесу. Пусть охота прекратится!

– Конечно, – согласилась та.

– Попробуйте еще, я скоро вернусь!

– Стой! – скомандовала она. – Дай руку.

Марко выставил ладонь, и вице-магиус сделала какие-то движения над ней. Над поверхностью кожи вспыхнули два красных вензеля, один из них был личной подписью Сайят. Мой друг кивнул и выбежал из комнаты.

– Мы поможем тебе, моя девочка! Мы что-нибудь обязательно придумаем! – ее теплая рука гладила по голове.

– Вы можете хотя бы снять боль?

– Могу, но пока мы не разберемся, что произошло, я не рискну ничего делать. Потерпи. Хуже уже не будет. Все самое страшное позади. – Она тяжело вздохнула. – Скажи, было ли уже такое, что магия срабатывала с тобой как-то не так, как должна была?

– Да, глава этих работорговцев раньше уже пытался что-то сделать со мной, но ничего не получилось. Он сказал, что господин Андре до сих пор защищает меня.

Сайят нахмурилась, провела в воздухе руками, и на меня медленно сполз золотистый световой купол, проявляя облепившие тело сгустки красного и зеленого света, а также что-то густо-фиолетовое, как чернила, внутри, в животе.

– Я не нахожу никакой защиты на тебе. Но если это дело рук Андре, то, возможно, ее так просто и не увидеть. Тем не менее, это очень странно: какая бы ни была защита, она не может так исказить заклинание.

Не прошло и получаса, как дверь снова распахнулась и в нее вбежал глава северного крыла. Я заметила, как широко раскрылись его невероятные глаза, как дернулись скулы в ту секунду, когда он увидел, что со мной стало.

– Что произошло?! – скорее прорычал, а не произнес маг.

– Ничего не помогает, Андре. Что-то внутри не отпускает магию. Не убрав ее, я не могу вылечить! Ты ставил какую-то свою защиту?

– Нет! – с недоумением ответил тот. – Благодарю тебя, Сайят, дальше я сам. Дам знать, как только буду новости.

Он аккуратно поднял меня на руки и, пройдя сквозь облако света, мы оказались в приемном зале его поместья, где ждал взволнованный и вымотанный друг. Андре направился через сад в свою спальню. Марко шел следом, но маг не дал ему переступить порог комнаты.

– Прошу, отправляйся назад в Дамират. Работорговцы уверены, что пропасть должен только один ученик. Если утром слух пойдет об исчезновении двоих, они могут начать искать.

Казалось, Марко хочет сказать что-то еще.

– Как я могу отблагодарить тебя? – спросил Андре.

– Не надо мне никакой благодарности! Только сделайте что-нибудь! И... Хватит играть! Она из-за вас попала в эту историю!

Магиус аж отшатнулся. Молодой асфир сам захлопнул дверь перед его носом и стали слышны его удаляющиеся шаги. Даже боль словно на время затихла, уступая место этой невероятной сцене.

Маг повернулся и его лицо снова дрогнуло. Я попыталась поднять руку, чтобы закрыться, но темный быстро поймал ее и вернул на место. Андре, как и Сайят, выпустил ворох зеленых значков, но они снова не вызвали ничего, кроме жгучей боли. Видя, как я корчусь, он встал и отвернулся.

– Простите... – простонала я.

– Я должен кое-что попробовать, но тебе нельзя видеть это.

Магиус аккуратно завязал мне глаза, стараясь как можно меньше задевать ожоги на лице. Возможно, поэтому я все же видела, как комната залилась ярко-синим светом. Неестественно ледяные пальцы жестко прижали запястье к кровати, и по коже поползло что-то скользкое и шершавое. Боль усилилась, будто меня грызли. Приходилось сжимать зубы до хруста. Наконец пытка прекратилась. Темный снял повязку и посмотрел на меня очень недобрым взглядом.

– Ничего не хочешь мне рассказать?

– Похоже, придется.

На его лице читалось, что стоит поторопиться.

– Я не из вашего мира, господин Андре. Я не прибыла из соседних земель. Понятия не имею, где мой дом относительно Адаламена, может быть, это другая планета, другое время, другая вселенная. Мой мир совсем другой и я, похоже, тоже другая...

Самая страшная тайна вылилась так легко, будто больше всего хотелось открыть ее именно ему. По мере недолгого, но насыщенного повествования брови собеседника все же ползли вверх, хотя он явно догадывался о чем-то и раньше. Наконец, маг остановил меня и сказал:

– Есть идея, что может сработать. Все остальное надеюсь узнать в самых мельчайших подробностях после того, как разберемся с ожогами. Ты отреагировала на незнакомое заклинание согласно своим представлениям о том, что это. В момент погони и всех сложных ситуаций наша энергия просыпается, готовая к действию в любой момент. Мы сконцентрированы, но нам некогда погружаться в переживания. Однако ты как будто перехватила ее и применила на себя, поэтому она так сцепилась с телом. Теперь нужно снова ввести тебя в состояние стресса, но при этом заставить поверить в лечение, как ты поверила в огонь. Для этого мне тоже придется открыть тебе один свой секрет. Пожалуй, не менее опасный, чем твой.

Господин Андре опустил голову, словно собирался с духом.

– Кто такие демоны, ты уже знаешь?

– В вашем мире – нет.

– Существует догадка, что жестокие и очень гневные маги после смерти настолько не хотят уходить в другое перерождение, что остаются бесплотными существами. Мерзкими, жестокими и агрессивными. Никто не знает, правда это или нет, однако демоны на Адаламене есть, пусть и немного. Они могут впитывать созданную кем-то магию, а накопив достаточное количество, вытесняют существо из его тела и пускаются во все тяжкие. В основном убивают, насилюют и разрушают все, что попадает им на пути. Редко кому-то удается выжить после встречи с воплощенным демоном, но моей матери удалось. Таким образом, в моем появлении на свет участвовали трое и часть каждого осталась во мне. Демона тоже. Теперь я обладаю той же способностью поглощать магию, но только когда позволяю этой части выйти вперед. Надо сказать, что он имеет не самый приятный внешний вид и еще худший характер. Если кто-то узнает, что среди них живет и прекрасно себя чувствует фактически воплощенный демон, то Адаламен будет мстить мне за всю долгую историю сожженных городов и их истерзанных жителей. Чем больше демон получает, тем сильнее становится. И в этот момент рядом со мной находиться не только неприятно, но даже опасно. Я не перейду ту грань, чтобы причинить тебе зло, этого можешь не бояться, однако после нам обоим потребуется время, чтобы прийти в себя... Ты мне доверишь?

– Конечно, господин Андре! – наконец осмелилась заговорить я. – Это многое объясняет...

– Когда ты увидишь меня таким, снова испытаешь шок, однако теперь будешь знать, что я поглощаю твои страдания, и сможешь их отпустить... Но прошу, не сопротивляйся, даже если тебе будет очень страшно и неприятно. Иначе я все равно возьму все, что мне надо, только силой. Поняла?

Я кивнула.

– Помни, это я... – прошептал он, закрывая глаза.

Когда его темные веки снова распахнулись, то глазницы полностью заливал ярко-синий свет. Маг открыл рот и медленно повел головой, как будто разминая шею. По всему телу, приподнимая кожу, поползли светящиеся прерывистые линии, похожие на рисунки. Под ними тело менялось, где-то выступая вперед, а где-то, наоборот, проваливаясь. Из-под острых ушей выдвинулись толстые изгибающиеся рога. Посреди лба выступили три костяных бугра, над

которыми возвышалось что-то похожее на извивающиеся в воде длинные волосы, светло-голубые с глубоко синим отливом на концах – точно такие, как его глаза. Этот костер энергии над головой стремился вверх и колыхался от каждого движения. Из рта выехали острые, как иглы, зубы. Снизу, из-за подбородка, тянулись такие же призрачные щупальца, явно учувшие магию на моем теле. Тонкие, полупрозрачные, покрытые прерывистыми узорами ленты тянулись к обожженной ноге, подрагивая, словно в нетерпении. Всегда расправленные плечи Андре сгорбились. Застегнутая лишь до середины свободная рубаша натянулась на увеличившемся чуть ли не вдвое теле. На концах пальцев вытянулись длинные, острые, черные, будто выточенные из камня, когти. Демон довольно улыбался. Он медленно опустилсЯ и навис надо мной, прижимая ледяной рукой за плечо к кровати. Из пасти высунулся длинный, тонкий, темно-синий язык, расходящийся на самом конце на множество тончайших ниточек. Не помню, чтобы доводилось видеть что-то более гадкое, чем этот скользкий ворсистый язык, тянущийся к моему лицу. Резкая боль, ворвавшаяся, казалось, в каждую клеточку, заставила непроизвольно дернуться, но в ту же секунду хватка демона стала еще крепче. Действительно, сопротивляться не только не стоило – это было совершенно бессмысленно. Чудовище, живущее внутри мага, обладало невероятной силой. Он мог сломать любую кость в моем теле, как зубочистку, и я была счастлива, что в данный момент они его не интересовали.

Закончив с лицом, чудовище поднялось и осмотрело оцепеневшее от страха тело. Щупальца тянулись и трепетали. Сложно было не заметить очевидную эрекцию у него в штанах, от чего стало совсем не по себе. Демон выбрал ногу. Одним движением черного когтя он разорвал подол платья до самой талии. Его ледяные руки обхватили мои бедра около самых нежных мест. Несмотря на сильнейшую боль, создаваемую скользким языком, я не смела пошевелиться. Движения чудовища становились все более медленными и томными, как будто тот пьянел. Дойдя до щиколотки, он откинулся назад и посмотрел мне в глаза, наклонив голову набок. По изменившемуся телу пробежала судорога. Пасть оскалилась и издала звук, похожий на рык. Судороги побежали снова. Язык, щупальца и голубой костер над головой начали втягиваться обратно. Демон издал низкое, почти змеиное шипение, и кости с хрустом все сразу вправились обратно, возвращая Андре его прежний облик. Он закрыл глаза, а когда открыл, то синего огня в них уже не было. Однако взгляд оставался мутным, отрешенным и очень холодным. Маг плавно встал с кровати, его движения будто лишились привычной четкости. Я вспомнила, что именно такой Андре выкинул меня из своего дома, заставив отправиться на встречу с работоторговцами. Все становилось на свои места.

Он посмотрел на мое лицо, потом на обнаженную ногу, провел по голени костяшками пальцев и улыбнулся. Только после этого я сама поняла, что боли в ноге и в лице не стало. Ожоги почти затянулись, оставив только коричневатые разводы и крапины. Маг достал из шкафа багровую мантию и накрыл меня, видя, как недавний пациент старается соединить разорванное платье, пряча наготу.

– Я не смогу продолжить с рукой, – сказал он. – Но у меня есть кое-кто, способный закончить работу.

Магиус прислонил руку к стене, покрытой красивым сложным рисунком, похожим на китайские акварели. Под его ладонью вспыхнули и провернулись один над другим два полупрозрачных вензеля. В стене открылась дверь. Через минуту Андре вынес из потайной комнаты ярко-синий кристалл, наполненный точно таким же дрожащим демоническим светом.

– Познакомься, папа, это Валерия. Валерия, это папа.

Я с недоумением уставилась на кристалл.

– Уникальный подарок синекожих предков. Они научили адаламенцев вытряхивать любых живых существ из их тел и заточать в неживую материю. Чем сильнее и осознаннее существо, чем мощнее его воля и способность к концентрации, тем сложнее это сделать и подобрать подходящее вместилище. Я искал этого демона много лет. Теперь ему приходится иногда помогать тем, с кого он с наслаждением содрал бы кожу. Однажды подарю тебе колечко с этим работорговцем внутри, если захочешь.

– Спасибо, не стоит.

Маг взял свой посох, сменил белый камень на небесно-синий кристалл и без какого-либо предупреждения с размаху ткнул острым концом мне в руку. Комната озарилась светом. Пришлось опять скорчиться от боли, но теперь уже точно зная, что скоро все останется в прошлом. Темный сжимал зубы и иногда даже отворачивался. Когда синий свет погас, на лбу Андре проступал пот, а кожа вокруг глаз стала темно-серой.

– Вам плохо? – спросила я, садясь на кровати.

– Ему хорошо... – неоднозначно ответил тот, вытирая лицо о шелковый рукав, и довольно грубо вернул меня в лежащее положение. – Из комнаты не выходить. Утром Белла принесет тебе одежду, и мы снова встретимся.

Маг еще раз бросил через плечо неприятный взгляд и вышел. Сон на удивление быстро забрал меня.

Когда я снова открыла глаза, округлые окна в потолке с практически непрозрачными стеклами сообщили, что утро еще не наступило. Ужасно хотелось пить, кран в купальне вполне подошел бы для решения этой проблемы. Распахнувшиеся в разные стороны створки дверей явили крайне неожиданную картину. Абсолютно обнаженный Андре лежал наполовину наполненном бассейне, раскинув руки по резному бортику и откинувшись на него головой. Глаза мага были закрыты. Верхом на нем сидела голая Белла и совершенно недвусмысленно двигала бедрами. Мое внезапное появление заставило ее остановиться, и темный неспеша поднял голову. Глазницы вспыхнули уже знакомым ярко-синим светом. Я поспешно захлопнула витражные створки и заметалась по комнате в совершенном недоумении, что делать в подобной ситуации. Все мантии в шкафу оказались беспощадно велики. Тогда, натянув первую попавшуюся рубашку, я бросилась к двери, ведущей в сад. Но стоило коснуться ручки, как по деревянной отполированной поверхности прошелся пурпурный вихрь, и та захлопнулась. Секундой позже то же самое произошло и со створками, ведущими в купальню. Я побилась в словно бы вросшие в пол двери сада, убеждаясь, что меня отсюда не выпустят. Схватив с пола багровую мантию, я со злостью швырнула ее в стену. На запястье блеснул тонкий золотой браслет с темно-фиолетовыми камнями. Покрутив обновку пальцами, я обнаружила, что на ней нет никакой застежки. Попытка стянуть его с руки тоже не принесла плодов, цепочка оказалась слишком узкой.

– Ах ты ж герой-любовник! – воскликнула я. – Оставь себе свои волшебные подарочки!

В гневе я рванула тонкие звенья, но лишь оцарапалась. Изящный и хрупкий браслет удивительным образом никак не реагировал на мои старания. В бессильной злости пришлось опять вернуться под одеяло и мучительно долго выпроваживать из головы картины, как за дверью сводящий меня с ума мужчина резвится в бассейне с одноглазой служанкой.

История Беллы

Проснувшись утром, я не могла поверить в увиденное: мой похотливый спаситель, как ни в чем не бывало, лежал рядом на кровати одетый и мирно спал.

– Да он издевается! – пробормотала я, собираясь встать с кровати. Но сильные пальцы крепко сжали мое запястье.

Он ехидно улыбнулся и открыл один глаз.

– Моя рубашка тебе очень идет. Первый раз вижу леди в мужской рубашке, когда ничего под ней нет.

Я поспешила покраснеть и натянуть обратно сползшее во сне покрывало.

– Вы обещали мне платье!

– А ты обещала не выходить из комнаты.

– Господин Андре, я ваша пленница?

– Поверь, лучше быть моей пленницей, чем какого-нибудь работаровца.

– Я правда очень благодарна вам, но в свете последних событий чувствую себя несколько неуютно, находясь полураздетой с вами в одной постели.

– Допустим, у тебя есть одежда и обувь и даже необходимое количество денег. Что ты намерена делать?

– Мне нужно в Дамират.

– Очень в этом сомневаюсь, – отозвался тот и, словно теряя интерес к происходящему, перевернулся на другой бок.

– Все равно что с горой разговаривать! – с досадой откомментировала я, спрыгивая с кровати.

– Очень меткое замечание...

Дверь оказалась не заперта, и я вышла, как была – в белой, вышитой синими узорами рубашке и босиком. Растерянно побродив по саду, я отправилась в свою старую комнату, где попыталась собрать в кучу мысли, прыгающие в разные стороны, как стая взбесившихся кузнечиков. Как всегда, не издав ни единого звука, в дверях возникла Белла.

– Ты больше не работница, господин Андре попросил подготовить для тебя гостевую спальню на верхнем этаже поместья. Пойдем. И кстати, не будешь же ты ходить в этом целый день.

Я следовала за одноглазой служанкой, ощущая, как возятся внутри весьма недружелюбные эмоции. В спальне, обставленной изысканной резной мебелью, украшенной отполированными до перламутра распилами раковин, стоял знакомый запах цветов. Со вкусом собранный букет, неизменная прихоть мага, вернул все те же чувства, с которыми я когда-то покидала этот дом. На кровати лежало великолепное алое платье со сложными узорами, расходящимися клиньями по подолу. Невольно хотелось спросить себя: «Почему, стора от ревности и обиды за вчерашнее, я скриплю зубами ей в спину, когда она выбирала мне столь шикарный наряд, стелила постель и украшала комнату цветами? Каково ей было слышать этот приказ от того, кто был с ней прошлой ночью, но ушел спать к другой – тихо, чтобы не потревожить ее покой? И ни одним взглядом или жестом Белла не выказала никакого дурного отношения, ни капли злобы или обиды не мелькнуло в ее глазах. Как это возможно?!»

– Белла! – окликнула я, когда та была уже в дверях.

Чернокожая женщина повернулась.

– Ты его любишь?

– Не так, как ты могла подумать, – спокойно ответила она.

– А как?

– Если у Андре больше нет от тебя секретов, то и мою историю рассказать не помешает. Это упростит ситуацию для всех. – Даотка опустилась в низкое удобное кресло. – Я была дочерью купца. Однажды наш караван разграбили, родителей и брата убили, а меня продали в башню Олмах. Мой хозяин был учеником одного из боевых магов, иногда он отрабатывал на мне новые заклинания, в итоге я довольно быстро потеряла свой товарный вид. В один из дней по башням прошел приказ, что нужны рабы для опытов в башне Вилдьер. Отдавали всех ненужных, требований по здоровью и физическому состоянию не было. Просто мясо. Нас в заколдованных браслетах погрузили в караван и отправили в пустыню. Однако тот не дошел до цели, потому что Андре преградил ему путь. Один против внушительной охраны из бойцов и магов! Я никогда не встречала столь бесстрашного воина. Видя, как гибнут омбранцы и их охрана, большинство рабов разбежались. Для меня же на этом континенте не было места. Поэтому я ударила кандалами лучника на нашем лодо и начала помогать магу, сбивая остальных из отобранного оружия. Когда бой закончился, Андре в благодарность за помощь забрал меня с собой. У нашего народа есть основной принцип жизни – у каждого должно быть Тхау. В языке Адаламена нет такого слова, но можно назвать это путем, предназначением. Ближе всего будет сказать – твой индивидуальный способ внести свой вклад в создание мира. В вопросе о Тхау нет морали, никто не говорит, насколько это должно быть хорошо или полезно, насколько это нравится другим. Для одних Тхау – это строить города, для других – разрушать их. Андре разрешил жить у него и служить до тех пор, пока я не найду свой инструмент. Мне было легче в доме мага... Но немногим. Вынужденный использовать свою особенность, с которой ты вчера познакомилась, но не знавший так четко, как сейчас, границ собственных возможностей, он возвращался из путешествий демоном, которого кто-то должен был успокаивать. И часть «красоты» на моем теле – его работа.

Я вздрогнула.

– Я нашла свое Тхау. Этот мир держится на тех, кто пытается его защищать, очищая от гноя, а есть те, на ком держатся эти защитники. Я не слуга и не рабыня для Андре, я свободна уйти, когда захочу, и он сделает все, что попрошу, просто мне ничего не нужно. Самое главное он уже дал. Но я не люблю его как мужчину, не хочу быть ему женой или носить его ребенка. Да и не смогу, этой возможности меня лишили еще в башне. Это сложно описать. Скорее, я чувствую себя его оруженосцем, даже, может быть, частью его самого. Поэтому то, что хорошо для него, хорошо и для меня. То, что ты видела вчера, было лишь способом отнять поскорее силы у похотливого демона, чтобы вернуть темному его самого. Не осуждай его за это. Маг, без сомнения, не подарок, жалость и деликатность не его конек, но поверь, он не получает удовольствия от чужих страданий.

Слезы текли по моему лицу. Я опустилась на колени перед ней и Белла обняла меня, как мать обнимает дитя, закрывая от всех невзгод, создавая такой внутренний покой, который позволит мирно спать даже в центре урагана. Если кто-то и мог останавливать демона внутри Андре, то только она...

Странная всепоглощающая преданность Беллы растворила все недоверие и обиды, и без них давно живущее в сердце чувство стало вырываться на свободу, заполнять меня целиком. Уход из его спальни утром показался самым глупым на свете поступком, ведь еще вчера я и мечтать не смела оказаться там. Но даже это он предусмотрел.

На цыпочках, стараясь не издать ни одного лишнего звука, я вернулась назад и забралась на постель. Воистину, мы не видим мир таким, каков он есть на самом деле, а только свои проекции. Пару часов назад в этой кровати лежал жестокий диктатор, играющий окружающими в свое удовольствие. Сейчас же передо мной спало невероятное загадочное существо, совсем не такое, как я, но вместе с тем столь драгоценное и притягательное. Даже для своего мира Андре был загадкой, а для меня тем более. Теперь, устроившись рядом, я наслаждалась возможностью просто рассмотреть его. Отчасти дамир, а отчасти тальмер, он обладал кожей цвета

мокрого пепла, слишком темной для первых, но не имеющей такого очевидно синего оттенка, как у вторых. Длинные заостренные уши украшали небольшие золотые кольца, вставленные не в мочку, как обычно носят у нас, а в хрящик. Длинные блестящие волосы, черные, как крыло ворона, разметались по подушке. Я аккуратно провела кончиками пальцев по ближайшей ко мне пряди. Маг больше не стал сдерживать улыбку – уголки его губ поползли вверх. Андре открыл глаза и ласково посмотрел на меня. Несколько прекрасных минут я просто тихонько гладила его волосы под грохот собственного сердца.

– Господин Андре, чем я заслужила все это? – собравшись с силами, прошептала я.

– Ты – ничем! – все с той же теплой усмешкой ответил он. – Пытаешься выяснить отношения или тебе правда интересно?

– Я действительно не понимаю. С тех пор, как переступила порог этого дома, ничего, кроме проблем, не создаю.

– В этом и все веселье!

– Точно! Иметь под рукой подружку, вечно попадающую в неприятности, – жизненная необходимость для боевого мага. Надо же как-то расслабляться!

– Однажды тебе надоест качаться на этих эмоциональных качелях, и мои шутки перестанут задевать тебя. А потом, может быть, начнешь понимать, что я имел в виду.

– Уже надоело, но пока не пойму, как с них сойти.

– Это делает меня сильнее, – вдруг действительно серьезно сказал он. – Знаешь, в какой-то момент, как бы искусен ты ни был, упираешься в границу собственных возможностей, все становится лишь бесконечным повторением того, в чем ты и так хорош. Развитие останавливается. И только трудности извне способны заставить выйти за эти границы.

– Ну, тогда вы действительно обратились по адресу!

– Со мной, как ты понимаешь, тоже не будет скучно.

– Кто бы сомневался...

Он хмыкнул, но продолжил.

– Полжизни я отгораживался от тех, ради кого живу, небезосновательно полагая, что я не тот, кто делает других счастливыми. К тому же мне казалось, что привязанность любого делает слабее, с ней я буду уязвим. Но со временем все больше понимаю: не пуская никого в свою жизнь, закрываю самому себе доступ к чему-то очень важному...

В школе магического альянса Дамирата царило довольно мирное настроение, несмотря на исчезновение ученицы. Никто не придавал этому большого значения, у любого могли появиться личные срочные дела, а беспокойство Марко все считали излишним. Поэтому асфир закрылся в комнате и пытался отвлечь себя хоть чем-то, но на самом деле минуту за минутой ожидая, когда уже маг удосужится прислать хоть какие-то новости. Наконец, когда он твердо

решил отправиться в Аданаар сам, в дверь тихо постучали. Андре поспешно вошел и, наткнувшись на полный нетерпения взгляд молодого мага, успокоил его, что все в порядке. Асфир облегченно вздохнул.

– Вчера у нас не было времени на подробности, – сказал магиус. – Прошу тебя, расскажи все, что случилось прошлой ночью.

– Скорее всего, она будет не в восторге... Но, в конце концов, именно это и спасло ее, – вздохнул Марко. – После Дня возвращения в небесный дворец я случайно увидел, что Валерия очень спешила куда-то посреди ночи. Вернулась утром с пораненной рукой. Все мои попытки выведать, куда и с кем она ходила, не увенчались успехом, причем реакция всегда была очень острой. Тогда я поставил ей магическую струну под дверь, чтобы знать, когда она снова поскочит на свидание.

– Свидание? – изогнул брови Андре.

– Именно! Ночью струну задела, и я вышел в коридор, но понял, что дверь закрыта изнутри.

– Кто-то пришел к ней сам?

– Нет, под дверь подсунули записку.

– И что же там было?

– Господин Андре, мне уже как-то совсем неудобно... – начал отнекиваться Марко.

– Если не расскажешь сам, я тебя заставлю. Так что давай не будем терять время.

– Там было написано что-то вроде: я скучаю по тебе, приходи завтра в то же время, в то же место. Какой-то Грид. Я решил, что прослежу за ней, чтобы убедиться, что этому Гриду можно доверять. Выгреб все, что смог найти подходящего из зелий и свитков, а когда она вышла, выпил «невидимку» и направился за ней. Все время, пока ее преследовали, я бежал следом, понимая, что моего запаса не хватит, чтобы справиться с этими троими, – пришлось действовать хитростью. Когда она каталась там по траве, я помогал сбить огонь и уже тогда решил: как только она остановится, волью ей в рот «короткую смерть». Я взял ее ну вот почти случайно. Но все сработало! На удачу, к ней спустился не маг, а ханонианец. После осмотра мордастый убедил остальных, что жертва мертва. Какое-то время троича решала, что делать, потому что хозяину Валерия была нужна живой. Тогда сет взял кусок обгоревшего платья и предложил идею столкновения с элементом. Работоторговцы ушли как раз тогда, когда «невидимка» прекращала действовать, еще немного – и мне пришлось бы обнаружить себя. Я не представлял, как можно незаметно пронести мертвую обгоревшую девушку через пол-Дамирата, поэтому переместился вместе с ней сразу в школу.

– Ты разве умеешь? – удивился маг.

– Это был мой первый скачок. Я ставил метку в комнате, чтобы тренироваться, но не пробовал раньше.

– А ты, оказывается, способный! Или все же тебе помогли?

– Вы сами все поняли. Я сделал это за счет и ее энергии тоже. Видимо, потому что она белая или была без сознания, у меня получилось как будто присоединить ее.

– Тем не менее, ты действительно показал себя как храбрый асфир и верный друг. Ты сможешь узнать преследователей?

– Мне не обязательно их узнавать. Ивен охотится за ней еще с Аданаара.

– Что?!

– Первый раз они встретились, когда вы выгнали ее на постоянный двор. В следующий раз Ивен пытался применить к ней «золотого владыку», но тот не сработал. И вот теперь это...

В комнате повисла тишина. Магиус северного крыла задумчиво смотрел в сторону.

– Насколько надежно спрятаны труды ксарцев, благодаря которым Валерия попала сюда?

– Она рассказала вам? – изумился Марко.

– Пришлось. Было понятно, что с ней что-то не так. Я бы не смог вылечить ее так же, как других существ Адаламена.

– Не знаю, насколько надежно. Смотря кто будет искать.

– Если я?

– Тогда не особо.

– Может быть, я заберу их в свое хранилище?

– Тогда я точно не увижу их больше... – недовольно хмыкнул асфир.

– Пока это лишь предложение. Но если омбранцы придут за ними, «невидимкой» не отделаешься.

– Хорошо, я подумаю над тем, чтобы отдать вам записи.

Поздним вечером Ивен сидел за столом в комнате хорошо знакомого ему гостевого дома Дамирата и размышлял над письмом, которое должен был отправить своей заказчице в башню Улис. Откуда в этих лесах элементарии – оставалось непонятным, но кусок обгоревшего платья и место, которое утром показали ему Эрл и Вараталат, говорили, что это действительно могло оказаться правдой. Ивен тяжело вздохнул и занес перо над пергаментом, когда почувствовал, что к его горлу прижат острый изогнутый нож, которыми обычно пользуются наемники дома Рамбулат. Работорговец застыл.

– Где она?

– Филипп! Я думал, ты уже наигрался с этой девочкой, неужели еще нет?

За одно мгновение нож освободил горло и нападающий, схватив сзади Ивена за собранные в хвост волосы, с силой ударил его лицом о стол. Кровь, брызнувшая из носа и брови, залила пергамент. Не успев опомниться от удара, работорговец снова ощутил холод лезвия на шее.

– Где она?

– Филипп, ты вообще отдаешь себе отчет в том, что делаешь? Не забыл, кому служишь?

– Я не буду спрашивать в третий раз!

Лезвие медленно поползло по тонкой коже.

– Нет ее у меня!!! – зарычал Ивен. – Сгорела твоя красноголовая!

Лезвие не останавливалось.

– Да, мы пытались поймать ее. Мои ребята гнали девчонку по лесу в районе полуночи, но наткнулись на огненного элементария. Они сказали, что девка вспыхнула, как сухая ветка. Если поширишь под одним из холмов между главными и северными воротами, то еще сможешь найти это пепелище.

– А тело?

– Мы не нашли его. Может, у тебя и есть шанс, я не знаю. Все равно мне она больше не нужна. Товар испорчен.

– Клянусь, ты отправишься к праотцам, Ивен, если я не найду ее в ближайшее время, даже если мне придется тебя проводить! Молись всему, во что ты веришь, чтобы я нашел ее!

Далее последовал еще более сильный удар о стол, после чего работорговец потерял сознание.

Белая

Какое-то время появляться в школе альянса не стоило, поэтому господин Андре занялся моим обучением самостоятельно. И, конечно же, это был еще тот «монастырь Шаолинь». Легкие озорные искорки в глазах мага и дорожная сумка за спиной обещали нескучный день. За воротами нам навстречу двинулся заводчик, держащий за поводья двух невероятных животных, которых я давно мечтала увидеть вживую.

Хадау – высокие и массивные звери крупнее лошади. Трехпалые мягкие лапы с когтями позволяли им быстро бегать, ловко прыгать, плавать – словом, комфортно себя чувствовать на всех землях Адаламена. Окрас короткой шерсти зависел от местности, где родился зверь. Тот, которому я гладила длинную шею, переливался на солнце от бежевого до огненно-рыжего. Его серый, с темно-коричневыми пятнами компаньон тянулся к Андре. Умнейшие и дружелюбные существа верно служили ездовыми животными, способными при необходимости постоять за своего хозяина. У асфиров они считались священными, и на всем континенте запрещалось убивать их без веской причины. Хадау имели удивительную особенность – страстную любовь к украшениям. Им явно нравилось, когда их наряжали, причем со вкусом. Чем богаче и изысканнее был подарок, тем в лучшем расположении духа пребывал зверь и охотнее слушался седока.

Маг протянул мне тяжелый бронзовый браслет с кусочками окаменелого дерева, влитого прямо в отшлифованный до блеска металл.

– Куда ты хочешь, чтобы я его надела? – спросила я у рыжего хадау.

Тот склонил голову, подставляя изгибающиеся легкой спиралью черные, как уголь, рога. Подарок занял свое место рядом с другими браслетами, которые уже красовались на рогах, лапах и даже хвосте животного. Господин Андре порадовал своего зверя цепочкой с несколькими костяными ромбами, издающими приятный высокий шелест, задевая друг о друга.

Рыжего хадау звали Вагоро, а серого – Радас. Звери шли не спеша, позволяя седокам смотреть по сторонам. Мой несравненный учитель рассказал, что в нескольких часах езды от Аданаара можно найти древнее озеро, вокруг которого еще остались деревья. По дороге же мы встречали лишь окаменевшие пни и жесткую и колючую растительность пустыни.

– Зрелые листья кустарника-альбиноса можно использовать вместо ножа, настолько они крепки и остры их края. А из кровь-травы получают отменные яды, – просвещал меня спутник, а потом указал длинным пальцем на корни, покрытые узловатыми шишками, торчащие из-под каменных глыб. – А вот эти неприятные наросты съедобные, на вкус напоминают грибы.

Озеро оказалось мелким и плоским, как тарелка под второе. Абсолютно прозрачной воды в нем было чуть больше полуметра, поэтому деревья возвышались прямо над водной гладью, пуская по ней множество изогнутых листьев-корабликов. Жесткая желтовато-зеленая растительность на гибких ветвях глухо шумела, как будто кто-то насыпал крупу в деревянную миску.

Мы расположились на берегу, ближе к воде. Я устроилась на теплой плотной земле и приготовилась внимать словам учителя. Андре же стоял чуть в стороне, облокотившись спиной на одно из деревьев. В его собранные назад густые волосы сел лист. Маг снял его и начал вертеть в пальцах.

– Прежде всего тебе придется выбросить из головы все рассказанное в дамиратской школе. Они используют костыли, это помогает, когда совсем не можешь ходить, но если привыкнешь, то сложнее научиться бегать. Давай разберемся, как работает магия. Допустим, я хочу создать цветок. Сначала во мне появляется некое чувство, потом оно оформляется в мысль, позже спускается в тело и, наконец, превращается в результат. Сажаю я цветок или создаю благодаря своей энергии – не имеет значения. Первым всегда будет чувство. Поскольку у нас есть тело и именно его мы воспринимаем как некий эталон реальности, хотим мы этого

или нет, но нам всегда будет приятно, когда его ласкают, и неприятно, когда ударяют ножом. Свой ум и самих себя мы ассоциируем с телом, перенося тот же принцип на эмоциональную, чувственную сферу. Нам нравится, когда происходит то, что мы хотим, и не нравится, когда случается нечто неприятное. Так рождаются желание и неприязнь. Они часть каждого, и любые события мы анализируем через призму собственных представлений о реальности. Совпало – радость, не совпало – печаль или злость. При этом дело, конечно, не в событии, то есть одна и та же ситуация разными ее участниками переживается по-разному. Но речь сейчас не об этом. Оба этих чувства – базовая мотивация для всех живых существ, которая заставляет нас создавать этот мир. Источник всего творения, если хочешь. Однако у каждого существа есть свои склонности. Кто-то, глядя на это дерево, подумает, что оно не хочет погибнуть, а кому-то сначала придет в голову, что оно хочет пить. Наши реакции создаются привычками и генетическим материалом, которые первично определяют сильные и слабые стороны. Чаще всего даже опытные маги не выходят за эти границы, а продолжают пользоваться только изначальными инструментами. В твоем случае привычки и генетический материал нехарактерны для этого мира, поэтому есть шанс удивить даже меня, ведь ты свободна от жестких представлений, с которыми мы все здесь рождаемся.

В момент, когда ветер полностью стих, Андре отпустил лист, который держал в пальцах, но вместо того, чтобы падать, желтая лодочка полетела вверх, описывая в воздухе ровную спираль.

– Привычки нас ограничивают, – произнес он, наблюдая, как я заворуженно смотрю на кружащийся листок. – Помимо этих базовых чувств есть еще два, которые вырастают из их сочетания. Страх, или желание быть, и соперничество, или гордыня. Считается, что разного типа заклинания проще делать из определенных эмоций. Их группируют в школы создания, изменения, разрушения, зачарования, восстановления... и прочая книжная скукота. Я официально не только разрешаю, но и настоятельно рекомендую тебе нарушать правила. Потому что есть пятый тип чувств, который называется – «неведение». Это наше с тобой доминирующее качество. Белая магия – не потому, что добрая, а потому, что она мать всех остальных чувств. Их начало и конец. Хаос. Неспособность определять, выбирать, раскладывать по полочкам. Способность ошибаться и ничего не понимать. Как из гнева мы достаем силу и ясность, из гордости равенство, а из страха смерти стремление жить – так из хаоса, включающего все, мы достаем интуицию и способность выходить за любые границы. Теперь, пока твой мозг еще жив, перейдем к практике. Каждое переживание ощущается нами по-разному, оно имеет свою форму, цвет, даже температуру. Как я уже сказал, любое из качеств одновременно есть и источник слабости, и источник силы. Если переживаемое использует нас, то переживание становится сильнее, а мы слабее. И наоборот... Один из способов контролировать источник, не проваливаясь в эмоцию, – это узнать ее. Подойди сюда.

Я встала и направилась к дереву, но Андре сделал легкий жест руками, и над землей словно прокатился поток воздуха. Меня рывком приподняло и бросило вниз, так, что я оказалась на четырех точках в паре метров от мага.

– Опиши, что ты чувствуешь?

– Гнев, господин Андре!

Попытка подняться повлекла за собой еще одну невидимую волну, я снова больно ударилась коленями о землю.

– Опиши, какой он. Цвет, форму.

– Холодный, острый, темно-синий. Он, как наконечник стрелы, смотрит на вас.

– Прекрасно, вставай.

Я поднялась, потирая колени.

– Когда ты описываешь его, то выходишь из переживания и наблюдаешь за ним. Можешь придумывать для него жесты, звуки, образы. Чем точнее твои описания будут передавать ощу-

щения, тем лучше. Учителя альянса используют универсальные образы, но не твои. Для тебя привычно и естественно то, чего в нашем мире нет, с чем ты множество раз сталкивалась в прошлом. Используй!

Маг отошел от дерева и начал обходить меня по кругу.

– Сначала, конечно, тебе нужно время, чтобы добиться паузы между происходящим и своей реакцией. Но потом ты будешь на все смотреть из нее. И мир окажется совсем другим. Проще и безопаснее. Но до этого момента ты всегда мишень. Расскажешь мне, что ты делала в дамиратском лесу той ночью?

Маг продолжал медленно двигаться по кругу, так что приходилось все время поворачиваться. Это несколько раздражало.

– Не могу.

– Не доверяешь мне? Или это и правда было свидание? – его глаза сверкнули ехидством.

– Доверяю, но рассказывать ничего не буду.

– Должно быть, горячий жеребец тебе достался, что ты готова была вопреки собственной безопасности бегать по ночам, чтобы покувыркаться с ним. Ко мне, хотя я звал тебя, не пришла... – темный выставил указательный палец и не спеша прочертил линию в воздухе снизу вверх. Одновременно с этим подол моего платья начал медленно задирается.

– Что вы позволяете себе?

– Все, что захочу! Разве кто-то остановит меня? Здесь...

Я положила руку на бедро, чтобы юбка не поднялась слишком высоко, и попыталась мысленно создать образ своего переживания. Темное разбухающее облако кишело острыми щупальцами, похожими на язык демона, сидящего внутри моего собеседника. Я ощущала, как мыслеформа обретает плотность, сгущается, будто крошечные ее клетки множились, заполняя пустоты. И когда чувство стало плотным, как камень, сжав зубы, я швырнула его в мага. Он легко выставил руку, заставляя мой снаряд застыть в воздухе. Темный, словно бы чернильный извивающийся комок завис в полтора метра от земли.

– Неплохо, – произнес Андре и начал подходить ближе, удерживая чернильную сферу перед собой. – Вполне осязаемая, настоящая. Могла бы даже оставить мне хороший синяк.

Я смотрела на извивающийся ком, который только что был лишь воображением, и это казалось невероятным.

– В следующий раз попробую представить нож.

– Конечно! Не стесняйся! – усмехнулся учитель и запустил мое творение «блинчиками» по воде. – Скорее всего, сейчас ты почувствуешь слабость с непривычки. Ведь это уже не иллюзию создать.

Действительно, через некоторое время легкое головокружение заставило усесться на одеяло и вспомнить о еде. Я украдкой наблюдала, как обычно строгий и хмурый магиус северного крыла любит деревьями и водой, шуруя от солнца, и мне нравилось видеть его таким.

– Здесь можно искупаться?

Темный обернулся, вскинув брови.

– Был бы рад посмотреть на это и даже поучаствовать, но нет. Озеро только кажется мелким, в действительности на дне метра полтора пыли и пепла, ставших илом, где живут очень негостеприимные змеи.

– Вообще у вас так много тепла и море вокруг... Можно купаться сколько хочешь, но я очень редко вижу плавающих.

– У высоких и темных не принято делать это вместе. Они хранят свою наготу, как великий артефакт. – Андре усмехнулся. – Другое дело асфиры. В их отношениях с водой столько радости и любви к жизни... Для них все что ни возьми свято, но вода особенно. Она очищает, поэтому в воде можно буквально все. Я понимаю, что просто обязан показать тебе высокие рощи южан, их красивую уникальную культуру, которую, скорее из зависти, недолюбливают

такие, как я. Боюсь только, ты ни за что не захочешь возвращаться в душный недружелюбный Аданаар.

– Пожалуйста, покажите! Теперь понятно, почему Марко все же соглашался ходить со мной купаться, несмотря на горящие от смущения щеки. Все-таки он асфир.

– Бедный мальчик. Мог бы быть тихой, довольной своей канцелярской жизнью крысой, а теперь придется стать героем.

– Да, Анна устроила ему веселую жизнь.

– Не уверен, что дело в Анне. Вот что бывает, когда в твою жизнь приходят белые. Все взрывается, выворачивается наизнанку. Понятное ускользает, появляется море вопросов, то, на что можно было опереться раньше, начинает шататься, зато проступают другие, скрытые качества. Мало у кого получается совершить скачок с первого раза, да еще и с кем-то на руках.

– Оу... А я-то думаю, что со мной не так.

– Здорово, правда? Думаешь, что это твое проклятие, а это благословение.

На обратном пути я попросила учителя рассказать о той самой его работе, про которую ходит слишком много слухов, чтобы в них можно было поверить. Наши хадау шли рядом, не торопясь, иногда игриво бодаясь друг с другом. Господин Андре повернулся. Красное закатное солнце и две луны, огромные этим вечером, прятали от меня выражение его лица.

– Помогаю успокоить особенно неприятных жителей Адаламена по просьбе альянса и императора. Иногда сопровождаю важные караваны.

– А неофициально?

Он вздохнул.

– Когда-то эта пустыня цвела, не так, как зеленые холмы, конечно, но здесь жили звери и пели птицы. В детстве я вырезал деревянные кораблики и пускал их по звенящим извилистым ручьям. Кто-то или что-то вытягивает силу из всего живого. И для тех, кто не боится высывать голову и смотреть по сторонам, очевидно, что мертвые земли разрастаются, а источник этого разрушения связан с горой Тонгамар и домом Омбран. Последние десять лет я пытаюсь разгадать эту загадку и найти, возможно, величайшего мага и величайшего глупца – Вилдьера. Ему сейчас, должно быть, около пятидесяти. Тщедушный и болезненный племянник предыдущего императора, четвертый сын в семье, где все старшие братья стали настоящими воинами. Конечно же, с детства привыкший к издевательствам, он учился выживать, используя свой незаурядный ум, а не силу. Благодаря императорской крови имел доступ ко всем наукам, обучаясь у лучших учителей, в свои восемнадцать мог спорить с академиками. Впервые в истории магического альянса кто-то был принят в столь юном возрасте. Будучи действительно талантливым во всем, посвящая все свое время учебе и тренировкам, он быстро стал любимым учеником для всех преподавателей. Однако через несколько лет идеи и методы лучшего студента начали скорее настораживать магиусов, чем радовать. Сайят позже рассказывала много историй о его жестокости и патологической неспособности к сочувствию. Для него все было только материалом. Когда я пришел учиться, он еще был там. Должен заметить, что Вилдьер сыграл очень важную роль в моем становлении и развитии как мага и не только. Мой блестящий учитель и безумный друг! Время, когда я имел удовольствие общаться с ним, было особенным! У нас не очень большая разница в возрасте, и какое-то время мы действительно были весьма близки. Однако в нем словно не удерживалось ничто живое. Это существо скорее напоминало механизм, выполняющий задуманное, несмотря ни на что. Единственные, к кому Вилдьер проявлял хоть какое-то расположение, были Сайят и я, но чем сильнее он открывался, тем меньше шансов оставалось у нашей дружбы. По молодости он все еще искал поддержки и понимания, но, не найдя их, стал довольствоваться лишь соперниками. Семена, посаженные таким учителем, дали богатые плоды, очень полезные, ибо в них много мудрости, но довольно горькие. – Андре подвел своего хадау вплотную и взял меня за руку. – Именно вкус нашей

дружбы с Вилдьером так задевает тебя. Возможно, огнеголовой чужачке и предстоит научить меня тому, на что тот не был способен.

– Но в вас очень много сочувствия! – возразила я.

– Недостаточно, чтобы найти способ противостоять тому, во что он превращает мой прекрасный мир.

– Что случилось дальше?

– Вилдьеру не было и тридцати, когда он потребовал сделать его главой северного отделения. И, конечно же, получил отказ. Тогда он вступил в схватку с магиусом синего крыла и тот пал от руки юнца. Такой способ выяснять отношения подходит для дома Омбран, но не для альянса. Поэтому зачинщик был изгнан без права возврата. Впрочем, вскоре маг-выскачка с удовольствием был принят учеником в одну из башен. Сложно сказать, что происходило там в последующие годы, известно лишь, что два старейших и влиятельных омбранца полегли от его руки. Однако Вилдьер не стал жить в их башнях, а отстроил свою. Где, как ты думаешь?

– Несложно догадаться.

– Около Тонгамар располагались развалины одной из военных станций ордена Ксар, ее восстановлением он и занялся. Одинокая, без поселения вокруг, не по-омбрански угрожающего вида, зато очень в духе моего старого друга. Там Вилдьер и засел за какие-то свои исследования. А потом произошло первое серьезное извержение нового времени, наполнившее бурю ядом. Конечно, многие решили, что маг и стал тому виной. Но то, что станция разрушилась, а сам Вилдьер пропал, успокоило всех, кто недолюбливал и боялся его. Конечно, император первым делом отправил туда меня. Да я и сам бы сделал это. Руины кишат существами, в аккурат подходящими для ночных кошмаров. Сколько ни истребляй их, они появляются снова и снова. Но ничего похожего на то, что могло бы их создавать и отравлять ветра, там нет. И, конечно, никаких следов магии моего старого друга, я узнал бы ее без труда.

– Способность видеть магию досталась вам вместе с глазами демона?

– Совершенно верно. Я различаю ее, как ищейка запахи.

– И что предпринял император?

– Совет во дворце решил, что все появившиеся создания – жители Адаламена, которые попали в бурю и мутировали. Поскольку изуродованные странной заразой жители городов как один стремились к огненной горе, было решено построить магический барьер вокруг Тонгамар. Он должен был стать ловушкой, способной пустить чудовищ внутрь, а вот в обратном направлении магическую пелену не может преодолеть ничто живое. Для этого выбрали двадцать сильнейших магов. Причем дом Омбран охотно предлагал свои кандидатуры, желая искупить вину Вилдьера и очистить свое имя. Император велел возвести кольцо из башен вокруг Тонгамар, и в наверхие каждой маги установили мощнейшие кристаллы, создающие стену. Однако твари находят способы выбираться оттуда. И я клянусь тебе, не все они жертвы отравленных ветров. Взять тех же элементарей, появившихся позже. Да и помимо них дом Омбран без устали создает чудовищ, знать бы только, где. Все известные башни слишком малы для подобных лабораторий.

– То есть вы предполагаете, что существует еще одна башня, где Вилдьер продолжает свою работу?

– Именно. Но что бы я ни делал, у меня не получается найти ее. Я обшарил весь Адаламен, побывал во всех известных поселениях – и ничего не нашел. В башню Вилдьер периодически отправляются достаточно крупные караваны, только вот отследить, когда это происходит, непросто. Все сопровождающие носят необычные украшения на голове, которые убивают обладателя, стоит тому открыть рот. Попытка снять эту дрянь вызывает ту же реакцию. Я ничего не узнал, как ни пытался. Слежка позволила выяснить, что путь в башню всегда идет через портал. Огромный и мощный, созданный явно не одним магом. Вход каждый раз располагается в новом месте и открывается в разное время. Никакой закономерности. Через него

можно пройти только в кандалах раба либо со смертоносным украшением на голове. Гениально, не правда ли?

– И на них есть магия Вилдьера?

– Да. Но она как будто смешана с большим количеством другой. Портал и эти украшения имеют те же свойства. А самое интересное – чью только магию я там не встречал, даже свою! Как он получает, а главное, использует силы других магов Адаламена, остается загадкой.

– Неужели никто, кроме вас, не замечает происходящего?

– Нечего замечать. Нет никаких фактов, которые действительно подтверждали бы, что Вилдер проводит свои чудовищные опыты. Есть только кучка рабов, но их могли лишь запугивать перспективой отправки к ужасному Вилдьеру, ведь он стал легендой. Я и сам до конца не уверен, происходит ли все это на самом деле, возможно, фанатичный маг вообще ни при чем. И проблему надо искать не в нем, не в Омбран, а под огненной рекой, текущей из пасти Тонгамар.

– Это правда! – почти закричала я. – Не сомневайтесь! Я видела своими глазами жертву этих опытов. Кое-кто вернулся из башни Вилдера и остался жив, если это можно назвать жизнью.

Андре потянул за поводья, останавливая хадау. Солнце давно село, уступая возможность розовой луне освещать пустыню.

– На встречу с этим существом ты ходила ночью в дамиратские леса?

– В том числе.

– Я могу поговорить с ним?

– К сожалению, нет. Он больше зверь, чем такое существо, как вы или я. Но очень умный и добрый зверь. Хотя по внешнему виду этого не скажешь.

– Я мог бы попробовать вытащить его воспоминания.

– Не уверена, что смогла бы устроить вам встречу. Но чтобы попытаться, мне придется вернуться в Дамират.

– Об этом пока не может быть и речи. Однако животные не пишут любовных записок, а значит, тот, кто не дождался своей леди в лесу, начнет ее искать. И придет к нам сам...

– Не стоит рассчитывать на это, господин Андре.

Марко стоял на небольшом балконе торгового квартала. Закат уже догорел, и асфир провожал глазами уходящий в горизонт большой корабль. Раньше в жизни, казалось, все было просто и понятно, но с тех пор, как он встретил в лесу огнеголовую девочку, любое завтра превратилось в коробку с сюрпризами. Причем эти сюрпризы далеко не всегда оказывались приятными. Появились тайны, опасности и множество вопросов, на которые негде было искать

ответы. Марко спрашивал себя: хотел бы он забыть все и вернуться? Но тут тихий голос прервал раздумья.

– Что ты знаешь об ее исчезновении?

Молодой маг с опаской оглянулся. Рядом с ним стоял высокий мужчина в доспехах и шлеме охраны порядка, скрывающем большую часть лица.

– Вы допрашиваете меня официально, как свидетеля?

– Нет, я спрашиваю тебя как тот, чью записку ты вытащил из-под ее двери.

Марко судорожно соображал, как ему относиться к собеседнику, как к другу или врагу.

– Кто вы?

– Знакомство со мной обычно не ведет к долгой и счастливой жизни.

– Других друзей она себе и не выбирает... – проворчал асфир, чувствуя, как происходящее попадает в русло его мыслей.

– Ну же! Скажи что-нибудь! – Голос незнакомца действительно звучал взволнованно.

– Я думаю, ее украли работоторговцы.

– Собачье дерьмо, Марко, не испытывай мое терпение! Где ее тело?

Он опешил.

– С чего вы взяли, что я там был?

– Мои гончие нашли место, где головорезы Ивена якобы встретили элементаря. Твой запах на поляне есть, а вот огненного засранца там и в помине не было. Скажи мне, демоны тебя раздери, она жива?!

– Вы что, прижали Ивена?

– Первым делом, когда узнал, что тот вернулся в Дамират. В третий раз я повторять вопрос не буду! – прорычал тот и сквозь глазницы маски в молодого мага впились полные гнева зеленые глаза.

– Скажите мне что-то такое, чтобы я знал, что она доверяла вам.

– В сумрак твою душу! Она не из нашего мира, достаточно?

Марко открыл рот от удивления...

– Можешь не говорить мне, где она, просто скажи, что с ней все в порядке!

– Да, Лера жива, – наконец, выдавил тот. – Они чуть не сожгли ее живьем, но мы вывели.

Кулаки собеседника сжались так, что доспех хрустнул.

– Благодарю! – с облегчением выдохнул мужчина в маске. – Если Валерия захочет мне что-то сказать, пусть передаст через Грида. Скажи, что он навещает меня в конце каждой недели. И еще раз спасибо, что вытащил ее!

Высокий незнакомец развернулся и смешался с толпой.

Секреты ордена Ксар

– Давно хотела спросить, это чтобы не потеряться? – я встряхнула золотым браслетом над столом, где из красивых глиняных чашек поднимался, извиваясь, пахнущий травами пар. Совместный завтрак в саду понемногу становился традицией.

– Не совсем. Вещица гораздо интереснее. – Андре показал на одно из золотых колец в своем ухе, украшенное точно таким же камнем, только крупнее. – Когда один магический кристалл разделяется на несколько, то связь между ними очень долго сохраняется. Давно хотел попробовать. Для начала камни должны настроиться на своих хозяев, а поскольку они ребята неторопливые, придется подождать, месяц, может быть... Не знаю... После создается некая двухсторонняя связь, правда, мне найти тебя будет легче, так как на браслете три части, а на серьге одна, хоть и побольше. Ну, и много чего интересного можно будет сделать. Думаю, что почувствую, когда придет время начинать эксперименты.

– А застезки почему нет?

Маг объяснил, что первое время браслет необходимо носить не снимая, к тому же он решительно против того, чтобы с кем-то еще у него могла установиться подобная связь. О том, чтобы спросить разрешения на эксперимент, речь, конечно же, не шла.

– Чему вы сегодня собираетесь меня учить?

– Попробую напоить тебя каким-нибудь зельем и посмотреть, что будет.

– Звучит заманчиво! – с сарказмом отозвалась я.

– На самом деле зелья – огромный магический пласт, и самые интересные из них нужно уметь не только создавать, но и применять. А потом уже можно пробовать свитки и вещи с кристаллами. Мы пока даже не знаем, как они на тебя действуют.

В сад вошла совершенно бесшумная, как всегда, Белла и сообщила, что пришел молодой маг. Только через несколько секунд по выжидающей неподвижности обоих стало понятно, что сообщение не было адресовано хозяину дома. Я выбежала в приемный зал, и мы с Марко чуть не сшибли друг друга с ног.

– Эти коричневые крапины, которые остались от ожогов, тебе даже идут, очень гармонично смотрятся с этими мелкими, как их, на носу, – успокаивал меня асфир, внимательно разглядывая, будто все еще не верил, что та ужасная ночь осталась позади.

– Ну что там, в Дамирате? Не спохватились еще?

– Уже потихоньку начинают. Думаю, через недельку запаникуют и придется что-то решить: объявляться или остаться пропавшей без вести.

– Господин Андре пока не хочет, чтобы я возвращалась, и обучает меня сам.

– Уууу... И как? Уже можешь сразиться с пиратами?

– С пиратами вряд ли, но синяк поставить могу.

– Слушай, не только в школе тебя потеряли. – Он огляделся по сторонам и понизил голос. – Я не хочу, но думаю, что должен сказать. Твой секретный воздыхатель приходил ко мне несколько дней назад. Я не видел его лица, но теперь еще больше уверен в том, что это Филипп, вот ты и не говоришь мне ничего.

Марко заметил, как тень грусти вмиг спустилась на мое лицо. Воспоминания о прекрасном, но совершенно одином принце и его столь же одином друге в каменной башне на холме колючим комком оставались в сердце.

– Надеюсь, ты сказал ему, что со мной все в порядке?

– Конечно, он очень переживал, это было видно даже сквозь маску. И еще он, похоже, сцепился с Ивеном, так что тот рассказал ему про элементаря и теперь ходит с разбитым лицом. Я встретил этого урода однажды. Почему твой тайный поклонник не остановит его совсем?

– Дом Рамбулат охраняет Ивена.

Марко немного помолчал, задумчиво глядя на мое погасшее лицо, и нехотя добавил:

– Еще он сказал, что ты можешь передать ему что-то с Гридом, который навещает его в конце каждой недели там же, где вы, видимо, встречались.

– Спасибо, Марко! За все спасибо! Ты самый смелый из всех, кого я встречала на Адаламене. Одно дело бросаться в схватку, будучи уверенным в своей силе, а другое – не останавливаться даже перед лицом тех, кто превосходит тебя!

Мы снова крепко обнялись, а потом он поднял с пола увесистую кожаную сумку и сказал, что для мага с дурным характером у него тоже кое-что есть. И мы отправились в сад.

...Асфир с гулким звуком скинул свою ношу к ногам Андре.

– Вот все источники и работы Анны по ксарцам. У вас они и правда будут в большей безопасности.

Стоило бумагам попасть к темному в руки, как тот полностью потерял к нам интерес. Через полчаса на его коленях оказалась знакомая папка с рисунками. Он сравнивал изображение дирижабля с каким-то другим чертежом, найденным Анной в развалинах. Я подошла, присмотрелась и ахнула.

– Это не крылья! Это солнечные батареи!

На втором рисунке становилось понятно, что на торчащие в стороны, сложенные веером крылья сверху наносится покрытие, к которому от схематично изображенного солнца спускались волнообразные лучи. Судя по всему, устройство, поднявшись вверх, могло подзаряжаться, вытягивая и расправляя батареи по обеим сторонам от округлого борта.

Андре с немым вопросом уставился на меня. Я опустила в траву рядом с его креслом и взяла ветхие, кое-как скрепленные пожелтевшие листы. На нескольких были механизмы, похожие на моторы и систему охлаждения, а также ряды красивых, но совершенно незнакомых букв. Третий же рисунок явно встречался и раньше. Я закрыла глаза, пытаюсь позволить памяти вытолкнуть наверх этот момент, но вместо ожидаемых технических устройств всплывало что-то совсем иное. Индийские пирамидальные ступы... Какие-то телепередачи... И тут все воспоминания разом схлопнулись в одно понимание. Как будто оно копилось, и вот последний недостающий кусочек обнажил целую картину.

– Вимана... – прошептала я. – Это же вимана!

На меня смотрели четыре полных нетерпения глаза.

– Господин Андре, я знаю, почему у вас не получается найти башню Вилдьер!

Белые зрачки мага в темно-синем ореоле в одну секунду расширились и снова сузились, будто вспыхнули.

– Вы ищите ее на земле, а она в небе! Высоко в небе!

– Этого не может быть! – не очень уверенно произнес он. – Имперский сад над Дамиратом удерживается в воздухе десятками мощнейших предметов и это максимальная высота... Я думал над этим, но ни одна известная магия не способна...

– Она держится не за счет магии! Это механизм! У него другой источник!

От накатывающего волнами осознания я вскочила и начала бродить туда-сюда по вымощенной площадке сада.

– Но если бы она висела в воздухе, то ее все равно было бы видно! – вступил в дискуссию Марко.

– Да, поэтому ему нужно место, где чистого неба не бывает никогда. Башня спрятана над облаками, где всегда есть солнце, которое ее подпитывает.

– Тонгамар! – произнес Андре.

– Именно! Башня Вилдьер может перемещаться куда угодно, но наверняка она была над ней все это время!

– Как ты это поняла? У вас есть такие?

– Не совсем такие, но есть. А еще у нас есть предания и масса непроверенных, но довольно убедительных источников, гласящих, что когда-то на нашей земле жили существа: высокие, со светлой или синей кожей, как вы. Они могли летать, метать молнии и вообще творили всякие чудеса. Их образы до сих пор считаются богами у некоторых народов. Они имели невероятные механизмы, несли культуру и порядок. В это время цивилизация процветала, развивались наука и философия. А еще им помогали разумные существа, похожие на животных. Ничего не напоминает?

– Это однозначно они! Тем более, Анна сказала, что пошла по следу ксарцев и попала в твой мир! – светясь от волнения, словно тысяча свечей, кивал Марко.

– Настораживает то, что ты говоришь об этом в прошедшем времени, – мрачно констатировал Андре.

– Они снова исчезли? – Лицо моего друга вытянулось.

– За эрой развития пришла эра упадка. И до сих пор непонятно, что произошло. Возможно, часть действительно ушла куда-то еще. Но явно были войны с ужасным и разрушительным оружием, которое способно уничтожать целые города разом. Может, они просто перебили друг друга. И я со страхом думаю, что если ксарцы и боги древней Индии – это одна и та же компания, то Вилдьер явно не тот, в чьих руках должно оказаться их наследие.

Нарушая все представления о возможных реакциях на сказанное, Андре довольно улыбнулся, закрыл глаза и откинулся в кресле.

– Жаль, что еще слишком рано, чтобы поднять бокалы с вином.

- За что?!
- Сегодня за один час мы продвинулись в этом деле больше, чем я за последние пару лет! Он потянулся и открыл один глаз, впиваясь взглядом в Марко.
- Ты понимаешь, что и тебе придется сразиться с Вилдьером?
- Мне?! – изумился асфир.

– Конечно! Назад дороги нет. Теперь мы в одной лодке. Ты же не сможешь проживать спокойно свою маленькую никчемную жизнь и делать вид, что не слышал этого разговора?

Марко замешкался.

– Ну что ж... Предлагаю по этому поводу отправиться в ближайшие ксарские развалины, чтобы ты смогла воочию увидеть их творения. Марко, составишь нам компанию?

– Я бы с огромным удовольствием, но мне после обеда вести группу в лес.

– Тогда тебе стоит поторопиться. И подумай над тем, чтобы перевестись в северное крыло, сможете чаще видеться...

Отойдя от города на приличное расстояние, мы остановились на широком пространстве, недалеко от дороги. Андре выдал первый из трех пузырьков, с широким горлом.

– Это «кровь времени». Полагаю, ты уже знаешь, что это такое. – Следом темный протянул небольшой нож с хитро изогнутым лезвием. – Один небольшой глоток и одна небольшая рана. Или хочешь, чтобы я сам это сделал?

Вздыхнув, я наклонила сосуд и дождалась, пока чайная ложка вязкой субстанции сползла в рот. Соленая и густая, она действительно по вкусу напоминала кровь. По телу побежал сначала легкий холод, а потом очень приятный жар.

– Давай, – тихо скомандовал маг.

Кожа будто сама расступилась от прикосновения заточенного, как бритва, лезвия. Андре забрал нож и стер с него след моей крови. Потом секунду смотрел на испачканные пальцы и, заметив, что я наблюдаю, ухмыльнулся и облизал их.

– У меня демон внутри, ты забыла? Ему нравится.

В этот момент руку начало довольно ощутимо ломить. Рана закрывалась в обратном направлении, от запястья к пальцу, не оставляя никакого следа.

– Замечательно! Теперь это.

Синий пузырек пирамидальной формы на ощупь казался необычно холодным для знойного полудня в пустыне.

– Сначала выпиваешь два полных глотка «крови времени». Потом один полный глоток ледяного доспеха. Когда почувствуешь легкое онемение на коже, боль и другие ощущения станут притупленными. Если умеешь – защищайся.

Я от неожиданности вскинула брови.

– Вы собираетесь на меня нападать?

– Слегка. Несколько различных легких ударов, чтобы понять, на что и как ты реагируешь.

– Ну класс! – всплеснула руками я и поняла, что пора пить, пока воображение не начало рисовать предстоящее времяпрепровождение.

Жаркий воздух вдруг стал чуть прохладным. Над кожей и одеждой появилась тоненькая пленочка матового синеватого сияния. Разглядывая руку, я не заметила, как мой учитель резким движением достал из-за спины посох. Длинное древко с внушительной силой ударило по ногам. Я рухнула как подкошенная. Следом в плечи врезалось что-то невидимое, но плотное. Отлетев на пару метров назад, я приземлилась на задницу и проехала руками по перемешанному с камнями песку. Тут сквозь впечатление неожиданности прорвалось понимание, что мне действительно не настолько больно, как могло бы. Бросив беглый взгляд на ладони, я не обнаружила ссадин.

– Ты будешь хотя бы пробовать что-то сделать? – раздался раздраженный голос Андре.

Я попыталась сконцентрироваться, но краем глаза уловила небольшую огненную сферу, которую тот катал в пальцах, и концентрация вмиг испарилась. Огненный шарик с шипением и низким гулом пронесся от него ко мне. Я успела лишь повернуться боком, чтобы удар пришелся в лопатку, а не в грудь. Спину как будто оцарапало, но ощущения были словно не совсем мои: казалось, между нервными окончаниями и поверхностью кожи проложена холодная вата. Маг снова дал немного времени прийти в себя и вытянул между пальцев изломанную светло-

голубую стрелу, похожую то ли на молнию, то ли на сосульку. Я снова попыталась сконцентрироваться, но скорее на том ощущении, которое откинуло меня назад. Когда остроконечный снаряд полетел в цель, я не закрылась, а отмахнулась от него, как от пчелы, – чуть пригнувшись.

– Ну, хоть так! – заметил Андре.

Ледяная стрела, чуть изменив направление, пропорола песок и постепенно таяла в сантиметре от моей ноги. Однако за это время мой хладнокровный спутник уже успел сделать еще две такие же, и они, описывая плавные дуги в воздухе, влетели в меня с двух сторон. Я взвыла и схватилась обеими руками за плечи. Больше маг ничего в меня не швырял. Наоборот, подошел и помог подняться. Я выругалась.

– Даже не хочу знать, что это означает, – усмехнулся тот в ответ и бесцеремонно стянул платье с одного плеча, осматривая кожу.

На ней горели красные следы, но никаких ссадин или иных повреждений не было. С ударом от посоха дела обстояли чуть хуже. На обеих голених наливались багрянцем здоровенные синяки. Но буквально через минуту «кровь времени» начала свои обратные превращения. И я снова выругалась.

– Все, болевые эксперименты на сегодня закончены. Зато теперь мы знаем, что магическая защита работает для тебя именно в рамках магии, а от физического воздействия не особо помогает. Но на самом деле это только в голове. И нам придется еще поработать над этим.

– Что в третьей? – спросила я, указывая взглядом на зеленую тонкую восьмигранную бутылочку со сложным геометрическим рисунком на горлышке.

– А это твой транспорт к развалинам.

– Полетим? – и радостная надежда мгновенно выселила из головы все то, что произошло со мной сегодня.

Андре кивнул.

– Сначала потренируемся. Твое тело станет легким и начнет приподниматься над землей. Высота, на которую ты способна взлететь, зависит от качества принятого зелья. Это я делал сам, так что возможности у тебя довольно большие. Самое сложное – заставить себя двигаться в правильном направлении. Если твоё тело перпендикулярно земле, то чаще всего оно движется вверх. Если наклоняешься – уходит в сторону наклона. Чем сильнее его угол, тем выше скорость.

– А приземляться? Головой вниз?

– Как вариант. Но, как ты понимаешь, это неудобно. Значит, включай фантазию. Например, я представляю некую гибкую субстанцию, похожую на комету, и задаю направление ею. Держись за руку и сначала просто попробуй, почувствуй, как это происходит. Один глоток.

Андре крепко сжал мои похолодевшие от предвкушения пальцы и забрал бутылочку сразу, едва я убрала от губ ее хрупкое горлышко. Эликсир оказался мятный, сладкий, как сироп от кашля. Почти сразу по телу разлилось глубокое расслабление, словно лежишь на мягкой перине или в теплой воде. Ноги медленно оторвались от земли, я невольно рассмеялась от восторга. Оттого, что мы держались за руки, корпус подался вперед, и тело начало медленно двигаться. Не было сомнений в том, что учитель поймает меня, куда бы ни направилось мое подобное перышку туловище, поэтому я закрыла глаза и сосредоточилась на происходящем. Казалось, что в сердечном центре у меня осталась некая сферическая плотность. Я мысленно насадила ее на палочку, создавая джойстик. Надавив на сферу сверху, я почувствовала, как подлетели вверх волосы, и Андре пришлось подхватить меня, чтобы лицу не «посчастливилось» встретиться с землей.

– Нежнее, – посоветовал маг и слегка подбросил обратно вверх.

Снова нащупав свой инструмент управления, я начала слегка наклонять его в разные стороны. С направлением все было идеально, а вот скорость требовала навыка. Наконец действие эликсира ослабело, и Андре снова поймал меня у самой земли.

– Постарайся почувствовать еще, когда тело начинает тяжелеть. Это происходит постепенно, но если летишь высоко, то времени может оказаться недостаточно. Кроме шуток, довольно большой процент магов гибнет просто потому, что не рассчитывает время для возвращения.

– Полеты – это потрясающе!

Он широко улыбнулся и предупредил, что туда полетим вместе, а возвращаться придется через прыжок. От пальцев моего темнокожего спутника отслоился световой образ и опустился вниз, будто впитываясь в песок.

– В следующий раз мы вернемся точно в это место, где я поставил метку, – объяснил он и достал еще одну бутылочку с зеленой жидкостью. – Должно как раз хватить, – маг оценил ее содержимое на просвет и выпил до дна.

Я сделала то же самое, но, не успев ничего сообразить, взмыла вверх, увлекаемая за собой магом. В ушах засвистел ветер.

– Ну вы и носитеесь! – прокричала я.

– Развалины неблизко. А ты надеялась на романтичный полет с осмотром окрестностей?

– Если честно, да.

Он слегка сбавил скорость. Пейзаж стал более или менее различим, правда, от проносившихся внизу красноватых горных вершин начинала кружиться голова. Андре взял меня за руку и отпустил в пространство. Я вскрикнула. Тело неожиданно бросило не вниз, а в сторону. Но стоило немного привыкнуть – и лететь за руку оказалось даже интереснее. Я выбрала удобное, почти горизонтальное положение, так, чтобы ветер не столь сильно мешал, и попробовала маневрировать. Спутник с интересом наблюдал, как я осваиваю новое мастерство, постепенно ускоряясь. Мы летели почти час, за это время я изрядно устала и замерзла, поэтому внаглую подтянулась по его руке обратно.

Вдалеке показалось море. Из-за холма, возвышающегося над заливом, торчали три башни из темно-коричневого камня, сплошь испещренные рисунками. Строения венчали металлические купола, лопасти которых когда-то сдвигались. Теперь из-под части искореженных, поросших травой пластин кое-где валил пар. Не дотянув около километра до развалин, Андре начал снижаться. Земля здесь уже не казалась такой мертвой и засушливой, как вблизи Аданаара. Невысокая с синевато-серым отливом трава и мхи покрывали сыпучий каменистый склон, а кое-где даже разбавлялись колючими, но цветущими кустарниками. У одного из крупных валунов маг резко пригнулся и приложил палец к губам.

На небольшом плато, недалеко от неприметной двери, ведущей прямо в крутой холм, копошилось практически обнаженное и крайне неприятное существо. Кожа его представляла собой один сплошной синяк коричневого, фиолетового и серо-зеленого оттенков, переходящих из одного в другой. Можно было бы сказать, что это мужчина с распухшим и как будто нарывающим телом. Остатки перепачканных штанов были оборваны почти до колен. На лысой голове ближе к затылку торчал спутанный клок волос. Но более всего пугало его лицо, точнее, то, чем оно стало. Все, что располагалось над ртом, словно бы ввалилось в череп и из этой кровоточащей дыры тянулись наружу короткие и пухлые щупальца. На плече, груди и даже локте – словно случайно попавшие брызги алой краски, в кровоточащих глазницах проворачивались белки, не имевшие зрачков. Существо голыми руками пыталось выдернуть колючий куст из земли. Неподалеку лежал явно недавно пойманный зверь, но из-за грязи и разодранной шерсти было сложно понять, какой. Я невольно скривилась.

– Знакомься. Дитя огненной горы. Молодой еще. Не более полугода, как заразился.

– Это от песчаных бурь такими становятся? – ужаснулась я.

Андре кивнул, достал из недр своей мантии рыжеватый камень, похожий на янтарь, и установил на посох вместо привычного белого.

– Я использую каждую встреченную мною тварь против их создателя, – произнес маг сквозь зубы. – Сиди здесь.

Спускаясь по склону, маг поднял свободную левую руку вверх и, словно ухватив что-то, резко бросил на землю перед собой. На каменистой поверхности тут же появились два красных круга с узорами похожими на языки пламени. Они медленно поворачивались в разные стороны относительно друг друга. Следующим шагом темный ступил в центр сияющей огненной мандалы и та поднялась вверх, затягивая его со всей амуницией в еле уловимую пленку красноватого цвета. Похоже, это была защита, только огненного свойства.

Существо повернуло щупальца в его сторону, зарычало и, выставив скрюченные, разорванные колючим кустарником пальцы, бросилось навстречу. Андре создал над посохом довольно большой желтовато-рыжий шар, но не отпускал его, подходя все ближе. Наконец чудище издало совсем истошный вопль и, подняв вверх руки, прыгнуло. Маг выпустил золотистую фигуру ему навстречу. Дитя огненной горы изогнулось в воздухе и избежало встречи со сферой, однако и удар нанести не смогло. Темный, пригнувшись и немного съехав вниз по склону, увернулся от столкновения с ногой уродливого существа и начал создавать еще одну световую форму. Новая надувалась медленнее, и ему приходилось дважды откидывать противника назад, однако третий прыжок стал для мутанта последним. Андре ловко надел сферу ему через голову по самые плечи, и та словно бы зацепилась краями за нарывающую кожу. Чудище с ревом повалилось на спину и начало перекатываться из стороны в сторону, царапая пальцами по груди. Световой пузырь изгибался и вытягивался, направляясь к посоху, который маг держал на вытянутой руке камнем вперед. По мере возвращения света в кристалл существо слабело, его движения становились медленными, а издаваемые звуки тихими. Тело замерло и последние капли света втянулись в янтарь, оставшись в нем тусклым желтоватым свечением. Мой спутник взял за лапу мертвое животное и вырванный кустарник, подтащил к трупу и сбросил сверху. Постоял мгновение и, легко махнув пальцами, зажег собранное неестественно сильным огнем.

– Можешь спускаться! – крикнул он.

Я поторопилась вниз.

– Готова пойти внутрь? – Я кивнула, хотя от избытка впечатлений в голове уже не оставалось места. – Главный вход наверняка охраняет кто-то посерьезнее. А ты и так уже вся зеленая. Так что пройдем по-тихому.

Двухстворчатая дверь с рисунком, где от шестеренки расходились изогнутые лучи, как от солнца, тихонько скрипнула и открыла перед нами мрачный влажный коридор. На стенах красовались все те же вырезанные на камне рисунки, которые больше всего ассоциировались с микросхемами. На высоте около двух метров висели желтые стеклянные плафоны, зажатые в многоугольные бронзовые оправы. Свет в них дрожал, словно где-то коротило электричество. Издалека доносился тихий монотонный звук.

Мы прошли несколько комнат, наполненных редкой, выдавшей лучшие времена мебели, но слишком хорошо сохранившейся для четырех столетий гниения в подземелье. Вещей было мало, в основном что-то сломанное или тяжелое. Сундуки и шкафы стояли открытые: скорее всего, искатели наживы давно вытащили все до винтика.

– Что они охраняют? Тут же ничего нет! И что это за монотонный звук?

– Это я и хочу выяснить с твоей помощью.

Кое-где над полом из каменных стен показывались трубы в золоченой обрешетке. Удивительно, но, похоже, на станции работало отопление. Преодолев еще несколько поворотов, мы вышли в широкий коридор, из которого в обе стороны отходили одинаковые ряды дверей, через которые просматривалась типовая обстановка казарм. Кто-то вытащил один из остовов кроватей и подпер им открывающиеся наружу створки. Андре освободил проход, и двери с неприятным скрипом открылись. Внутри, как бы сползая по стене, сидел паукообразный

робот из желтого металла. Из нижней части гладкого округлого тела торчали в разные стороны шесть трехсоставных конечностей. Протянутые к двери длинные руки, изогнувшись, лежали на полу. Напоминавшая муравьиную голова грустно смотрела в пустоту мелко потрескавшимися глазницами. Узорчатая решетка динамика на месте рта была выворочена, обнажая механическое нутро. Печальное неподвижное создание гордо венчал стеклянный ирокез бутылочно-зеленого цвета, по форме напоминавший морскую волну.

– Еще несколько лет назад он был жив. Убирал, чистил и правил все, что здесь находится. Никогда не шел на конфликт. Если вставать у него на пути, просто обходил и продолжал заниматься своими делами. Кто-то запер его здесь, вероятно, ради наживы. Так он и погиб.

Я опустилась рядом и вставила на место погнутую изящную решетку. Золотая голова безвольно упала на бок, словно умышленно демонстрируя треугольный разъем на затылке, который выдвигался на таком же гибком и толстом проводе, как и руки.

– Он не погиб. Его можно оживить. Только нужен источник питания, он где-то на этой станции. В нем же нет магии?

– Я не вижу.

– И в этих фонарях тоже? – указала я на мерцающие плафоны.

Андре отрицательно помотал головой.

– Где-то еще есть устройства? Нарастающий звук, хорошо слышный в коридоре, – наверняка это движущиеся механизмы.

– Да, скоро доберемся туда, я бы назвал это сердцем подземелья.

По мере того, как мы спускались все ниже, звук нарастал и приобретал объем. Гудение и стук разбавлялись царапающим скрежетом и тихим шипением. Наконец мы вышли на высокий помост, окружавший по периметру просторный машинный зал. В центре работал огромный, местами тронутый ржавчиной двигатель. Массивные поршни крутили гигантское колесо. Кое-где из механизма и труб вырывались струйки пара. Несмотря на свои размеры, все части были выполнены с особым изяществом и украшены вырезанными по металлу узорами. Стена и потолок в дальнем углу помещения обвалились и даже слегка подкоптились, будто от взрыва. Часть механизмов оказалась погребена под кучей растрескавшихся камней. Однако около исправно функционирующего парового двигателя располагались и работали еще несколько устройств. Заглянув в гудящее и вибрирующее цилиндрическое нечто, я опознала генератор. На следующей потрескивающей платформе нашлись и разъемы, к которым, видимо, подключался обслуживающий станцию робот. Андре показал пальцем на нужный треугольник.

– Совершенно верно, если воткнуть провод из его головы сюда, то он оживет.

– Ты хочешь, чтобы я притащил его вниз? – с нотками сомнения в голосе уточнил маг.

– Если честно – да. Он, конечно, не будет испытывать признательности за спасение, потому что вряд ли способен на чувства, однако здорово, если за всем этим кто-то продолжит присматривать. Боюсь, что, кроме него, никто больше не справится. И да, я понимаю, что он весит, как два хадау, но может быть...

Темный поморщился и, не дослушав, пошел обратно к лестнице.

Мы вернулись в комнату и сложили все металлические конечности как можно компактнее. С кончиков синеватых пальцев сорвалось множество алых точек, которые, быстро и хаотично вращаясь в разных направлениях, заточили металлического паука в клубок светящихся линий. Конструкция медленно поползла вверх и остановилась на уровне метра от пола. Достигнув машинного зала, робот был размещен около панели с разъемами. Шнур с щелчком вошел в треугольное гнездо. Механический смотритель подземелья издал мелодичный звук и дальний край его стеклянного ирокеза замигал. Я опустилась на корточки на уровень его лица. В это мгновение робот с коротким жужжащим звуком поднял на меня зеленые глазницы, покрытые паутиной мелких трещин, и ослепил резкой и яркой вспышкой.

– Пас- 3426 приветствует мастера.

– Здравствуй! – моргая, ответила я, и спиной почувствовала изумление господина Андре, оставшегося чуть в стороне.

– Продолжить программу? Сменить программу? – спросил робот.

– Варианты программ? – наливаясь любопытством, как переспевший фрукт соком, уточнила я.

– Обслуживание станции, обслуживание мастера, охрана станции, охрана мастера, сопровождение борта, сопровождение мастера, – равнодушно перечислял тот. – Режим поиска, режим библиотеки, режим проецирования, отключение.

– Режим поиска.

– Поиск по разделам? Поиск по наименованию?

– Поиск по наименованию. Летающая башня.

Мне казалось, что я даже перестала дышать, задавая этот вопрос, настолько сильны были нетерпение и волнение.

– Конкретизируйте запрос.

– Поиск по станциям.

– Станция с таким именем не найдена.

– Можешь определить настоящее местоположение?

Нужно сначала понять, как формируются названия станций.

– Могу, – вдруг не столь формально ответил робот. – Северо-западный берег 4: Ита.

– Перечисли типы станций.

– Для получения информации необходим код доступа.

– Черт! – выругалась я, повернулась в сторону Андре и отшатнулась, потому что не ожидала увидеть его так близко.

Маг абсолютно бесшумно подсел за самое плечо, полнейшая внимательность отражалась на его лице. Словно проследив за моими движениями, робот повернул голову в сторону и снова поздоровался.

– Приветствую, мастер!

– Здравствуй, железяка, почему же ты раньше со мной не разговаривал?

– Пасы не разговаривают с мастерами во время режима обслуживания без команды смены режима, – объяснил робот.

– Режим библиотеки, – скомандовала я.

– Для открытия каталога требуется доступ.

– Режим поиска. Сколько рабочих пасов на этой станции?

– Один. Пас-3426.

– Остальные неисправны?

– Неисправны. Восстановлению не подлежат.

– Сколько рабочих механизмов на станции?

– Требуется осмотр оборудования.

– Можешь предоставить информацию об оборудовании, размещенном на этой станции?

– Могу. Только назовите код доступа! – Казалось, железяка и правда начинает подтрунивать над нами.

Я вздохнула.

– Разрешите включить неофициальный уровень диалога? – немного помолчав, попросил робот.

– Разрешаю, – с удивлением ответила я.

– Проблемы с кодом доступа, мастер?

– Да. Долго ты не функционировал. Многое изменилось.

– 4 года 7 месяцев и 12 дней.

– Как можно восстановить или сменить код доступа?

– Через главного мастера.
– Это очень плохо, потому что они тоже все не подлежат восстановлению.
– Вы ошибаетесь, мастер.
– У тебя есть информация об активности главных мастеров?
– Да, но нужен код доступа.
– А железяка зануда, – заметил Андре.
– Боевые маги гораздо веселее, чем Пас-3426, – саркастично парировал робот.
– А ты умнее, чем я думала. И твой новый режим мне очень нравится. Можно сменить тебе имя?

– Нельзя изменить имя, присвоенное создателем, но есть возможность назначить дополнительное. Назовите дополнительное имя.

– Феникс, – пришло мне в голову.
– Имя добавлено.
– А еще одно? – уточнил господин Андре.
– Пожалуйста. Назовите дополнительное имя.
– Железяка.
– Имя добавлено, но предыдущее мне нравится больше.
Маг усмехнулся.
– Как ваши имена в базе? – поинтересовался робот, поблескивающий в свете вибрирующих ламп.

– Нас нет в базе. Мы новые мастера и ищем тех, кто мог бы добавить нас.
– Обратитесь в административные станции.
– И где ближайшая функционирующая? – спросил Андре с явным скепсисом.
– Какой город вас интересует?
– Аданаар.
– Северное административное крыло, станция 5: Аври.
– Этой станции не существует уже около четырехсот лет.
Феникс на какое-то время затих.
– Железяка, ты проверяешь, так ли это?
– Да. Данные обо всех административных станциях действительно давно не обновлялись.
– Давно? Да ни одного из тех, кого ты зовешь мастерами, нет в живых!
Робот опять затих.
– Феникс?
– Продолжить программу? Сменить программу?
– Продолжить программу после достижения полного заряда, – сдалась я.
– Спасибо, мастер!

Я встала и поехала. Андре положил мне руку на плечо и слегка сжал его. Казалось, робот понял, что все его создатели давно мертвы. Эти паузы были совсем настоящими, будто страх и одиночество проступали из его молчания. Маг тихонько подтолкнул меня к лестнице, и уже на ступенях среди гула механизмов я снова услышала голос робота: «Есть данные об активности других мастеров, но у вас нет доступа».

Мы сделали по паре глотков «крови времени» перед скачком, потому что в Аданааре могла начаться буря, и воздух, по велению Андре, наполнился светом. Не успев опомниться, я тут же получила приличной силы толчок в плечо и отлетела в сторону. Полный злости, низкий, но явно женский крик рассек завывания ветра в ночной пустыне. На дороге двое сетов, одного из которых я уже встречала, теснили ударами ту самую белую кайру, предупредившую о подмешанном в вино зелье.

– Помогите ей!!! Это банда Ивена!

Несмотря на то, что одежда на ней промокла от крови и одна лапа плохо работала, гигантская кошка ловко сдерживала удары длинным, покрытым металлическими украшениями копьём. Андре откинул обоих сетов невидимой волной и рывкнул кайре убраться в сторону. Чуть поодаль вспыхнул столб света. Был третий, маг, и он ушел через скачок.

Старая знакомая, тяжело дыша, рухнула на землю, но все еще не выпускала копыя из словно сведенных судорогой лап. Кровь, сбегавшая из свежих ран, смотрелась неестественно яркой на белой шкуре огромной кошки, даже несмотря на прилипший сверху песок. Я рванула широкую оборку с платья и начала перетягивать лапу. Кайра зажмурилась и совершенно по-кошачьи огрызнулась, явно рефлексивно, от боли:

– Благодарю, огнеголовая, давай я сама.

В этот момент за спиной раздался особенно громкий и истошный крик. Один из нападавших извивался, лежа в песке с белым светящимся лассо на шее, которое явно его душило. Второй же продолжал поединок с Андре тяжелым мечом. Через кисть мага к работорговцу метнулось яркое пламя, и все его тело, одежда и даже сапоги одновременно вспыхнули. Я вскрикнула и невольно отвернулась.

– Тебе его жалко, чужачка? А он бы тебя не пожалел! – услышала я сквозь крики хриплый голос кайры.

Собравшись с силами, я заставила себя вновь повернуться. Задушенный работорговец лежал в неестественной позе уже без движения, а тот, кого Ивен представил мне как Эрла, все еще полыхал и катался между камнями. Маг закинул посох за спину и направился к нам. Через несколько секунд крик стих.

– Верно, боги послали мне тебя, огнеголовая, – прохрипела кошка. – Слишком удачно вы появились для простого совпадения.

– Похоже, – кивнула я, стараясь не смотреть на подошедшего учителя.

– Не знаю, кого из вас благодарить, темный.

– У нас с ними свои счеты. Ты ничего не должна, – ответил Андре, садясь около нее и выпуская ворох зеленых искр над раненой лапой. Кошка зарычала, поднимая морду к небу. – Ты хороший боец, раз смогла им сопротивляться в одиночку.

– Мое имя Рина, – сказала кайра. – Маг может не представляться, но как звать чужеземку, которая второй раз спасает мою шкуру?

– Лера.

– Идти сможешь? – спросил Андре.

Рина кивнула, и он помог нам обоим подняться.

Какое-то время мы шли молча, вглядываясь в темные силуэты гор, ожидая, когда над ними покажутся высокие огни на башнях Адаанаара.

– Что они могли сделать тебе, темный? – наконец прервала гнетущую тишину наша спутница.

– Рабство вне закона, – хмуро и холодно ответил маг, потом добавил: – А еще они чуть не превратили ее в пепел.

– Он продолжил охотиться за тобой? – удивилась Рина. – Ивен редко повторяется. Хвостатой бедноты достаточно, чтобы не бегать за кем-то конкретным по всему Адаламену.

– Но за тобой он бежит, – заметил Андре.

– Я узнала их с магами секрет. Только чего он боится, никто не поверит кайру.

– Мы поверим!

Огромная кошка с интересом повернулась. Башни ворот уже возвышались перед нами. Стража и немногочисленные жители города еще наполняли жизнью улицы Адаанаара. Некоторые из них открыто, с интересом смотрели на странную тройцу, пришедшую пешком из пустыни. Богатый и знатный боевой маг в компании молодой ученицы в оборванном и пыльном платье и окровавленной кайры.

Рина в явной нерешительности остановилась у одного из поворотов на дугообразную улицу. Махнув хвостом в воздухе, она открыла рот, чтобы сказать что-то, но Андре перебил ее.

– Сегодня был длинный день, мы все слишком устали, чтобы выслушать твою историю так внимательно, как она того заслуживает. Будь моим гостем. А завтра, отдохнув и отобедав вместе, мы могли бы уделить этому достаточно времени.

– Не боишься звать кайра в свой дом, маг?

– Думаю, тебе не нужен еще худший враг, чем те, что могут поджидать там, куда ты направляешься.

Рина опустила глаза и послушно, хоть и без особого удовольствия, последовала за нами в район знати. Однако при входе в дом настроение гостя изменилось. Она с интересом рассматривала украшения мебели и стен, брала в лапы изящную посуду, даже несмотря на пристальный взгляд Беллы.

Оставшись в своей комнате, я закуталась в покрывало и равнодушно уставилась на поднос с едой, своей неуместной аккуратностью только подчеркивающий мой внутренний раздрай. События сегодняшнего дня давили со всех сторон. Навязчивым эхом в памяти кружились картинки увиденных смертей, жестокости и упадка... Не было сил справиться с этим тошнотворным вихрем в одиночку. Как была, в покрывале и босиком, я подошла к дверям спальни Андре. Чуть приоткрытые створки выпускали в сад полоску дрожащего света буквально от пары свечей. Он сидел на краю кровати, голый по пояс, с бокалом в руке. Такой же поднос с нетронутой едой стоял на столе, а рядом поблескивала отражением полупустая бутылка вина. Обычно расправленные плечи были опущены и во взгляде, направленном в пустоту, читалась холодная грусть.

– Мне нужно с кем-то поговорить... – прошептала я.

Он протянул руку и, в очередной раз оставляя в прошлом часть представлений о себе, усадил на колени, положив острый подбородок мне на темечко. Я пришла поговорить, но беспомощно молчала, исследуя внутреннюю, совершенно по-детски нелогичную обиду на жизнь и на Андре – за то, что именно он, тот, кого я люблю, впервые познакомил меня со смертью. И еще на себя: ведь те двое навсегда остались лежать в пустыне не без моего участия.

– Сегодня впервые стала свидетелем убийства... – наконец прошептала я. – Пока не увидишь своими глазами, это все как будто не по-настоящему, как в театре, где за занавесом актер встает и отряхивается, как ни в чем не бывало. Я знала, конечно, чем вы занимаетесь, думала, что знаю... И мне казалось, что это нечто правильное, что вы справедливый защитник, сильный и смелый.

– Теперь все иначе? – тихо спросил он.

– В реальности все оказалось не так однозначно. Когда видишь, что злодеям тоже больно, то они перестают быть только злодеями. А тот, кого любишь, причиняет страдания другим, жестоко и безжалостно... Он... Сам становится злодеем... – Я почувствовала, как Андре еле ощутимо вздрогнул. – И еще непросто видеть свою собственную роль во всем этом...

Снова повисла тишина. На столе догорела и погасла, пуская длинную ниточку белого дыма, одна из двух свечей. В комнате стало почти темно.

– Мне очень жаль, что пришлось познакомить тебя с этой стороной жизни. Но она никогда и ни в чем не бывает однозначной. Сомневаюсь, что в твоём мире дела обстоят как-то иначе. Чистого зла вообще не существует – испытывая ненависть ко всему живому, оно уничтожило бы само себя. Даже самое чудовищное существо ищет счастья. Просто у всех разные представления о нем, и порой крайне экзотичные. Добрыми считаются в основном те, кто в погоне за собственными интересами стараются поменьше задевать интересы других. Я не просился на роль положительного персонажа. Как хищник убивает врага, защищая свою стаю, так и я не испытываю особой ненависти к первым и привязанности ко вторым. Обычно не испытываю... Моя голова остается холодной, а сердце честным. – Он на мгновение затих. –

Но сегодня я действительно был ослеплен гневом... И ты права, нет никакой справедливости и чести в жажде мести, она всегда разрушительна и бессмысленна... Все становится гораздо сложнее, когда речь идет о том, кто действительно очень дорог...

Теперь пришла моя очередь вздрогнуть. От такой неожиданной откровенности маятник внутреннего беспорядка резко качнулся, разрушая обиды, страхи и чувство отторжения. Словно бы в ответ на эту перемену Андре опустил бокал на пол и аккуратно уложил меня в свою постель. Потом нашел плечи под одеялом и крепко обнял.

– Время и обстоятельства все расставят по местам... Мы еще совсем не знаем друг друга...

История Рины

Рина и двое ее старших братьев, Кит и Руби, давно переехали из восточной резервации в Аданаар, чтобы научиться кузнечному делу и боевым искусствам. Проявив истинный талант, кайры не только стали лучшими учениками, но и позже открыли свое дело. Кит изготавливал невероятной красоты и прочности копья, используя каменное дерево и отделявая его металлом и костью. Руби же учил местных жителей сражаться этим оружием. Денег они брали немного, понимая, что большинство жителей Аданаара не способны позволить себе расценки военной лиги. Так братья кайры стали для многих единственным способом научиться постоять за себя. На жизнь хватало, дело потихоньку развивалось. Рина, как могла, помогала обоим.

Однажды на рынке их резные изящные копья увидел молодой караванщик из небольшого поселения асфиров в далеких южных лесах. Хамару начал привозить Киту костяные наконечники и украшения для инкрустации копий на манер лесных жителей. А потом переправлял готовые в родные земли. Так продолжалось несколько лет, потому как оружие, сделанное специально под вкус асфиров, быстро разлеталось по Талу. Семья Рины подружилась с Хамару. И вот в один из приездов он вошел в их дом с молодой женой Айлин – хрупкой и юной лесной хранительницей. У нее были длинные светлые волосы и большие миндалевидные карие глаза. Добрая и веселая, она быстро открылась семье кайров, хотя дружба асфиров с кошачьей породой – явление нечастое.

Хамару рассказал друзьям, что по пути в Аданаар из Тал Марита, так называлась их деревня, на караван напали. Оказывая сопротивление, часть нанятой охраны погибла. В связи с этим караванщик предложил Руби и Киту сопроводить их, а заодно побывать на живописной родине друга. Жители лесных поселений не любят чужаков, поэтому попасть в спрятанные в высоких рощах закрытые деревни без личного сопровождения там живущих никогда бы не получилось. Младшая сестра пришла в полный восторг от такой уникальной возможности, и братья согласились на время закрыть мастерскую и боевой зал.

Рина отлично охотилась. На одной из остановок выпала ее очередь отправиться за добычей, но Хамару, хорошо зная эти земли, пошел с ней. Кайра умела не только совершенно бесшумно двигаться, но и, ловко забираясь на любой высоты препятствия, совершать невероятные прыжки, поражая жертву копьем, подаренным братьями на совершеннолетие. Рина никогда не видела земель своих предков. Родившись в восточной резервации, они с братьями ни разу не покидали Адаламен. Однако сейчас, оказавшись в лесу, пусть в редком и невысоком, в ней проснулось что-то дикое, спрятанное под шкурой каждого лохматого жителя континента. Рассказывали, что их далекая родина покрыта бескрайним зеленым лесом, где резные остроконечные шатры напоминают кончики кошачьих ушей. Именно поэтому кайра так мечтала однажды побывать в высоких рощах Тала. Эти прыжки по деревьям были для нее как вода в знойный день, которую пьешь и никак не можешь напиться, так она сладка и приятна. Хамару наслаждался ловкостью и радостью подруги, но странное предчувствие терзало его сердце. Опасения подтвердились, когда им навстречу на всей скорости выскочил перепуганный хадау Айлин.

Как бы они ни спешили, но нападавшие уже покинули стоянку. Караван разграбили лишь частично – взяли только самые дорогие и красивые вещи, перебив стражу. Айлин и братьев среди мертвых не было. Либо те отправились догонять разбойников, либо нападавшие оказались работоторговцами. Хамару и Рина, в спешке собрав все более—менее ценное, оседлали оставшегося хадау и отправились по следу.

Через полтора дня им удалось нагнать караван Ивена, вставший набрать воды в лесной реке. Скрываясь за кронами деревьев, в одной из клеток Рина разглядела среди пленников Айлин в тяжелых кандалах. Нападать было бессмысленно, слишком велик и хорошо охраняем оказался караван работоторговцев. Хамару предложил и дальше следовать за ними к башне

Омбран и там попытаться выкупить или освободить друзей. Настораживало то, что на протяжении всего пути братьев—кайров нигде не было видно.

Через два дня караван разделился. Клетку с Айлин отправили на запад, а заколоченные ящики с товарами двинулись на северо—восток. Недолго думая, друзья решили последовать за измученной девушкой. Наконец юную хранительницу привезли на рынок к башне Олмах и там продали местному торговцу рабами. Хамару и Рина предложили ему все, что было, но учитывая, что их товары разграбили, а хадау за несколько дней пути с двумя наездниками и скарбом оставался еле жив, в ответ на их скромное предложение хозяин рынка лишь рассмеялся. Асфиру стоило отправиться домой, чтобы привезти больше денег, но дорога в Тал Мариту длинна и сложна, да и никто не мог гарантировать, что, вернувшись, он найдет жену на том же рынке. Рину же оставлять одну в поселении при омбранской башне было равносильно добровольной продаже в рабство. К ней не приставали исключительно потому, что считали кайру служанкой караванщика. Им оставалось только ждать удачи.

В одну из ночей у разлученных появилось несколько минут, чтобы поговорить. Айлин рассказала, что нападшим им нужны были именно Кит и Руби, они искали воинов-кайров, кто-то из дома Омбран сделал Ивену такой заказ. Ее же взяли из-за молодости, просто от жадности. Один из идущих вместе с караваном магов буквально только дотронулся до связанных братьев, как те провалились в странный непробудный сон. Можно было решить, что те умерли, если бы по приказу Ивена на них не надели жестокие магические кандалы. Мертвые не убегают, а значит, братья живы. Потом кайров погрузили в большие деревянные ящики, похожие на те, в которых возят руду. Значит, когда караван разделился, Кит и Руби отправились на северо-восток... Друзья договорились, что дождутся, пока у Айлин появится хозяин, чтобы знать ее местоположение, и потом сразу отправятся за выкупом.

Поскольку в Олмах девушку не купили, ее переправили южнее, на рынок башни Лаззар, где ее забрал себе личный портной мага. Оказавшись ближе к Тал Марита, Хамару поспешил в деревню и вернулся к башне с деньгами и драгоценностями, а также в компании двух братьев Айлин – Фео и Витаса. Пока их не было, портной выяснил, что рабыня, ко всему прочему, танцовщица, и выгодно продал ее хозяину омбранской башни. Теперь выручить Айлин стало еще сложнее.

Братья девушки долго добивались личной аудиенции мага, и вечером шестого дня им, наконец, разрешили войти в башню. Она стояла на поляне в невысоком лесу, которым поросли небольшие плоские холмы юго-западного побережья. Омбранцы не возводили свои строения из камня и дерева, а заставляли мутировать живую материю, придавая ей странные, порой откровенно пугающие формы. Башня, возвышающаяся над деревьями, удерживалась на трех массивных древесных стволах, зарывающихся сетью узловатых корней в землю. Закручиваясь спиралью, они удерживали тяжелое, тянущееся во все стороны наверх. В хороводе толстенных изогнутых ветвей, похожих то ли на застывшее пламя, то ли на рога невиданного животного, пряталось сияющее цветным стеклом яйцо. Оно покоилось словно в высохших и скрюченных лепестках цветка, от которого ко всем частям башни тянулись мерцающие тусклым огнем тонкие магические паутинки. На всех уровнях башни трепетали на ветру длинные горизонтальные флаги с девизом Лаззара, написанным на древнем тальмерском: «Сила есть порядок и путь – путь к вершине».

Подойдя к башне, Рина слегка растерялась, оценив, на какой высоте располагается площадка главного входа. Для нее, способной лазить по деревьям лучше, чем дикие звери, добраться туда проблемы не составит, но сложно представить, как чопорные маги карабкаются вверх, цепляясь пальцами, усыпанными драгоценными перстнями.

– Если ты не способен летать, то тебе нечего делать в башне, – ответил на ее вопросительный взгляд Хамару. И протянул каждому по маленькой бутылочке с зельем.

По пути в приемный зал, куда их провожал один из служителей, Рина заметила узкую невзрачную дверь и предположила, что именно она может привести в помещения для рабов. Гостей привели в роскошный круглый зал, заполненный разноцветным светом затейливых окон. Колонны, напоминающие расходящиеся кверху древесные ветви, сияли в лучах падающего на них солнца. «Как можно быть такими ужасными внутри и создавать что-то столь прекрасное снаружи?» – изумлялась кайра. Мага еще не было, и их попросили подождать. Рина, воспользовавшись моментом, юркнула обратно к узкой, малозаметной двери. Лохматые редко выходят из дома без отмычки, а зная, что отправляется в башню Омбран, кайра прихватила с собой и поблескивающий заклинаниями гибкий зонд, позволяющий обезвредить большинство классических магических ловушек. Она начала тихонько простучивать им края двери, наблюдая за оттенком отлетающих искр, пока из коридора не донесся звук шагов. Отчаянная лазутчица спряталась за одну из крупных ваз и затихла. Мимо нее проходила ханонианка в ошейнике рабыни. Кайра тихо позвала ее из-за спины.

– Кто ты, незнакомка? – удивилась зеленокожая женщина.

– Моих братьев и подругу украли работорговцы, мы пытаемся освободить их. Айлин – асфир, она здесь.

– Кайра, спасающая асфира? Это интересно! Должно быть, у вас и правда есть повод для дружбы! Поторопись, лохматая, белый работорговец в башне, он не хочет, чтобы юная хранительница покинула ее.

– Ивен в башне? Где?

– В кабинете хозяина, они сейчас разговаривают. На следующем ярусе, вторая дверь налево та, что нужна тебе.

– Благодарю, холодная, придет тот день, когда все на Адаламене будут свободными!

Рина сунула в руки ханонианке крошечный пузырек с ядом, надеясь, что та правильно применит его, и поспешила в указанном направлении. Взбежав на второй этаж, кайра прильнула чутким ухом к двери.

– Не будьте таким жадным, Лаззар, тайна лорда стоит гораздо больше, чем пара асфиров сможет предложить за какую-то девчонку!

– Но она же ничего толком не знает! – возмущался маг. – Ты же сам говорил, что малышка видела лишь, что их усыпили. Ни один из моих рабов ничего не знает о лаборатории. Все, кого увозили отсюда, никогда не возвращались назад.

– Я не думал, что в лагере, где мы ее взяли, остался еще кто-то. Никто не знает, проследили они только за ней или за обоими караванами. Нужно избавиться от всей этой компании как можно скорее. Причем максимально аккуратно, чтобы не понабежали еще какие-нибудь родственники.

– Предлагаю поступить так, – задумчиво произнес Лаззар. – Я соглашаюсь на сделку и отдаю им рабыню, вежливо и с извинениями. Ты же возьмешь пару моих учеников и вместе со своими головорезами поймаешь их за городом. Обставь все так, будто они нарвались на пиратов, и дело с концом. Мои руки чисты и цель достигнута.

– Идет, – согласился Ивен.

Рина почувствовала, как вся ее шерсть встала дыбом от ужаса. Кайра вернулась в зал, где ждали ее друзья, так быстро, как могла, и поспешно прошептала все, что узнала, на ухо Хамару. Тот сжал зубы, но ответить ничего не успел, потому что в дверях появился Лаззар в сопровождении одного из своих учеников, явно тоже боевого мага.

Братья Айлин еще долго объяснялись и торговались с хозяином башни. Даже несмотря на свою ужасную задумку, он стремился получить как можно больше выгоды из ситуации. Наконец они сошлись на стоимости, и омбранец разрешил снять ошейник с девушки. Похудевшая и бледная, обливаясь слезами, Айлин бросилась со всех ног к мужу. И только Рина с Хамару знали, что счастливый конец этой истории еще близко.

Узнав о плане Ивена и Лаззара, братья Айлин пришли в бешенство, однако прекрасно понимали, что даже четверо неплохих воинов не справятся с засадой работорговца. Пришлось отвечать хитростью на хитрость. Средств сидеть в городе долго у них не было, оставалось действовать по возможности быстро. Асфиры наняли троих, которые должны были надеть их одежду и сесть на корабль, идущий в Дамират. Айлин и Хамару нарядили в мантии, которые обычно носят маги, и караваном отправили в Камила Фир. Рина нанялась в охрану к торговцам, шедшим за камнем в Аданаар, а Фео и Витас остались в городе, отвлекать внимание своим присутствием.

Теперь перед Риной стояла задача – узнать, как попасть в Сильветрис, чтобы найти своих братьев. На северо-востоке, куда повезли ящики, стояла самая большая и совершенно неприступная башня дома Омбран размером с целый дамиратский квартал, где можно было спрятать полсотни кайров. Ключом от нее оставался только Ивен и его караваны. Прибыв в Аданаар, она принялась искать тех, кто мог быть осведомлен о перемещениях работорговца. И ей повезло. Оказалось, что тот регулярно бывает в городе. Оставалось только ждать. Через пару недель Рина выследила его в таверне, где попыталась проникнуть в комнату, но была схвачена, ибо Ивен, к несчастью, забыв что-то, вернулся буквально через минуту. В этот момент огнеголовая служанка мага и выскочила из соседней двери, чтобы спугнуть его. Тогда работорговец принял Рину за обычного воришку, но позже, обнаружив ее в Дамирате, понял, что перед ним та самая кайра, что приходила с асфирами вызволять девушку из башни Лаззар. Нетрудно было догадаться, что она ищет пропавших собратьев. С этого момента они уже охотились друг на друга.

Из Дамирата караван двинулся обратно на север. Лохматая, теряя всякую надежду, преследовала его, уже и сама не зная зачем, практически готовая броситься к работорговцам в лапы сама, лишь бы снова оказаться рядом с Китом и Руби. Однажды ночью во время стоянки стража отвлеклась отогнать пришедших из леса зверей. Так у кайры появилась возможность подобраться к одному из больших ящиков, подобных тем, в которых увезли в Сильветрис ее братьев. Она прыгнула с дерева на лоды и срезала веревки, державшие тяжелый груз. Ящик с грохотом упал на землю, выпуская в воздух клуб огня от сработавшего защитного заклятья. Каково было ее удивление, когда вместо пленников из него высыпались темные узловатые корни! Подхватив один, Рина бросилась в лес. Кайра знала, что преследовать дальше Ивена бессмысленно. Обнаружив слежку, работорговец не поведет караван в место назначения сразу, поэтому она решила вернуться в Аданаар. Да только лохматая не поняла, что на этот раз хвост увязался за ней самой. Головорезы Ивена настигли ее у самого города прошлой ночью и история на том бы и закончилась, не появившись около дороги темный маг и его огнеголовая ученица.

– Могу я взглянуть на этот корень?

Рина залезла в потертую кожаную суму и вытащила сверток. Андре раскрыл его – и брови мага взлетели вверх. Подняв корень высоко над столом, по моему изумленному лицу он понял, что я тоже знаю, что это такое.

– Рина, своей находкой ты можешь устроить серьезные проблемы не только Ивену. Боюсь, ты копнула слишком глубоко, и ни в одном крупном имперском городе тебе лучше не светиться, пока мы во всем не разберемся.

На поиски легенды

Ответный рассказ Андре Рина слушала напряженно, с хмурой мордой, а на моменте опытов, для которых Вилдьеру понадобились ее братья, вся ее шерсть от загривка до самого хвоста встала дыбом. Маг предположил, что корень похитителя тел нужен как раз для запуска процесса превращений. Но то, что ингредиенты для жестоких опытов омбранцев, возможно, поставляются из имперских садов Дамирата, приводило его в неистовство.

– Я благодарна за все, что ты делаешь, темный, и готова сыграть любую роль в твоей войне. Но не смогу смириться с потерей братьев и перестать искать их!

– Прорываться в Сильветрис в одиночку – бессмысленное самоубийство даже для меня, – пытался остудить ее пыл Андре. – И, скорее всего, там лишь перевалочный пункт, ибо ее башни малы и слишком публичны для подобной лаборатории. Поэтому предполагаю, что самое интересное происходит в летающей башне Вилдьера. Конечно, лучше посетить обе, но для этого нашему крайне маленькому отряду потребуется помощь. Сможешь ли ты найти дорогу в Тал Марита?

– Одна не смогу, но мы с Хамару договорились: когда появится возможность, я дам знать, и меня заберут из Камила Фир.

– Отлично! Значит, мы отправляемся в гости к асфирам.

– Ты же не думаешь, маг, что пара лесных воинов добавят нам преимущества против безумных омбранцев с их учениками, стражей и наемниками? – с сомнением спросила Рина.

– Слышала об Изои?

– Легенда асфиров о духе, охраняющем священные рощи?

– Да. И ты поможешь мне встретиться с этой легендой.

– Темный, ты не похож на того, кто верит в сказки, даже после всего рассказанного, – прищурилась белая кошка.

– Я верю лишь своим глазам, а они однажды имели возможность видеть этого духа, – невозмутимо ответил маг.

Кайра аж открыла рот от удивления. Видя, что на меня это заявление нужного эффекта не произвело, Андре пояснил, что у лесных жителей есть священные рощи, где растут их волшебные плачущие деревья, при помощи которых те и общаются со своими духами. Эта местность называется Тал. Охраняет их бесплотное бессмертное существо, способное справиться с любым противником. Его изображают как светящийся силуэт с головой хадау, увенчанной длинными рогами.

– Только нет у него никаких ног и рук. Он выглядит точно как хадау, – закончил свои пояснения Андре и начал рассказ. – Около года назад мой учитель и друг Сайят попросила о личной услуге: сопроводить один важный для асфиров караван из Камила Фир в Тал. Это как раз район высоких лесов. Она знала лишь, что моя задача – никого и ни при каких условиях не подпустить к определенному лодо и не задавать вопросов, что или кого он перевозит. Уже недалеко от цели мы нарвались на кучку пиратов. Как и обещал, я оставался около лодо, из которого вдруг выпрыгнул хадау, точнее, его магический образ. Уникальная работа, действительно бесплотный, сквозь него легко проходили предметы и он сам мог проходить через любую материю, не встречая сопротивления. Однако раскидать рогами врагов это ему нисколько не помешало. Он же и сам мог творить магию. Создать существо, готовое драться, – не новость, но способное воспроизводить заклинания и при этом быть неуязвимым! Я был потрясен! И самое интересное: этот магический зверь все время оставался невидим.

– Как же ты увидел его, темный? – усмехнулась Рина.

– По магическому следу. И, скажем, у меня тоже есть свои секреты, – отмахнулся Андре.

– Значит, вы считаете, что на самом деле это не дух, а искусная магия, чей создатель находился в лодо? – уточнила я.

– Полагаю, что такой магии обучен ограниченный круг существ и секрет сохраняется столетиями, чтобы защищать поселения Тала. Конечно, я не питаю иллюзий, что меня самого обучат такому потрясающему искусству, однако не думаю, что Вилдьер оставит леса асфиров нетронутыми, а значит, есть шанс уговорить их помочь. Ведь невидимый и бессмертный хадау, способный колдовать, – идеальный лазутчик в Сильветрис.

– Гениально! – воскликнула я.

– Караван шел в Тал Марита? – уточнила кайра.

– Не знаю. Скорее, в Тал Медина, соседнее поселение. Больше всего последних упоминаний об Изои, которые удалось найти, связаны именно с Мединой. Думаю, мы действительно встретились не зря, и тот, кто поспособствовал этому, подтасует обстоятельства и дальше.

– Я сделаю все, что смогу, темный, не сомневайся!

Рина сделала что-то вроде неглубокого поклона, что очень нехарактерно для гордых и свободолюбивых кайров. Этот поклон означал глубокое уважение и готовность служить. Господин Андре ответил ей тем же.

– У меня кое-что есть для тебя, – сказал маг, когда я вошла в комнату по просьбе Беллы.

На кровати лежал красивый, расшитый длиннохвостыми шелковыми птицами плащ с витиеватой, украшенной камнем застежкой. Небесно синий-лазурит в серебряной оправе источал легкое искрящееся свечение.

– Это не простой плащ? – тихо спросила я, проводя пальцем по неестественно холодному камню.

– Он способен на какое-то время обеспечивать защиту, как тот эликсир. Если, конечно, научишься с ним управляться. И еще кое-что... – С поразительной для мужчины ловкостью маг распустил мне волосы. – На Адаламене внешние традиции играют не последнюю роль. Многих проблем можно было бы избежать, просто показывая свою приверженность к определенным слоям или расам. При этом не обязательно иметь причастность по крови, однако можно демонстрировать, чьи взгляды разделяешь и чем занимаешься. Того, что ты чужеземка, не спрячешь, но для живущих здесь важно, чтобы их культуру принимали и уважали. К тому же существа проще идут на контакт, примерно представляя, с кем имеют дело.

Он открыл плоскую квадратную шкатулку из красного дерева, и в темных пальцах блеснула изысканная золотая диадема. Она представляла собой сложное асимметричное переплетение линий, обнимающих серо-зеленый камень, похожий на лабрадорит. Стоило украшению коснуться моей головы, как возникло ощущение, будто в спальню вошел кто-то еще с сильным и пылким нравом.

– Это любимое украшение моей матери, – пояснил он, откровенно любуясь. – Сомневаюсь, что найду ту, к чьим глазам оно подойдет больше, чем к твоим.

Я долго не могла подобрать слов, чтобы выразить весь букет чувств, заполнивших до краев мое сердце. Правда, с Андре, так своеобразно выражавшим свои эмоции, сделать это правильно было практически невозможно.

– Я иногда забываю, насколько мы разные, выросшие в таких непохожих вселенных, хотя и учимся понимать друг друга. Но этот подарок бесценен в любом из миров. Как я могу отблагодарить вас?

– Пожалуйста, будь терпелива ко мне.

Видимо, пришло время вернуть на Адаламен пропавшую чужачку, поэтому прежде всего наш маленький отряд направился в Дамират. Какие бы на то ни были причины, у темного в голове всегда имелся какой-то план, которым он, конечно же, не спешил делиться. Однако локоть, подставленный мне прямо перед подъемом на возвышение портала, намекнул, что маг изволит устроить небольшой переполох. И реакция на появление главы северного крыла с пропавшей ученицей его не разочаровала. Венчая всеобщее замешательство одним из своих невыносимо колючих выражений лица и фразой «Луис, кажется, пришло время серьезно поговорить...», господин Андре исчез за дверью кабинета главы, оставив нас с Риной в гостиной.

Познакомив Марко с нашей новой спутницей, я поспешила в комнату, чтобы собрать свои немногочисленные вещи в поход, о длительности и цели которого легче было просто не думать. За дверью, словно кадр из резко остановленного кино, дожидались знакомые простые вещи, разбросанные второпях взволнованной девушкой. В сердце ворвалось понимание, что прошло не так много времени, а я, жившая здесь, и я, стоявшая сейчас на пороге, – уже два разных человека. Изменилось все: мое ощущение от Адаламена, я сама и моя роль в этой истории. Из подхваченного и бросаемого из стороны в сторону ветрами семечка мне удалось стать ростком, пустившим корни, попав в нужную почву. Еще по-прежнему не осознавая, кто я и зачем, я обрела вектор, благодаря которому все происходящее, раньше полное спонтанной туманности, начало обретать плотность.

Достав свои записи, я быстро пролистала их. Вот изображение бабочки, которую господин Андре дополнил на празднике, мне тогда очень хотелось запечатлеть на память ее изысканную красоту. Еще между страниц торчал уголок дорогой бумаги с вкраплениями шелковых нитей. Я потянула за него и вытащила записку с совершенным почерком и маленькой лодочкой, в которой двое сидели друг напротив друга. Где-то в недрах высоких кварталов Дамирата, возможно, ужинал прекрасный принц, навсегда загнанный под тысячу блестящих масок. Невольно вздохнув, я погладила крошечный рисунок подушечкой пальца.

– Хочешь увидеть его? – заставил меня вздрогнуть голос мага, прозвучавший прямо из-за спины.

– Хочу, – честно ответила я. – Но сейчас не время. – Я повернулась и заглянула в ледяное лицо учителя. – Он тоже часть этой истории. Возможно, гораздо большая, чем Рина. И мне хотелось бы верить, что он встанет под ваш флаг. Но одно неловкое движение может обеспечить серьезного врага.

– Можешь не утруждать себя объяснениями. Ты ничего мне не должна, – жестко отрезал тот и повернулся к двери.

Я вскочила, разметаю листы записей по полу, и схватила его за руку. Он снова повернулся, испепеляя меня взглядом, но потом перевел взор на что-то и острый лед в его глазах чуть смягчился. Голубая бабочка, словно глупое оправдание, пришла мне на помощь.

– Он не соперник вам, Андре, – пролепетала я, задыхаясь от волнения, прижимая ладони к его широкой груди. – Это другое...

И вдруг что-то произошло. Весь груз тяжелых переживаний относительно Филиппа поднялся из моего сердца, как воздушный пузырь со дна океана. Он вытолкнул в мое сознание

пропитанное безысходной тоской воспоминание о том, как белокурый принц крепко обнимает и гладит чудовище. Я словно на секунду снова оказалась в башне, услышала каждое слово печальной истории, что сразила меня отравленной стрелой. Андре резко отшатнулся. Лицо темного выглядело так, будто его резанули ржавым ножом.

– Даже не знаю, чем я больше удивлен: тем, что ты мне показала, или тем, как ты это сделала, – все еще морща лоб, произнес маг.

Я, моргая, стояла в полном недоумении.

– Я это показала?

– И дала почувствовать... Все, что испытываешь сама, и он... и, кажется, даже чудовище...

Темный сел на кровать и закрыл лицо руками. Ход времени замедлился, утопая в его молчании.

– Любопытное переживание, я так и не видел, кто он, но до сих пор чувствую всю эту историю, как свою.

– Простите... – продолжая пребывать в полной растерянности, прошептала я.

– Мне не за что тебя прощать. Ученицы могут спать с кем угодно, главное, чтобы не со своим учителем...

Его сарказм ударил, словно плеть. Мне всегда казалось, что это Андре держит дистанцию между нами, а если бы он захотел, если бы позвал – я бы бросилась в его объятия, растворяясь без остатка. От этого его неоднозначные слова укололи так больно. Я сжала задрожавшие губы и отвернулась, собирая с пола рассыпавшиеся бумаги.

– Думаю, это должно принадлежать тебе, – снова зазвучал его голос. Я повернулась и увидела тот самый розовый светящийся кулон на золотой цепочке, который позволил поступить в магическую школу. – Если кто-то тебя обидит, можешь заставить его станцевать на углях.

– А если вы меня обидите?

– Тоже, но со мной такие эксперименты вредны для здоровья.

Я взяла изящный пузырек и повертела его в руках.

– Вам для него нужны были мои слезы, да?

– Ничего не мог с собой поделаться, хороший маг никогда не откажется от соблазна получить какой-нибудь редкий ингредиент.

– Может, вам еще наплакать ингредиентов? Пара жестоких фраз поверх трогательных подарков, и можно ведро подставить, разбогатеете.

– Ничего не получится, нужны слезы влюбленной... – он сделал язвительную паузу и продолжил. – Отвергнутой после первого поцелуя. Ты уже не подходишь.

Мне захотелось кинуть в него и кулоном, и диадемой и закричать, чтобы он навсегда убрался из моей жизни. Но вместо этого я закрыла глаза, сконцентрировалась на огромном, гудящем бешеным пламенем шаре, теснившемся в груди, и почти с физическим удовольствием метнула его в ухмыляющееся лицо Андре. Маг ловко пригнулся, огонь с гулом облизал каменную стену за его спиной, оставляя широкий след копоти.

– Умничка какая! – воскликнул он. – Полегчало?

Темный подошел и взял меня за все еще выставленные вперед ладони. Приходя в себя от содеянного, я вдруг поняла, что он смеется и целует мои дрожащие пальцы.

– Видела бы ты свое лицо!

– Андре, вы сумасшедший? Или вы меня испытываете?

– Сложно объяснить, чужачка, скорее нас обоих.

Маг усадил меня на стул и повернулся к двери, где только что появились Марко и Рина. Они с недоумением посмотрели на стену, потом на мое бледное и растерянное лицо.

– Осторожнее, с ней становится опасно, – сказал учитель, похлопав Марко по плечу. – Принеси ей водички, а то сейчас в обморок хлопнется. Но я тут ни при чем! – И, явно довольный произошедшим, скрылся в коридоре.

Голова и правда кружилась...

В южном крыле альянса господина Андре встретили с подчеркнутым гостеприимством и куда больше с интересом, чем с осторожностью и страхом. То ли он не так часто посещал Камила Фир и не успел исчерпывающе проявить все оттенки своего характера, то ли местные оказались более расслабленными и совершали меньше ошибок, на которые магиус Аданаара никогда не упускал возможности указать... Как бы то ни было, приняли нас на удивление тепло и радостно, поспешно собрав вкусный ужин и созвав всех более или менее значимых членов альянса. Казалось также, что местные маги выбираютя отсюда нечасто, ибо, выждав достаточное для соблюдения приличий время, Андре завалили вопросами.

Как я и ожидала, освещение в южном крыле было зеленоватым. Здание украшали множество окон и еще больше цветов, чего было редкостью для Дамирата, а для Аданаара тем более. В накрытых на стол тарелках встречались овощи и фрукты, которые мне не доводилось пробовать раньше. Во время ужина один из учеников предложил сыграть гостям на ратабау. Инструмент оказался похожим на арфу, выполненную в виде рогатого животного: сияющие серебром струны тянулись от позвоночника к длинным, изогнутым дугой рогам. Все присутствующие за столом асфиры с удовольствием раскачивались в такт льющейся нежной мелодии. Казалось, что и гости-то тут ни при чем, просто в зеленой части альянса царит приятная семейная атмосфера и любой повод годится, чтобы устроить праздник.

При выходе на улицу первый глоток воздуха Камила Фир вскружил мне голову сильнее молодого вина. В нем было столько свежести и влаги, словно наслаждаешься сочным прохладным фруктом. Я невольно остановилась. Видя, как мой замороженный взгляд перемещается с одного строения лесного города на другое, Андре поймал Рину за плечо и дал мне время осмотреться.

Южная столица была как бы рассыпана по холмам, собственно, приставка «Фир» и значила «город района холмов». Одни были узкими и острыми, другие крупными и пологими. На более или менее плоской земле стояли деревянные дома от двух до четырех этажей в высоту с вытянутыми вверх крышами, часто скошенными набок. Крутые, покатые холмы сами служили многоэтажными домами, а кое-где вдобавок многоярусными садами. Между ними на высоких сваях раскинулся настоящий лабиринт деревянных скрипучих переходов, чьи перила обвивали зеленые лозы. На арках и высоких гибких жердях развевались флаги-указатели, в круглых вазах из толстого мелко растрескавшегося стекла пульсировали магические фонари. Внизу под мостами либо росли кустарники, вкусно пахнущие даже при сомкнутых на ночь бутонах, либо стояла заболоченная вода, в которой всюду шныряли узкие, похожие на перья лодочки. Естественные каналы закрывала ряска, из нее торчали ярко фосфоресцирующие ночные цветы, обеспечивая совершенно особенное освещение нижнего яруса. Кое-где по краям холмов, а иногда прямо из воды росли прямые, как сосны, деревья, создавая над городом шумящую плотную крышу. С деревьев свисали лианы выюнов-паразитов, опутывающих крепкие ветви. Обычно спортивные асфиры во время спешки использовали их, чтобы перепрыгивать с одного помоста на другой, избегая извилистых переходов и бесчисленных ступеней. Город шумел листвой, скрипел деревом и гулко булькал водой под дном лодочек, которые, кстати, управлялись не веслами, а длинной палкой с резным крюком на конце. Одной его стороной отталкивались от дна или берега, чтобы начать движение, а другой цеплялись, чтобы остановиться. Все это дополняли песни ночных птиц, которых невозможно было услышать ни в центре Дамирата, ни тем более в Аданааре. Совершенно переполненная восторгом, я повернулась к Андре, и тот понимающе, еле уловимо кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.